

ISSN 2412-6047 (Online)

ISSN 2078-5429 (Print)

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

TOM 6
НОМЕР 4

2015

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 20 мая 2009 г.
Свидетельство о регистрации средств массовой информации ПИ № ФС 77-36311

Журнал издается с 2010 г., выходит 4 раза в год

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» **42503**

Журнал включен в **Перечень ВАК Министерства образования и науки РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор

Белокрылова О. С., Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор.

Заместители:

Корытцев М. А., доктор экономических наук, профессор,

Гуцелюк Е. Ф., кандидат экономических наук, доцент.

Члены редакции:

Мамедов О. Ю.	Заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор,
Дементьев В. В.	(Украина), доктор экономических наук, профессор,
Сандоян Э. М.	(Армения), доктор экономических наук, профессор,
Жук А. А.	доктор экономических наук, доцент,
Игнатова Т. В.	доктор экономических наук, профессор,
Латов Ю. В.	доктор социологических наук, профессор,
Левин С. Н.	доктор экономических наук, профессор,
Вольчик В. В.	доктор экономических наук, профессор,
Цыганенко С. С.	доктор юридических наук, профессор,
Локота О. В.	кандидат экономических наук, профессор,
Скоробогатов А. С.	кандидат экономических наук, профессор,
Шадрина Е. В.	кандидат экономических наук, доцент,
Шмаков А. В.	кандидат экономических наук, доцент,
Аверкиева Е. С.	кандидат экономических наук.

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получивших мотивированный отказ в опубликовании. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Адрес редакции:

344082, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Наш сайт: www.hjournal.ru
Тел. +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru;
info@hjournal.ru

Учредитель:

ООО «Гуманитарные перспективы»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).
Date of registration: 20th May, 2009.
Registration certificate PI № FS 77-36311.

Founded: 2010
Quarterly Journal

Subscription Index in «Russian Press» **42503**

Journal of Economic Regulation is included into «The list of the leading scientific journals and publications under review, where the basic scientific research results of the theses for academic Degrees of Doctor and Candidate should be published» of the Higher Attestation Commission (HAC), the Ministry of Education and Science of the Russian Federation

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Editor in Chief

Belokrylova O. S., Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor.

Deputy Editors:

Korytcev M. A., Doctor of Economics, professor,

Gutseluk E. F., Candidate of Economic Sciences, associate professor.

Editorial Staff:

Mamedov O. Yu.	Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Economics, professor,
Dementyev V. V.	(Ukraine) Doctor of Economics, professor,
Sandoyan E. M.	(Armenia) Doctor of Economics, professor,
Zhuk A. A.	Doctor of Economics, associate professor,
Ignatova T. V.	Doctor of Economics, professor,
Latov Yu. V.	Doctor of Social Sciences, professor,
Levin S. N.	Doctor of Economics, professor,
Volchik V. V.	Doctor of Economics, professor,
Tsyganenko S. S.	Doctor of Laws, professor,
Lokota O. V.	Candidate of Economic Sciences, professor,
Skorobogatov A. S.	Candidate of Economic Sciences, professor,
Shadrina E. V.	Candidate of Economic Sciences, associate professor,
Shmakov A. V.	Candidate of Economic Sciences, associate professor,
Averkiewa E. S.	Candidate of Economic Sciences.

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements which are available at <http://hjournal.ru>. Papers which do not follow the rules are rejected by the Editorial Staff. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Post-graduates' papers to be published are free of charge.

Editorial office:

Pushkinskaya St., 43, office 10,
Rostov-on-Don, Russia, 344082.
<http://hjournal.ru>
Phone: +7 (863) 269-88-13
e-mail: hp@donpac.ru;
info@hjournal.ru

Founder:

Ltd. «Humanities Perspectives»

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Вольчик В. В., Кот В. В., Ширяев И. М. Институты и организации сферы высшего образования (на примере Ростовской области)	6
Котляров И. Д. Нестандартные формы занятости: позитивные, негативные, нейтральные	28

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Корчагина Е. В. Исследования семейного бизнеса в России: подходы к определению и концептуальные особенности	37
Бечвая М. Р. Технология оценки результативности научно-образовательной деятельности научно-педагогических работников в сфере высшего образования	46

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

Жукова И. А., Лобунец В. С. Стратегия импортозамещения как одно из приоритетных направлений возрождения угольной промышленности Ростовской области	55
Лысоченко А. А. Стратегическое управление в отраслях агропромышленного комплекса и природопользования	64
Фролов Д. П., Лаврентьева А. В. Эволюция институциональной структуры АПК России: 150-летняя траектория «ловушек»	79
Шевелева А. В. Оценка перспектив создания эффективного экономического механизма стимулирования экологически устойчивого развития нефтегазового комплекса	94

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Елхина И. А. Оценка структурных сдвигов и различий региональных хозяйственных систем Юга России	103
Малкина М. Ю. Исследование факторов межрегиональной конвергенции/дивергенции реальных доходов и «социального благополучия» регионов РФ	111

ФИНАНСЫ И КРЕДИТ

Гамукин В. В. Бюджетные риски: варианты траекторий	120
Кавицкая И. Л. Монетарная политика Европейского Центрального Банка в современных условиях	131

ЭКОНОМИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Белокрылова О. С. Методы снижения рисков коррупции в системе государственных и муниципальных закупок	140
Белокрылов К. А. Моделирование экономики коррупции: теоретические подходы	147
Белокрылова О. С., Гуцелюк Е. Ф. Экономические риски системы государственных и муниципальных закупок	154
Корытцев М. А. Инновационные государственные закупки в России: проблемы институционального обеспечения	162

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Цыганенко С. С. Актуальные вопросы процессуального развития форм в уголовном судопроизводстве	170
---	-----

ECONOMIC THEORY

- Volchik V. V., Kot V. V., Shiriaev I. M.** Institutions and organisations in Russian higher education:
the example of Rostov region education services market 6
- Kotliarov I. D.** Atypical employment: positive, negative and neutral forms 28

SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH

- Korchagina E. V.** The family business research in Russia: the definition approaches and
conceptual features 37
- Bechvaya M. R.** Technology performance evaluation of scientific and educational
activities of scientific-pedagogical staff in higher education 46

INDUSTRIAL ECONOMICS

- Zhukova I., A., Lobunets V. S.** Import substitution strategy as one of the priority
directions of revival of the coal industry in the Rostov region 55
- Lysochenko A. A.** Strategic management in the agro-industrial complex and environment 64
- Frolov D. P., Lavrentyeva A. V.** Evolution of institutional structure of agro-industrial
complex of Russia: 150-year trajectory of «traps» 79
- Sheveleva A. V.** Assessment of creation prospects of the effective economic stimulation
mechanism of ecologically sustainable oil and gas complex development 94

REGIONAL ECONOMICS

- Elkhina I. A.** Assessment of structural shifts and differences of regional economic
systems in Southern Russia 103
- Malkina M. Yu.** Study of the factors of interregional convergence/divergence in real
incomes and «social well-being» of Russian regions 111

FINANCES AND CREDIT

- Gamukin V. V.** Budgetary risks: options of trajectories 120
- Kavitskaya I. L.** The monetary policy of the European Central Bank in modern conditions 131

ECONOMICS OF PUBLIC PROCUREMENT

- Belokrylova O. S.** Reduction methods of the corruption risks in the public
procurement sphere 140
- Belokrylov K. A.** The modeling of corruption economics: theoretical approaches 147
- Belokrylova O. S., Gutseluk E. F.** Economic risks of the system of state and
municipal procurement 154
- Korytcev M. A.** Innovation public procurement in Russia: problems of institutional arrangements 162

ECONOMICS AND LAW

- Tsyganenko S. S.** Issues of remedial development of forms in criminal proceedings 170

ИНСТИТУТЫ И ОРГАНИЗАЦИИ СФЕРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)*

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru

КОТ ВЕРА ВИТАЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: vkot@sfedu.ru

ШИРЯЕВ ИГОРЬ МИХАЙЛОВИЧ,

преподаватель,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: shiriaev@sfedu.ru

В статье рассмотрена трансформация институциональной и организационной структуры высшего образования Ростовской области. Изучено экономическое поведение ключевых акторов на рынке образовательных услуг высшего образования в контексте их адаптации к институциональным и организационным изменениям. Взаимодействие институтов и организаций представлено с точки зрения оригинальной институциональной экономики, в русле подходов Дж. Коммонса и Дж. Ходжсона. Эволюция высшего образования в Ростовской области рассмотрена в контексте общероссийских тенденций. В процессе эволюции институциональной и организационной структуры высшего образования выделены три этапа, различающиеся динамикой количественных показателей и разнонаправленными изменениями правил, регулирующих поведение основных акторов в сфере высшего образования. Период с 1990 г. по 2002 г. можно охарактеризовать ослаблением регламентации и значения государственного финансирования, появлением частного высшего образования, платного обучения. Данные институциональные изменения привели не только к количественному росту в данной сфере, но и девальвации высшего образования. «Пузырь высшего образования», образовавшийся в 2002-2008 гг., был сформирован во многом за счет разрастания доли заочного и некачественного очного образования, ориентированного на получение лишь документов об образовании. В период «формирования пузыря» и в последующий период спада на рынке услуг высшего образования происходило усиление регламентации образовательной деятельности. «Оптимизация» сферы высшего образования в 2009-2015 гг. выразилась в сокращении количества студентов, преподавателей, числа вузов и филиалов.

Ключевые слова: институциональные изменения; институты и организации; рынок образовательных услуг высшего образования; институциональная экономика.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ: Грант № 15-32-01019 «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)».

INSTITUTIONS AND ORGANISATIONS IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION: THE EXAMPLE OF ROSTOV REGION EDUCATION SERVICES MARKET

VOLCHIK VYACHESLAV, V.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department "Economic Theory",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru

KOT VERA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: vkot@sfedu.ru

SHIRIAEV IGOR, M.,

Lecturer,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: shiriaev@sfedu.ru

The paper examines the process of transformation in institutional and organizational structures of Russian Higher Education (Rostov Region is taken as an example). Adaptive economic behavior of key actors on the Russian education services market has been studied in the context of constantly changing institutional and organizational environments. Original institutional approach in the tradition of J. Commons and J. Hodgson has been applied to analyze interconnections between institutions and organizations. The evolution of institutional and organizational structures in Russian Higher education has been divided into three stages. We distinguish between those stages taking into account the dynamics of quantitative indicators and the change in norms and standards that regulate actors' behavior in the field. The period of 1990-2002 can be characterized by weakening of government regulation and, simultaneously, lack of financial support of Higher Education. Meanwhile, private Higher Education and paid university programmes developed rapidly during that period. These changes resulted in quantitative growth in the field on the one hand, and devaluation of Higher Education, on the other hand. It is assumed that the "bubble" in Russian Higher Education, which arose in 2002-2008, occurred to a great extent because of the expansion in extramural and low-quality full-time education aimed only at getting graduate diplomas. During the period of bubble formation and latter decline in demand on the Russian education services market, the Government strengthened norms and standards referring to regulation of Higher Education. Recent "optimization processes" of 2009-2015 resulted in reducing the number of students and lecturers, universities and their branches.

Keywords: institutional changes; institutions and organizations; market of educational services of higher education; institutional economics.

JEL: B52, I23.

Постановка проблемы

Институциональные реформы постсоветской российской системы высшего образования продолжаются уже более двадцати лет. Это достаточный срок, чтобы можно было выделить основные закономерности трансформации основных

институтов, обусловленные как формированием структур рыночной экономики, так и новыми формами и механизмами государственного регулирования. Эволюция институтов должна рассматриваться совместно с изменениями организаций. В рамках методологии оригинальной институциональной экономической теории (ОИЕ) не используется радикальное разграничение на игроков (организации) и правила игры (институты), как это принято в новой институциональной экономике (NIE) (Норт, 1997). Если рассматривать институты и организации «как системы устоявшихся и общепринятых социальных правил, которые структурируют социальные взаимодействия» (Ходжсон, 2007. С. 28), то можно рассматривать организации в качестве «особого типа института, обладающего некими дополнительными свойствами» (Ходжсон, 2007. С. 37).

Институты и организации, таким образом, составляют элементы институциональной структуры, структурируя повторяющиеся взаимодействия на разных уровнях социальной иерархии. Согласно Ходжсону, выделяют три признака уровня организации: «...во-первых, критерии выделения их границ и отличия членов организации от все остальных, во-вторых, принципы суверенитета в вопросе о том, кто несет ответственность, и, в-третьих, иерархия уровней управления, образуемая делегированием полномочий и ответственности внутри организации» (Ходжсон, 2007. С. 37). В рамках институциональной структуры индивиды подвержены действию как внешних правил по отношению к их организации институтов, так и внутриорганизационных правил. Таким образом, организационную структуру можно рассматривать как элемент институциональной структуры, которая создает для акторов пространство возможных действий и действующих правил (working rules) (Коммонс, 2012).

С одной стороны, в ходе рыночных реформ сфера образования и ее организационная структура как часть общественного сектора экономики подверглась реформированию, а с другой – большое влияние на ее трансформацию оказал растущий рынок образовательных услуг. Поэтому в рамках исследования институциональных и организационных изменений в сфере образования рассматриваются как административные, так и рыночные детерминанты.

Изменения в системе образования возникают и под воздействием технологических факторов, включая технологии обучения. Последние пятнадцать лет развитие интернета и других информационно-коммуникационных технологий привело к тому, что информация становится общедоступной (Барбер, Доннелли и Ризви, 2013). Если ранее важнейшей функцией образования была передача информации, то теперь акценты смещаются в сторону понимания и формирования компетенций, связанных с креативностью и саморазвитием.

Однако изменение технологий не может решить проблему дихотомии, связанной с эволюцией институтов и технологий, частным случаем которой является дихотомия Веблена-Эйрса (Вольчик, 2008). Социальные институты и связанные организационные структуры обладают гораздо большей инертностью, чем технологии. Поэтому ожидания того, что образование в скором времени в значительной мере может перейти на дистанционные технологии, скорее всего, слишком завышенные. Несомненно, дистанционная составляющая в современном образовании должна быть, но необходимо учитывать, что дистанционное обучение не решает одну из важнейших функций образования – процесса социализации личности.

За последние 15 лет можно выделить три периода в развитии системы высшего образования: с 1990 по 2002 гг., с 2002 по 2008 гг., с 2008 г. по настоящее время. Первый период характеризовался бурным ростом количества студентов и преподавателей, что было обусловлено ростом числа вузов, прежде всего, частных, и расширением филиальной сети более чем в 2 раза (Индикаторы науки, 2009). В 2002 году в России действовал 1371 филиал государственных вузов и 326 – коммерческих. Коммерциализация образования, существование различных форм обучения (очного, заочного, вечернего) и отсутствие адекватной системы

рейтингования вузов в то время привели к девальвации высшего образования, так как государственный диплом о высшем образовании был единым независимо от того, в каком вузе и по какой форме было получено образование. Погоня за «платными» студентами усугубила девальвацию высшего образования и снизила общий уровень подготовки абитуриентов. Существовало негласное правило (во многих вузах оно действует и сейчас) при выставлении экзаменов и зачетов сохранять коммерческих студентов. Все это постепенно приводило к снижению общего уровня выпускников.

Организационная структура высшего образования также подверглась серьезному реформированию, и это было связано с общей структурной трансформацией экономики – деиндустриализацией страны и ростом финансового сектора. Если в 1990 г. в государственные вузы на социально-гуманитарные специальности поступало примерно 11% всех абитуриентов – 64 тыс. человек, то к 2000 г. их количество возросло в 5,5 раз, при этом количество абитуриентов, поступающих на технические специальности, в целом снизилось.

Такая же ситуация была характерна и для самих вузов – количество вузов с экономическим уклоном выросло более чем в три раза. Таким образом, всеобщая доступность высшего образования стала одним из главных факторов его девальвации (Балацкий, 2014в). Среди прочих факторов можно выделить – снижение качества образования на фоне снижения реальной заработной платы преподавателей вузов, снижение требований как к ППС, так и к студентам, обусловленное формированием коммерческого сектора в образовании. Первый этап был своего рода адаптационным этапом системы высшего образования к рыночной трансформации.

На следующем этапе реформирования системы высшего образования (до 2008 г.) происходили качественные изменения в организационной структуре вузов. В государственных вузах вырос коммерческий сектор, что превратило их в предпринимательские структуры (Замошникова, 2015. С. 103). При этом возрастает роль групп специальных интересов – появляются административно-управленческий сектор, преследующий коммерческие цели, ППС и студенты. В этот период снизилась текучесть кадров в сфере высшего образования, и заработная плата сравнялась со средней по стране. Тем не менее, четко стал прослеживаться разрыв по заработной плате внутри системы высшего образования, коэффициент дифференциации достигал 15 (Замошникова, 2015. С. 106).

В 2003 году Россия присоединилась к Болонскому процессу, активно происходит перестройка высшего образования, разрабатываются профессиональные стандарты на основе компетентностного подхода, выросла забюрократизированность учебного процесса – количество всевозможных отчетов.

Третий период, начавшийся с 2008 г., характеризуется противоположными тенденциями по сравнению с первыми двумя. В этот период отмечается снижение прироста численности ППС, что, с одной стороны, обусловлено демографическим кризисом, с другой – ориентацией министерства образования на снижение числа вузов и их филиалов. Именно в этот период активно появляются различные качественные рейтинги вузов, запущен мониторинг показателей эффективности вузов. Рассмотрим подробно особенности каждого периода.

Институциональные изменения и рыночные реформы 1990-2002

Цели и задачи реформирования системы «народного» образования были отражены в «Основных направлениях перестройки высшего и среднего профессионального образования в стране». Ключевые аспекты трансформации системы образования сводились к демократизации школы, деидеологизации и гуманизации воспитательно-образовательного процесса, ликвидации единообразия в обучении и преподавании на основе их интенсификации и дифференциации (Основные направления перестройки..., 1992. Цит. по: (Мещангина, 2013)).

В 1990-1994 гг. формальное закрепление организационных изменений было

отражено в Стратегии реформирования образования и происходило с учетом собственных возможностей «образовательного суверенитета России» (*Мещангина, 2013. С. 236*). Дополняя ее «Программа реформирования и развития системы образования в РФ в условиях углубления социально-экономических реформ» (*О первоочередных мерах..., 1995. С. 42*) включала основные положения: устранение административного духа в образовании, смену приказной системы отношений сотрудничества, развитие учительского творчества и инновационных процессов в образовании, возрождение национальных образовательных систем и регионализации образования, его многоукладности, открытости, вариативности, дифференциации, деполитизации, демилитаризации образовательных учреждений (*Программа реформирования и развития..., 1992. С. 9*).

С принятием конкретных законов государство гарантировало всем гражданам бесплатное, на конкурсной основе, высшее профессиональное образование в пределах Государственного образовательного стандарта, включавшего федеральный и национально-региональный компоненты. В 1990-1994 гг. основной упор в реформировании системы образования был сделан на его стабилизацию, общедоступность и бесплатность.

В 1994-2000 гг. была принята Федеральная программа развития образования, главной идеологической целью которой было сохранение системы образования, усиление мер защиты образовательных учреждений в «современных сложных социально-экономических условиях, реализации прав граждан на получение доступного бесплатного качественного образования любого уровня в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Эта программа стала организационной основой государственной политики в области образования, и была направлена на «формирование гармонично развитой, социально активной, творческой личности» (*Федеральная программа развития образования, 2000*).

Динамика изменений в сфере высшего образования в Ростовской области находится в русле общих тенденций эволюции российского высшего образования. Количественные изменения в высшем образовании, происходившие на протяжении 1990-2010 годов, включали изменение показателей экономической активности в данной сфере и структурные изменения, отражающие трансформацию форм деятельности. Изменение показателей экономической активности (масштаба деятельности) включает изменение общей численности студентов, численности преподавателей, количества вузов и филиалов. Изменение структуры высшего образования (видов деятельности) предполагает изменение соотношения форм обучения, соотношения частных и государственных вузов, структуры изучаемых специальностей.

Начало девяностых годов для сферы образования было связано с кризисными явлениями как впрочем, и для всей экономики в целом. И хотя на государственном уровне регулярно принимались нормативные законы и нормативные акты, в которых развитие образования называлось одной из приоритетных государственных задач, в реальности сфера образования вступила в период затянувшейся стагнации (*Старцев, 2012*). В начале девяностых годов еще был велик материально-технический задел, оставшийся от советской системы. Однако длительное недофинансирование привело, с одной стороны, к оттоку квалифицированных кадров, а с другой – к снижению качества образования.

Многие институциональные и организационные изменения девяностых годов были своего рода симулякрами реального реформирования. Например, значительное количество бывших педагогических и отраслевых институтов стали университетами, не изменив организационных и содержательных характеристик учебного процесса.

Переименование педагогических институтов в государственные университеты, а отраслевых вузов в технические университеты явилось отражением процесса создания симулякров, которые, по сути, не соответствовали своим титульным названиям. Однако такие процессы имели экономические причины,

связанные с повышением статуса вуза. В дальнейшем почти все технические вузы и отраслевые вузы создали у себя экономические и юридические факультеты. Появление непрофильных факультетов представляло собой своеобразный ответ на повышенный рыночный спрос. Формирование избыточного спроса на экономические и юридические специальности было вызвано объективными причинами развития рыночной экономики, но ответ со стороны университетов был скорее формальным.

Асимметричность информации на рынке образовательных услуг создает предпосылки для оппортунистического поведения акторов, стремящихся извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Подобное поведение соотносится с концепцией морального риска и неблагоприятного отбора (*Фуруботи и Рихтер, 2005. С. 236*), но также может рассматриваться как адаптация к изменению институтов к провалам регулирования. Формирование адаптивных стратегий акторов, представляющих спрос и предложение на рынке образовательных услуг связано с закреплением устойчивых поведенческих паттернов, что связано с институциональными и организационными изменениями. Адаптивное поведение зависит от специфического знания акторов, человеческого и социального капиталов и не может быть сведено только к рациональной максимизации (*Вольчик и Зотова, 2011*). Более того, одни акторы вынуждены постоянно изменять свои стратегии поведения, так как реакция со стороны других акторов довольно быстро снижает привлекательность имеющихся поведенческих паттернов (*Артур, 2003*). Особенности адаптивного поведения в российской сфере высшего образования связаны с очень динамичной институциональной структурой, которая вследствие институциональной инерции включает гибридные институты и организации (*Landini, 2013*), что может приводить в случае некомплементарности институтов к неэффективности (*Вольчик и Кривошеева-Медянцева, 2015*).

Выделенный нами первый период институциональных изменений в сфере образования имел очень большую значимость вследствие действия эффектов основателя и зависимости от предшествующей траектории развития.

Зависимость от предшествующего пути развития в эволюции российской системы высшего образования заключается в сохранении высокого уровня государственного регулирования и вмешательства в функционирование системы высшего образования. Несмотря на появление частных вузов в результате рыночных трансформаций 1990-х годов, их доля на рынке образовательных услуг не превышала 18% по России в целом и 11% по Ростовской области. Несмотря на значительный рост доли платного высшего образования, сохранилось также преобладание государственного финансирования в сумме средств образовательных учреждений высшего образования. Сформировалась практика выдачи дипломов государственного образца частными вузами, имеющими государственную аккредитацию. Негосударственные дипломы стали рассматриваться как ненастоящие или неполноценные дипломы о высшем образовании. У абитуриентов и студентов возникло представление, зачастую подтверждающееся, что частные вузы могут выдать диплом, который не будет признан. Это представление тесно связано с привычкой воспринимать диплом о высшем образовании как образовательный сигнал на рынке труда. Также государство поддерживает значимость «полноценного» высшего образования как условия отсрочки от армии и работы в государственных органах. Государственная политика в сфере высшего образования нацелена на догоняющую модернизацию в соответствии с западными институтами. Важной особенностью политики является поддержка ведущих вузов. Остаются не сформированными предпосылки для спонтанного развития институтов в высшем образовании, такие как признание в обществе частного образования, нацеленность студентов в первую очередь на получение знаний, а не диплома, отсутствие конструктивистского вмешательства в процесс реорганизации вузов. Бюрократический способ управления вузами способствует формализации процесса обучения, отрыва изучаемых предметов и получаемых специальностей от потребностей нанимателей на рынке труда. Рента, искусственно создаваемая

государственным финансированием, лицензионными и аккредитационными ограничениями, затем рассеивается в результате непроизводительной деятельности по контролю, следованию формальным требованиям и созданию видимости следования формальным требованиям. Модернизация техники сохраняет старые формальные требования (например, необходимость вести учет посещаемости в журналах) или даже ведёт к возможности расширения формальных требований (например, необходимость вести учет рейтинга в электронной форме).

Существование описанной зависимости от предшествующего пути развития в сфере высшего образования обусловлено: 1) комплементарностью институтов высшего образования и государственного управления, 2) безвозвратностью инвестиций в получение человеческого и социального капитала, соответствующего существующим требованиям в сфере высшего образования, 3) несовершенством информации и наличием неопределенности. Сохранение огосударствления и бюрократизации высшего образования представляется основным актором в данной сфере более предпочтительной альтернативой по сравнению со спадом и деградацией, которые неизбежно будут сопровождать любые потенциальные попытки «разгосударствления». В данной ситуации для преодоления зависимости от предшествующего пути развития представляется целесообразной политика, состоящая в постепенном реформировании высшего образования при сохранении его доступности для населения. Представляется предпочтительной ориентация политики не на заимствование западных институтов и организационных структур, а на больший учет интересов студентов, преподавателей и работодателей, предоставляющих работу выпускникам.

В середине девяностых годов в системе высшего образования начал активно формироваться рынок платных образовательных услуг. Этот процесс развивался в двух направлениях. Первое направление было связано с появлением в государственных вузах наряду с бюджетными местами коммерческих. Несмотря на то, что действующие регламенты, ограничивали количество коммерческих студентов (40% относительно обучающихся за счет бюджета), доля платного образования в государственных вузах существенно росла. Второе направление было связано с появлением негосударственных образовательных учреждений, частных вузов, обучавших студентов по программам гуманитарного профиля с высокой долей заочной и дистанционной форм обучения. Довольно часто на формирующемся рынке образовательных услуг наблюдались недобросовестная конкуренция, низкое качество обучения, мошеннические схемы. Все это сопровождалось постоянными институциональными изменениями, которые характеризовались непоследовательностью и фрагментарностью.

Для понимания происходящих процессов в системе высшего образования в 90-х годах важно учитывать процесс трансформации неформальных институтов, которые во многом были связаны с институциональными ловушками и дисфункциями регулирования. Недостаток государственного финансирования высшего образования привел к формированию теневых механизмов получения доходов для преподавателей вузов. Например, широкое распространение получил институт выполнения квалификационных работ (курсовых, дипломных) на заказ.

Многие преподаватели были вовлечены в теневые схемы, связанные с репетиторством и подготовкой к поступлению в вузы. И хотя такая практика существовала и в девяностые годы, в настоящее время она распространилась почти повсеместно и фактически стала значимым источником дохода для многих преподавателей.

Важным феноменом, который оказал значительное влияние на развитие подготовки кадров для науки и образования, стал институт диссертационной ловушки (Балацкий, 2005). Диссертационная ловушка начала активно формироваться во второй половине девяностых годов, когда получение ученого звания стало возможно вследствие ослабления контроля за присуждением ученых степеней со стороны научного сообщества. В свою очередь, недофинансирование

науки и образования создали условия для возникновения теневых рынков диссертационных работ. Формирование таких рынков, с одной стороны, позволяло действующим ученым и преподавателям оставаться в профессии поддерживая приемлемый уровень дохода, а с другой создавало высокие материальные стимулы у чиновников от образования сохранять условия для сохранения и развития теневых отношений при подготовке диссертаций под заказ и присуждения им ученых степеней.

Формирование «образовательного пузыря» 2002-2008

К концу девяностых годов начал формироваться рынок образовательных услуг. Как и многие другие рынки, возникающие в переходной экономике, данный рынок был связан с феноменами институциональных ловушек (*Полтерович, 1999*), дисфункциями институтов (*Сухарев, 2014*) и провалами регулирования.

В постсоветском обществе существовал, и во многом продолжает существовать, довольно высокий спрос на высшее образование. Это имеет несколько причин: во-первых, высшее образование ассоциируется с социальными лифтами (которые, надо заметить, повторяют тенденцию советского времени и значительно связаны и различными государственными структурами). Во-вторых, несформированность механизмов оценки качества образования в новых условиях привела к завышенному спросу «на корочки», а не на базовые компетенции того или иного вида образования. В-третьих, постепенно изменяется социальная функция высшего образования (по крайней мере, бакалавриата) – оно воспринимается в обществе как необходимый элемент современного развития и социализации личности.

Можно ли говорить об избыточном спросе на высшее образование в России? На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Действительно к моменту наивысшей точки «образовательного пузыря» в 2008 году в России число студентов на душу населения было одним из самых высоких в мире. Согласно статистике, опубликованной Всемирным банком, Россия входила в число стран с наибольшим соотношением численности студентов (обучающихся в организациях tertiary education) и численности населения страны: 6574,75 студентов на 100000 человек населения в 2008 году. Большее значение данного показателя было характерно для Республики Корея (6694,06), Венесуэлы (7501,09) и Кубы (8739,54). Немного меньшее, чем в России, значение данного показателя было характерно для таких стран, как Литва (6514,38), Украина (6129,21). Для многих стран с большим объёмом ВВП характерно меньшее значение рассмотренного показателя: в США было 5950,66 студентов на 100000 человек, в Японии - 3093,50, в Китае - 1987,86, в Индии - 1465,21. Самые низкие значения данного показателя характерны для развивающихся стран Африки: Центральноафриканской Республики (226,35), Чада (172,16), Нигера (87,01) (*The World Bank Group, 2015*).

Однако если разобраться со структурой и статистическими особенностями учета доли студентов, то оказывается, что качественного и очного высшего образования в России не так много (*Вольчик, 2013*). «Пузырь высшего образования» сформировался во многом за счет разрастания доли заочного и некачественного очного образования, ориентированного на получение лишь документов об образовании, а не компетенций или тем более фундаментальных научных знаний.

Начиная с 1994 года, в России наблюдалась тенденция широкого распространения высшего образования, сменившаяся в 2009 году спадом численности студентов (*Росстат, 1996; 2014a*). В Ростовской области наблюдалась аналогичная динамика: увеличение в 1993-2008 гг. численности студентов сменилось последующим сокращением (см. рис. 1).

Увеличение численности студентов можно по аналогии сравнить с формированием рыночного «пузыря» на финансовых рынках. И здесь можно выделить экономические причины, в том числе и институционального характера. Рынок образовательных услуг является классическим рынком с асимметричной

информацией и нечеткими критериями качества. В таких условиях спрос ориентирован, с одной стороны, на инерцию авторитета бренда высшего учебного заведения, а с другой - на формальную необходимость иметь документ о высшем образовании государственного образца. Кроме того, во время формирования «образовательного пузыря» еще не сформировались рыночные механизмы обратной связи.

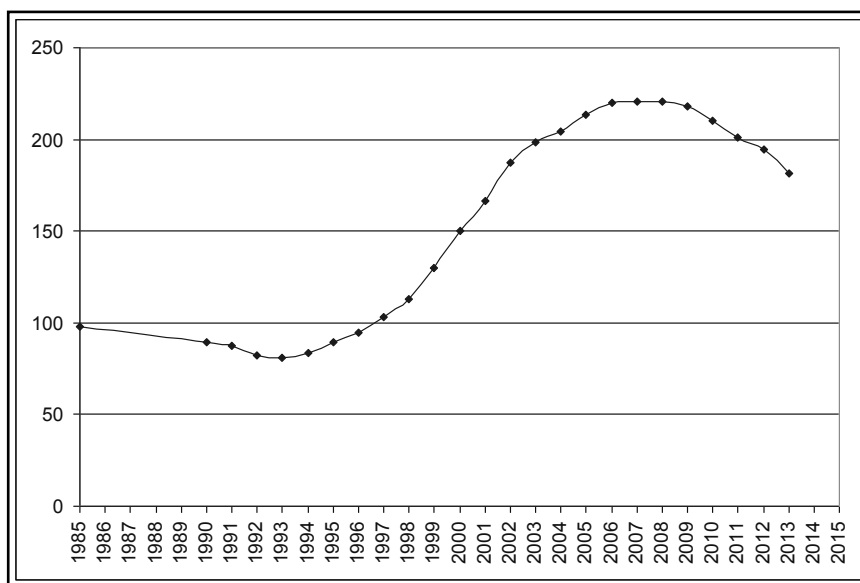

Рис. 1. Численность студентов в Ростовской области (1985-2013 гг.), тысяч человек

Источник: (Росстат, 1999а; 1999б; 2002; 2012; 2014б; 2015).

Прием коммерческих студентов в государственные вузы при наличии материальной базы позволяет осуществлять обучение дополнительных коммерческих студентов с очень низкими предельными издержками, что обуславливает увеличение нагрузки преподавателей и рост количества специальностей и направлений подготовки, не требующих значительных материальных затрат. Все это создало предпосылки для увеличения преимущественно социально-экономического и юридического образования, причем количество не переходило в качество предоставляемых образовательных услуг. Низкая заработная плата преподавателей высших учебных заведений заставляла их совмещать должности в разных вузах, а также заниматься различными видами теневой, а иногда и криминальной деятельности (написание работ под заказ, выставление оценок за вознаграждение и т.д.).

На протяжении 1990-2010-х гг. происходило изменение структуры изучаемых в вузах групп специальностей. В России в целом доля выпускников вузов, изучивших технические специальности, снизилась с 45,4% до 22,7% в период с 1990 год по 2012 год. За этот период доля выпускников, получивших дипломы по экономическим и управленческим специальностям, возросла с 14% до 40%. В Ростовской области изменения долей агрегированных групп специальностей не были кардинальными. Если в России в целом в 2008 году 28,3% выпускников государственных вузов получили технические специальности и 34,1% получили экономические и управленческие специальности, то в Ростовской области доля в выпуске государственных вузов данных специальностей составила соответственно 37,9% и 35,4% (см. рис. 2).

Формирование «образовательного пузыря» в Ростовской области происходило в русле общероссийских тенденций. Одной из общероссийских тенденций было также разрастание филиальной сети столичных и региональных вузов. Филиалы, по

сути, имели только титульную связь с головными вузами, не обеспечивая качественного образования. Однако с помощью развития филиальной сети решалась проблема упрощения доступа к получению высшего образования в малых городах Ростовской области. Тенденция сокращения филиалов, последовавшая за периодом «образовательного пузыря», актуализирует вопросы поиска новых форм получения и доступности качественного высшего образования молодежью малых областных городов. Возможно, одним из вариантов решения этой проблемы будет создание колледжей, обучающихся по программам прикладного бакалавриата.

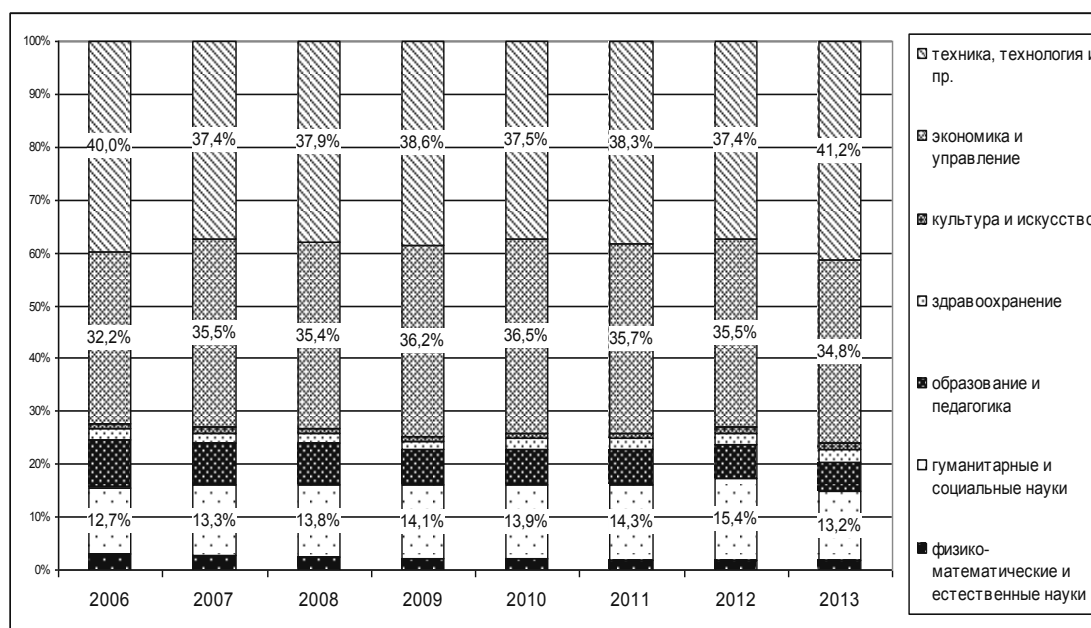

Рис. 2. Выпуск специалистов государственными образовательными учреждениями высшего профессионального образования Ростовской области по группам специальностей, в %.

Источник: (Ростовстат, 2012; 2014).

Оптимизация сферы образования 2009-2015

Существовавшая первоначально после рыночных трансформаций повышательная тенденция в динамике показателей масштаба деятельности в сфере высшего образования Ростовской области затем (в зависимости от показателей – в 2005-2009 гг.) сменилась на понижательную тенденцию.

Сокращение масштабов высшего образования может быть объяснено совместным влиянием демографических (сокращение количества молодежи) и экономических факторов (влияние экономического кризиса), а также воздействием государственной политики. За пять лет (с 2009 по 2014 год) в Ростовской области численность молодежи (населения в возрасте от 15 до 29 лет) снизилась на 13,1%. Соответственно, сократилось количество потенциальных потребителей услуг высшего образования. Государство, в целях оптимизации расходов бюджета, продолжает политику, направленную на замещение бюджетного образования платным. Это ведет к постепенному росту доли студентов, обучающихся с полным возмещением затрат на обучение (см. рис. 3).

«Образовательный пузырь» (Балацкий, 2014а), который был результатом как государственной политики, так и эволюционным рыночным ответом со стороны спроса, актуализировал вопрос о качестве российского высшего образования. Действительно, измерение качества такой сложной услуги как образование невозможно в координатах рыночного сигнализирования или вне рыночных качественных репутационных механизмов. Даже трактовка образования как услуги

может приниматься с очень сильными допущениями. Феномен образования выходит за рамки предоставления смешанных (публичных и частных) благ. Образование выполняет важнейшие социальные функции, от которых зависит не только воспроизводство человеческого капитала и социализация, но репликация социальных ценностей и национальной идентичности.

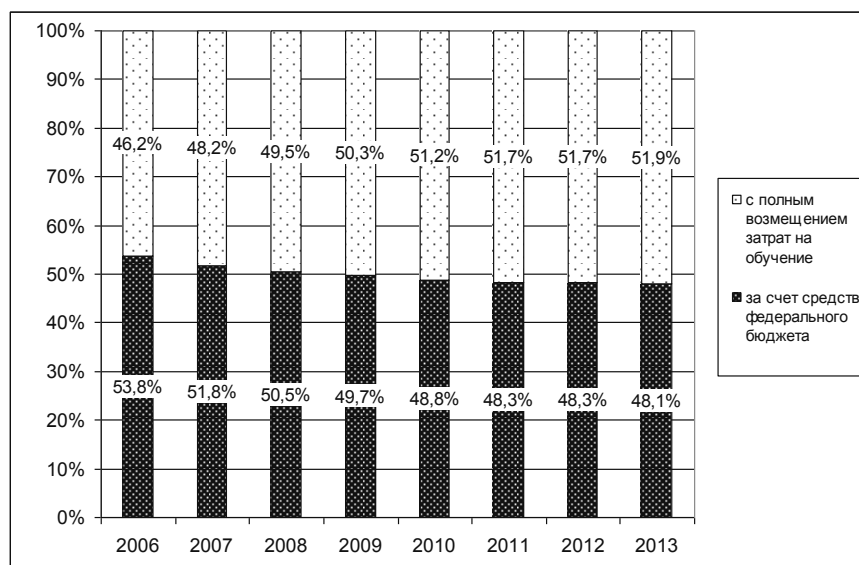

Рис. 3. Соотношение студентов, обучающихся в государственных образовательных учреждениях высшего образования с полным возмещением затрат на обучение и за счет средств федерального бюджета, в %

Источник: (Ростовстат, 2012; 2014).

Многие реформаторы, особенно действующие в рамках рекомендаций международных организаций, не всегда учитывали специфику образования в свете экономических факторов конкуренции и разделения труда: «Эстонские коллеги рассказывали мне, как в разгар триумфа, последовавшего за падением Берлинской стены, первые консультанты из Всемирного банка, прибывшие в Эстонию, порекомендовали ей закрыть свои университеты. В будущем, объяснили они, Эстония будет иметь сравнительное преимущество в таких видах экономической деятельности, для которых университетское образование не потребуется. Хотя сегодня вы не услышите ничего подобного ни от одного экономиста из Всемирного банка и эстонцам ситуация вовсе не показалась забавной (их Тартуский университет был построен еще в 1632 году), в этой рекомендации присутствовали реализм и честность, которые были с тех пор утрачены» (Райнерт, 2011. С. 141).

Оптимизация сферы высшего образования не должна сводиться к банальному сокращению его объемов без качественных изменений. Например, значительная доля заочного и очно-заочного образования не способствует получению студентами глубоких знаний и компетенций. Заочное обучение также все больше распространяется на магистратуру. В общественном мнении магистратура часто воспринимается как второе высшее образование и студенты, стремясь работать, все больше склоняются к заочной и очно-заочной формам. Однако институциональная специфика российского заочного образования во многом девальвирует сам принцип магистерского уровня подготовки (см. рис. 4).

Статистические данные о распределении студентов по формам обучения демонстрируют популярность заочного образования, в особенности в частных вузах. Соотношение долей очной и заочной формы обучения в государственных вузах за 2006-2013 гг. изменилось незначительно. В частных вузах доля заочного образования постепенно возрастала в структуре форм обучения (см. рис. 5).

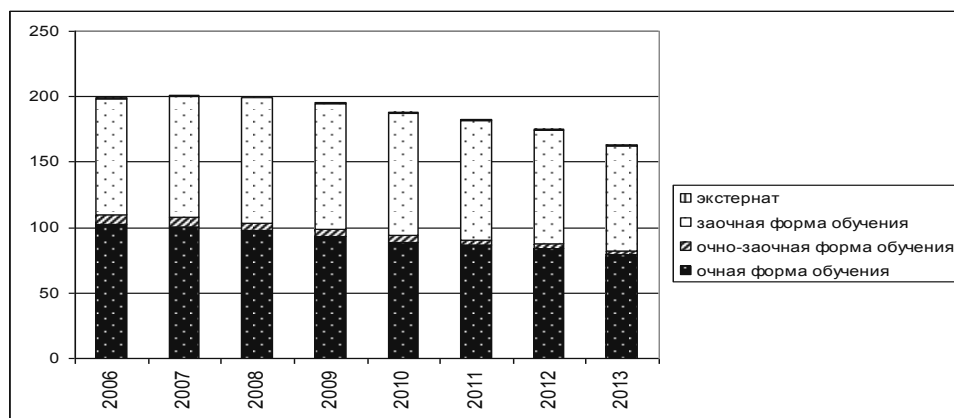

Рис. 4. Численность студентов в государственных и муниципальных вузах по формам обучения в Ростовской области, тысяч человек

Источник: (Ростовстат, 2015).

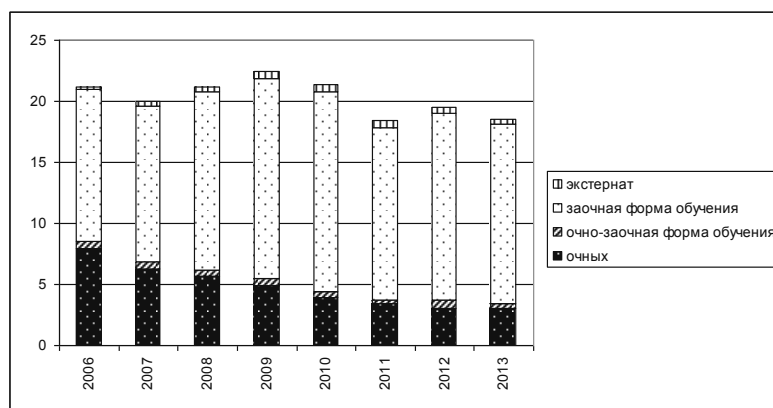

Рис. 5. Численность студентов в частных вузах по формам обучения в Ростовской области, тысяч человек

Источник: (Ростовстат, 2015).

В рыночном сегменте высшего образования, в частности негосударственных вузах, тенденция доминирования заочной формы обучения только усиливается. Можно предположить, что такой ответ рынка на спрос отражает не потребности в знаниях и компетенциях, а потребности в формальном получении документа о высшем образовании.

Оценка качества образования требует формирования соответствующих институтов. Одним из важнейших институтов, которые может использоваться для прямой и косвенной оценки организаций высшего образования – является институт рейтингов. Институт университетских рейтингов широко распространен в современном мире. Однако из-за различного рода объективных причин и особенностей национальной образовательной системы (Балацкий, 2014б), российские вузы слабо представлены в международных рейтингах и занимают в них, к сожалению, не ведущие позиции. Например, в рейтинге Times Higher Education World University Rankings российские вузы не вошли даже в число первых 200 университетов (лучший результат показал МГУ им. Ломоносова, занявший 216-е место). А в репутационный рейтинг вообще не попали.

Существуют три рейтинга вузов мира: Рейтинг QS; Шанхайский рейтинг; Рейтинг U.S. News. Также можно выделить мировые рейтинги вузов по предметам: Рейтинг технических вузов мира THE; Рейтинг бизнес школ мира FT; Рейтинг медицинских вузов мира THE. Рейтинги вузов стран СНГ и BRICs: Рейтинг Interfax

вузов СНГ, Грузии и стран Балтии.

Критерии оценки позиции вуза, используемые различными рейтинговыми агентствами, не одинаковы; варьируется также вес каждого показателя при определении места вуза в иерархии лучших университетов мира. Например: в тройку ведущих вузов мира по версии рейтинга QS 2015 входят американский MIT и британские Cambridge и Imperial, а топ лучших вузов мира рейтинга U.S. News занимают американские вузы Harvard, MIT и Berkley (*Рейтинг вузов мира U.S. News, 2015*). Из вузов Ростовской области в QS 2015 входит Южный федеральный университет, занимающий совместно с рядом других вузов место в кластере 601-650 (*Top Universities, 2015*), сохраняя позицию, достигнутую в 2013 и 2014 гг. В Шанхайский рейтинг (Академический рейтинг университетов мира 2015) (*ShanghaiRanking Consultancy, 2015*) и рейтинг U.S. News (*U.S. News, 2015*) вузы Ростовской области не вошли.

Прототипом первого российского рейтинга вузов был мониторинг показателей эффективности вузов, в основу которого были взяты пять показателей деятельности вузов, напрямую не влияющие на качество высшего образования. Тем не менее, в России в последнее время получили широкое распространение попытки разработки национальных университетских рейтингов как в целом, так и по отдельным научно-образовательным направлениям. Наибольшее распространение получили Национальный рейтинг университетов (<http://www.univer-rating.ru/>), разработанный информационным агентством РИА Новости совместно с НИУ «Высшая школа экономики» (построены на основе баллов ЕГЭ студентов, зачисленных в 2011 и 2010 годах на первый курс бакалавриата/специалитета), Рейтинг университетов (<http://www.raexpert.ru/rankings/vuz/>), разработанный рейтинговым агентством Эксперт РА (построен на основе статистических показателей, масштабных опросов среди респондентов: работодателей, представителей академических и научных кругов, студентов и выпускников. Методика рейтинга составлена с учетом мнений, высказанных представителями ведущих вузов РФ).

Рейтинги, разработанные общероссийской общественной организацией «Деловая Россия» (оценивает российские вузы с точки зрения востребованности их выпускников на рынке труда), Рейтинг федерального агентства по образованию (составляется на основании официальных данных, полученных от администраций вузов (форма 2нк). При составлении рейтинга ФАО учитывались такие параметры, как: состав и качество ППС, количество студентов разных форм обучения, наличие студентов из других стран, объем научных исследований, издательская деятельность, обеспечение студентов общежитиями, профилакториями и т.д. Подсчет итоговых результатов производится с учетом филиалов вузов), Рейтинг издательского дома «Коммерсант» (формировался на основе опроса крупнейших российских компаний, которые предоставили информацию о нескольких тысячах молодых специалистах, принятых ими на работу), Рейтинг независимого агентства «Рейтор» (проводило рейтинговые исследования вузов по критериям общественной оценки, опираясь на собственные социологические исследования и официальную информацию государственных органов), Рейтинг высших учебных заведений по версии Благотворительного фонда В. Потанина представляет собой суммарный рейтинг вузов, участвующих в Стипендиальной программе В. Потанина. Он строится на основе показателей по всем конкурсам программы: Стипендиального конкурса для студентов магистратуры, Грантового конкурса для преподавателей магистратуры, Конкурса социально значимых проектов и Школы фонда. Рейтинг отображает агрегированную экспертную оценку достижений, которые показывают участвующие в программах Фонда представители университетов – как студенты, так и преподаватели.

Вузы Ростовской области занимают довольно высокие места в Национальном рейтинге университетов: Южный федеральный университет 24, Ростовский государственный экономический университет 113-114, Ростовский государственный

университет путей сообщения 128-130, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова 141, Донской государственный аграрный университет 174-176. В данном рейтинге по различным причинам отсутствует ряд вузов, поэтому его нельзя считать полностью всеобъемлющим. В Сотню вузов Рейтинга университетов Эксперт РА из ростовских вузов вошел только Южный федеральный университет – 25 место.

Позиции в рейтингах являются важными показателями деятельности вузов, но они не могут отразить социальных и институциональных проблем, которые возникают при реформировании сферы высшего образования. Безусловно, периферийные вузы зачастую не показывают высоких показателей, но это не означает, что система высшего образования и науки должна концентрироваться исключительно в центре. Существование региональных вузов кроме первичной образовательно-профессиональной функции выполняет не менее важные – социализации, сохранение трудового и демографического потенциала региона.

Активное развитие заочных форма образования в коммерческом секторе можно также связать с распространением новых технологий обучения, заменяющих традиционную F2F. Однако в данном случае технологические процессы опережают формирование эффективных институтов, позволяющих сформировать устойчивые поведенческие паттерны и условия для эффективного дистанционного и иных форм образования, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий.

Процессы оптимизации сферы высшего образования основаны на внедрении и изменении институтов и трансформации организационной структуры образовательных учреждений. Важнейшей формой таких изменений является процесс слияния университетов и образование крупных федеральных и ведущих региональных университетов. В Ростовской области процесс слияния вузов начался в конце в 2006 года, когда был образован Южный федеральный университет, созданный на базе Ростовского государственного университета путем присоединения трех вузов: Ростовского государственного педагогического университета, Таганрогского государственного радиотехнического университета и Ростовской государственной архитектурной академии.

Дальше этот процесс слияния вузов продолжился. Так, в 2013 году к Ростовскому государственному экономическому университету был присоединен Таганрогский государственный педагогический университет.

К Донскому государственному техническому университету было присоединено несколько вузов: Ростовская-на-Дону государственная академия сельскохозяйственного машиностроения (бывший ВТУЗ при заводе Ростсельмаш), Ростовский институт иностранных языков (*DonNews*, 2015) и Южно-российский государственный университет экономики и сервиса.

Наблюдается тенденция преобразования региональных (находящихся вне Ростова-на-Дону) вузов в филиалы или институты головного ростовского университета. Данный процесс создает риски вымывания высшего образования из провинциальных городов.

В 2015 году в Ростовской области функционируют 10 государственных вузов и 10 частных вузов (*Реестр лицензий...*, 2015).

В 2015 году лицензией на осуществление образовательной деятельности обладали в Ростовской области 29 филиалов государственных вузов и 8 филиалов частных вузов (*Реестр лицензий...*, 2015). Донской институт дистанционного образования, Институт финансового контроля и аудита и Ростовский Институт Управления обладают лицензиями, но не имеют аккредитации (*Реестр организаций...*, 2015).

Процесс оптимизации в сфере высшего образования связан с проблемой устойчивого развития университетов. Концепт устойчивого развития в сфере высшего образования основан на понимании механизмов институциональных и организационных изменений (*Hoover and Harder*, 2015). Слияние вузов приводит к

формированию сложных организационных структур, элементы которых могут относиться к разным направлениям научных исследований и подготовки студентов. Развитие междисциплинарных исследовательских и образовательных программ должно способствовать устойчивому развитию крупных университетов и созданию конкурентных преимуществ на национальных и глобальных рынках.

Таблица 1

**Количество студентов в государственных и частных вузах
Ростовской области в 2015 году**

Государственные вузы:	Общая численность студентов
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»	30 365
ФГБОУ ВПО «Донской государственный технический университет»	21 333
ФГБОУ ВПО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова»	11 822
ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный университет путей сообщения»	9 955
ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет»	9 821
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»	9 786
ГБОУ ВПО «Ростовский государственный медицинский университет» МВД РФ	5 197
ФГБОУ ВПО «Донской государственный аграрный университет»	4 266
ФГБОУ ВО «Ростовская государственная консерватория им. С.В. Рахманинова»	784
ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»	нет данных
Частные вузы:	
ЧОУ ВО «Южный университет (ИУБиП)»	1 647
НОУ ВПО «Ростовский социально-экономический институт»	1 367
НОУ ВПО «Таганрогский институт управления и экономики»	1 325
ЧОУ ВО «Ростовский институт защиты предпринимателя»	1 030
ЧУ ВО «Южно-Российский гуманитарный институт»	723
НОУ ВПО «Ростовский международный институт экономики и управления»	706
ЧОУ ВО Донской юридический институт	556
НОУ ВПО «Ростовский Институт Управления»	183
ОАНО «Донской институт дистанционного образования»	нет данных
ЧОУ ВО «Институт финансового контроля и аудита»	нет данных

***Источник:** (Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга..., 2015).*

Развитие современных образовательных технологий может также рассматриваться как один из факторов, обуславливающих процессы оптимизации в сфере образования. Однако внедрение систем дистанционного образования и смешанного обучения не может и не должно заменять физические организации высшего образования в региональных городах. Развитие высшего образования связано с рынком труда не только как источник профессионалов в той или иной области, но и как источник занятости для преподавателей.

Молодежь, получающая высшее образование, также уменьшает избыточное предложение на рынке труда, особенно в условиях кризиса. Опыт развитых стран показывает, что в период экономических потрясений целесообразно увеличивать количество обучающихся в университетах и финансирование организаций высшего образования. Однако российский опыт говорит о противоположной тенденции. И

хотя затраты на одного студента растут, численность студентов значительно сокращается (см. рис. 6). Сокращение студентов и организаций высшего образования может привести в среднесрочной перспективе к росту безработицы и социальной напряженности, особенно в депрессивных территориальных образованиях.

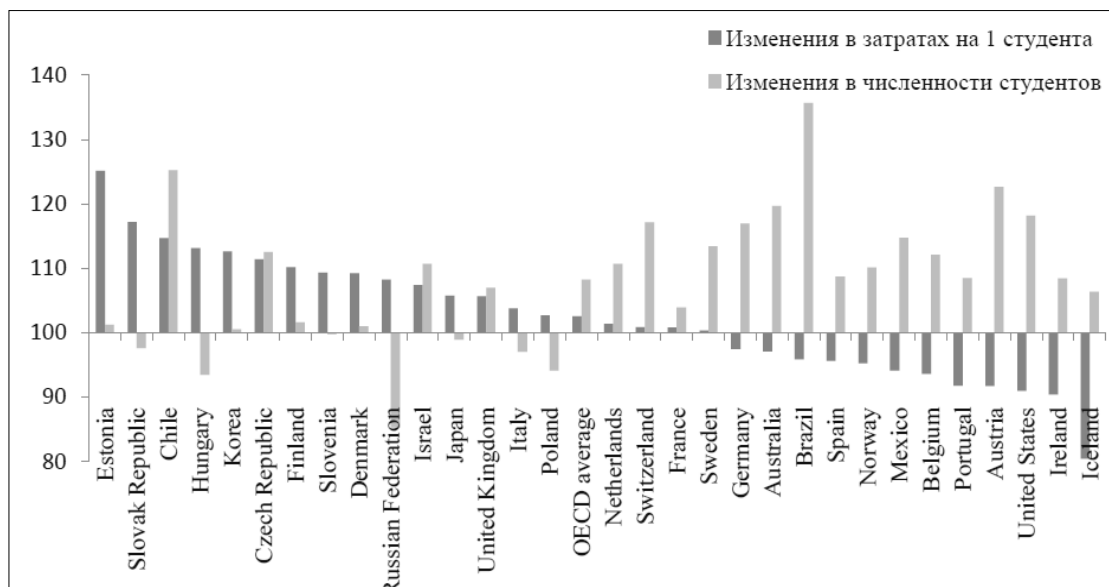

Рис. 6. Динамика изменений в сфере высшего образования 2008-2011 гг.

Индекс изменений (2008=100)

Источник: (OECD, 2014. P. 220).

Еще одной институциональной инновацией, старт которой дан в 2015 году, является начало процесса создания опорных вузов в российских регионах. Идея создания опорных вузов продолжает тенденцию укрупнения университетов путем слияния существующих региональных вузов в один супервуз. Возможно, истоки таких процессов можно связать с импортом институтов и организационных форм, распространенных в образовательных системах развитых стран. В каждом регионе по идее реформаторов будет образован, по крайней мере, один опорный супервуз. Это позволит оптимизировать структуру университета по направлениям подготовки и убрать дублирование и непрофильность в организации обучения.

В среднесрочной перспективе концентрация интеллектуальных и материальных ресурсов в рамках опорного университета должна создать благоприятную среду для развития науки и образования с учетом региональной специфики. Безусловно, процессы слияния вузов приведут к оптимизации численности преподавательского состава, что создает угрозы разрушения сложившихся научных школ и социального капитала. В Ростовской области процесс создания опорного университета запущен осенью 2015 года путем слияния двух вузов Донского государственного технического университета и Ростовского государственного строительного университета.

Несколько заключительных замечаний

Процессы реформирования российской сферы образования направлены на повышение его эффективности и конкурентоспособности. Однако при осуществлении реформ необходимо учитывать национальные институциональные особенности и интернациональные тенденции его технологической эволюции (причем важно рассматривать как физические технологии, так и образовательные).

Креативность современного образования является одним из вызовов, ответом, на который должна стать эволюционная трансформация институциональной и организационной структур. Ключевым в этом процессе

является понятие «эволюционности процессов». Залогом того, что новые институты не станут очередными институциональными ловушками, является понимание основными акторами целей и основных механизмов реализации реформ (*Интервью с Рональдом Коузом...*, 1999).

В настоящее время наблюдаются процессы, которые коренным образом трансформируют процесс образования. Информационная революция привела к тому, что взрывным образом увеличилось количество доступной информации. Для преподавателей и студентов важнейшей задачей становится выделение релевантной информации из доступного информационного потока. Такая задача сродни рыночным механизмам, формирующим у акторов неявное знание, позволяющее разделять релевантную информацию и «информационный шум» (*Сапир, 2001*).

Функция трансляции информации становится все менее актуальной для сферы высшего образования. Традиционная форма очного образования (face-to-face или F2F) дополняется различными формами обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий. В настоящее время все большее распространение приобретает смешанные формы обучения (blended learning, BL), которые основаны не только на новых технологиях, но и требуют формирования новых институтов и организационных решений (*Graham, Woodfield and Harrison, 2013*).

Таким образом, изучение организационной и институциональной структуры высшего образования показывает, что в Ростовской области в структуре высшего образования наблюдается доминирование государственного высшего образования. Частные вузы и их филиалы имеют намного меньшую популярность. Это подтверждают как статистические данные, так и результаты проведенных интервью. В соответствии со статистическими данными, количество студентов частных вузов существенно уступает количеству студентов государственных вузов. В ходе интервью, проведенных в рамках исследования, многие респонденты (акторы рынка образовательных услуг высшего образования) выразили недоверие к частному высшему образованию и предпочтение государственных вузов. Государственное высшее образование становится в большей степени платным для студентов. Государственная политика в сфере высшего образования нацелена на поддержку лидирующих вузов, повышение качества обучения, преобразование организационной структуры вузов. То есть государство в данной сфере замещает своим властным воздействием механизм конкуренции, стремится выполнять функции, свойственные рынку. Рост рынка образовательных услуг в основном обусловлен государственной поддержкой популярности высшего образования, в рамках которой большое значение имеет не только финансирование бюджетных мест, но и придание ценности высшему образованию.

В контексте объединения и укрупнения вузов большое значение во влиянии на поведение акторов приобретают внутриорганизационные правила (например, правила формирования внутриорганизационных рейтингов студентов, преподавателей), которые в свою очередь являются результатом адаптации руководства вузов к проводимой государством политике и к общим правилам. В период формирования предпосылок и роста «образовательного пузыря» происходило изменение правил в направлении ослабления жесткости требований к компетенциям студентов и преподавателей. В период роста «образовательного пузыря» и в течение последующего спада правила менялись в направлении большей формализации и бюрократизации. Увеличение количества отчетов и контролирующих комиссий в последний период приводит к росту объема непроизводительной деятельности. Данные процессы приводят к ориентации акторов в большей мере на приобретение специфического социального капитала, чем на формирование человеческого капитала и компетенций, соответствующих современному креативному образованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артур Б. (2003). Индуктивное мышление и ограниченная рациональность // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1, № 3, с. 53-61.

Балацкий Е. В. (2005). Диссертационная ловушка // *Свободная мысль-XXI*, № 2, с. 92-104.

Балацкий Е. В. (2014а). Как из высшего образования в России раздули пузырь // *Проблемы управления в социальных системах*, Т. 11, № 7, с. 56-82.

Балацкий Е. В. (2014б). Материальное стимулирование и международная конкурентоспособность российских вузов // *Общество и экономика*, № 6, с. 174-184.

Балацкий Е. В. (2014в). Как из высшего образования в России раздули пузырь // *Капитал страны*. 14 ноября 2014. (<http://kapital-rus.ru/articles/article/266318> - Дата обращения: 24.03.2015).

Барбер М., Доннелли К. и Ризви С. (2013). Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция // *Вопросы образования*, № 3, с. 152-229.

Вольчик В. В. (2008). Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 6, № 2, с. 53-65.

Вольчик В. В. (2013). Реформирование российской системы высшего образования: роль мифов и институтов // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 2, с. 94-103.

Вольчик В. В. и Зотова Т. А. (2011). Адаптивная рациональность и экономическое поведение в эволюционном контексте // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 9, № 4, с. 54-64.

Вольчик В. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Исследование институциональной структуры сферы образования: основные концепты и теоретические рамки // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 13, № 2, с. 131-142.

Замошникова Н. Н. (2015). Развитие системы высшего профессионального образования в Российской Федерации с 1990 по 2015 годы: взгляд из региона // *Учёные записки Забайкальского государственного университета*, Т. 63, № 4, с. 99-108.

Индикаторы науки-2009: стат. сб. Москва: ГУ-ВШЭ, 2009.

Интервью с Рональдом Коузом на учредительной конференции Международного общества новой институциональной экономики в Сент Луисе, 17 сентября 1997 г. (1999). // *Квартальный бюллетень Клуба экономистов*, Вып. 1, № 4.

Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга деятельности образовательных организаций высшего образования 2015 года. Ростовская область. (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/material.php?type=2&id=10703> – Дата обращения: 30.11.2015).

Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 3, с. 69-76.

Мещангина Е. И. (2013). Реформы в системе высшего образования (1990-2000 гг.) // *Теория и практика общественного развития*, № 1, с. 236-238.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: «Начала».

О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР. Справочник менеджера по образованию. Т. 1. Москва, 1995.

Основные направления перестройки высшего и среднего профессионального образования в стране. Москва, 1992.

Полтерович В. М. (1999). Институциональные ловушки и экономические реформы // *Экономика и математические методы*, Т. 35, Вып. 2, с. 3-20.

Программа реформирования и развития системы образования РФ в условиях углубления социально-экономических реформ. (1992). (http://old.gnpbu.ru/downloads/dneprov/Dneprov_Programma%20reformirovania!.pdf – Дата обращения: 13.12.2015).

Райнерт Э. С. (2011). Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные

страны остаются бедными. Москва: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики.

Реестр лицензий на образовательную деятельность, выданных Рособрнадзором. (http://www.obrnadzor.gov.ru/ru/activity/main_directions/licensing/search_lic/ - Дата обращения: 24.10.2015).

Реестр организаций, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам. (<http://accredreestr.obrnadzor.gov.ru/> – Дата обращения: 24.10.2015).

Рейтинг вузов мира U.S.News (2015). (http://www.educationindex.ru/article_ranking-usnews-2015.aspx - Дата обращения: 13.12.2015).

Росстат. (1996). Российский статистический ежегодник. 1996: Стат.сб. М.: Госкомстат России.

Росстат. (1999а). Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.1. Москва: Госкомстат России.

Росстат. (1999б). Регионы России: Стат. сб. В 2 т. Т.2. Москва: Госкомстат России.

Росстат. (2002). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. Москва: Госкомстат России.

Росстат. (2012). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. Москва: Росстат.

Росстат. (2014а). Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2013 гг. (приложение к сборнику «Российский статистический ежегодник. 2014»). (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/pril_year14.xls – Дата обращения: 29.11.2015).

Росстат. (2014б). Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. Москва: Росстат.

Росстат. (2015). Демографическая база данных. (http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi – Дата обращения: 29.11.2015).

Ростовстат. (2012). Ростовская область в цифрах 2011: Стат.сб. Ростов-на-Дону: Ростовстат.

Ростовстат. (2014). Ростовская область в цифрах 2013: Стат.сб. Ростов-на-Дону: Ростовстат.

Ростовстат. (2015). Образовательные организации высшего профессионального образования (http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/sphere/ – Дата обращения: 02.11.2015).

Санур Ж. (2001). К экономической теории неоднородных систем. Москва: Изд. дом ГУ-ВШЭ.

Старцев Б. Ю. (2012). Хроники образовательной политики: 1991–2011. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.

Сухарев О. С. (2014). Теория дисфункции экономических систем и институтов. Москва: ЛЕНАНД.

Федеральная программа развития образования. Приложение к Федеральному закону «Об утверждении Федеральной программы развития образования» от 10 апреля 2000 г. № 51-ФЗ. (2000). (http://www.rg.ru/oficial/doc/federal_zak/51_fz_pril.htm – Дата обращения: 13.12.2015).

Фуруботн Э. Г. и Рихтер Р. (2005). Институты и экономическая теория: достижения новой институциональной экономической теории. Санкт-Петербург: Издательский Дом Санкт-Петербургского государственного университета.

Ходжсон Дж. (2007). Что такое институты? // *Вопросы экономики*, № 8, с. 28-48.

DonNews. (2015). Рособрнадзор лишил Ростовский институт иностранных языков лицензии. И оштрафовал на 2 тысячи рублей. (http://www.donnews.ru/Rosobrnadzor-lishil-Rostovskiy-institut-inostrannyh-yazykov-litsenzii_22281 – Дата обращения: 07.12.2015).

Graham C. R., Woodfield W. and Harrison J. B. (2013). A framework for institutional adoption and implementation of blended learning in higher education // *The*

Internet and Higher Education, vol. 18, no. 3, pp. 4-14. (doi:10.1016/j.iheduc.2012.09.003).

Hoover E. and Harder M. K. (2015). What lies beneath the surface? The hidden complexities of organizational change for sustainability in higher education // *Journal of Cleaner Production*, vol. 106, pp. 175-188. (doi:10.1016/j.jclepro.2014.01.081).

Landini F. (2013). Institutional change and information production // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257-284 (doi:10.1017/S1744137413000064).

OECD (2014). Education at a glance: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing.

ShanghaiRanking Consultancy. (2015). Академический рейтинг университетов мира 2015 (<http://www.shanghairanking.com/ru/ARWU2015.html> – Дата обращения: 28.11.2015).

Top Universities. (2015). Southern Federal University (<http://www.topuniversities.com/universities/southern-federal-university#wur> – Дата обращения: 28.11.2015).

The World Bank Group. World DataBank. Education Statistics - All Indicators (<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Education%20Statistics&preview=off#> – Дата обращения: 29.11.2015).

U.S. News. (2015). Best Global Universities Rankings (<http://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> – Дата обращения: 28.11.2015).

REFERENCES

Arthur B. (2003). Inductive Reasoning and Bounded Rationality. *Economic Herald of Rostov State University*, vol. 1, no. 2, pp. 53-61. (In Russian).

Balatsky E. (2005). Dissertation Trap. *Free Thought-XXI*, no. 2, pp. 92-104. (In Russian).

Balatsky E. (2014a). How a Bubble Was Made of Higher Education in Russia. *Problems of Governance*, vol. 11, no. 7, pp. 56-82. (In Russian).

Balatsky E. (2014b). Financial Incentives and International Competitiveness of Russian Universities. *Society and Economy*, no. 6, pp. 174-184. (In Russian).

Balatsky E. (2014c). How a Bubble Was Made of Higher Education in Russia // *Kapital Strany*. (<http://kapital-rus.ru/articles/article/266318> - Access Date: 24.03.2015). (In Russian).

Barber M., Donnelly K. and Rizvi S. (2013). An Avalanche Is Coming. Higher Education and the Revolution Ahead. *Educational Studies*, no. 3, pp. 152-229. (In Russian).

Commons J. (2012). Institutional Economics. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 69-76. (In Russian).

DonNews. (2015). The Rostov Institute of Foreign Languages Has Deprived the Licence by Rosobrnadzor. And Was Fined for 2000 Rubles. (http://www.donnews.ru/Rosobrnadzor-lisil-Rostovskiy-institut-inostrannyh-yazykov-litsenzii_22281 – Access Date: 07.12.2015). (In Russian).

Federal Programme of Education Development. The Supplement to the Federal Law «On Approval of the Federal Programme of Education Development» of 10.04.2000. № 51-FZ. (2000). (http://www.rg.ru/official/doc/federal_zak/51_fz_pril.htm – Access Date: 13.12.2015). (In Russian).

Furubotn E. and Richter R. (2005). Institutions and Economic Theory: The Contribution of the New Institutional Economics. St Petersburg, Publ. House of Saint Petersburg State University. (In Russian).

Graham C. R., Woodfield W. and Harrison J. B. (2013). A framework for institutional adoption and implementation of blended learning in higher education. *The Internet and Higher Education*, vol. 18, no. 3, pp. 4-14. (doi:10.1016/j.iheduc.2012.09.003).

Hodgson G. (2007). What Are Institutions? *Voprosy Ekonomiki*, no. 8, pp. 28-48. (In Russian).

Hoover E. and Harder M. K. (2015). What lies beneath the surface? The hidden

complexities of organizational change for sustainability in higher education. *Journal of Cleaner Production*, vol. 106, pp. 175-188. (doi:10.1016/j.jclepro.2014.01.081).

Indicators of Science-2009: Statistical Digest. Moscow, Publ. House of NRU-HSE, 2009. (In Russian).

Information and Analytical Materials on the Results of Monitoring of Activity of Educational Organizations of Higher Education in 2015. Rostov Region. (<http://indicators.miccedu.ru/monitoring/material.php?type=2&id=10703> – Access Date: 30.11.2015). (In Russian).

Interview with Ronald Coase at the Inaugural Conference of the International Society for New Institutional Economics in St. Louis, 17.09.1997. (1999). *Quarter Bulletin of the Club of Economists*, vol. 1, no. 4. (In Russian).

Landini F. (2013). Institutional change and information production. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257-284. (doi:10.1017/S1744137413000064).

Meshchangina E. (2013). Reforms in Higher Education System in 1990–2000. *Theory and Practice of Social Development*, no. 1, pp. 236-238. (In Russian).

North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow, «Nachala-Press» Publ. (In Russian).

OECD (2014). Education at a glance: OECD Indicators. Paris, OECD Publishing.

On Priority Measures for the Development of Education in RSFSR. Guide for Manager of Education. vol. 1. Moscow, 1995. (In Russian).

Polterovich V. (1999). Institutional Traps and Economic Reforms. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 35, no. 2, pp. 3-20. (In Russian).

Register of Licenses for Educational Activity, Issued by Rosobrnadzor. (http://www.obrnadzor.gov.ru/ru/activity/main_directions/licensing/search_lic/ – Access Date: 24.10.2015). (In Russian).

Reinert E. (2011). How Rich Countries Got Rich ... and Why Poor Countries Stay Poor. Moscow, Publ. House of NRU-HSE. (In Russian).

Rosstat. (1996). Russian Statistical Yearbook. 1996: Statistical digest. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (1999a). Regions of Russia: Statistical digest. no. 2 vol. 1. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (1999b). Regions of Russia: Statistical digest. no. 2 vol. 2. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (2002). Regions of Russia. Social-economic Indicators. 2002: Statistical digest. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (2012). Regions of Russia. Social-economic Indicators. 2012: Statistical digest. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (2014a). Social-economic Indicators of Russian Federation in 1991-2013. (the Supplement to the Digest «Russian Statistical Yearbook»). (http://www.gks.ru/free_doc/doc_2014/year/pril_year14.xls – Access Date: 29.11.2015). (In Russian).

Rosstat. (2014b). Regions of Russia. Social-economic Indicators. 2014: Statistical digest. Moscow, Federal State Statistics Service of Russian Federation. (In Russian).

Rosstat. (2015). Demographic Database. (http://www.gks.ru/scripts/db_inet/dbinet.cgi – Access Date: 29.11.2015). (In Russian).

Rostovstat. (2012). Rostov Region in Figures 2011: Statistical digest. Rostov-on-Don, Federal State Statistics Service of Russian Federation in Rostov Region. (In Russian).

Rostovstat. (2014). Rostov Region in Figures 2013: Statistical digest. Rostov-on-Don, Federal State Statistics Service of Russian Federation in Rostov Region. (In Russian).

Rostovstat. (2015). Educational Organization of Higher Professional Education. (http://rostov.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/rostov/ru/statistics/sphere/ – Access Date: 02.11.2015). (In Russian).

Sapir J. (2001). To the Economic Theory of Inhomogeneous Systems. Moscow, Publ. House of NRU-HSE. (In Russian).

ShanghaiRanking Consultancy. (2015). Academic Ranking of World Universities 2015. (<http://www.shanghairanking.com/ru/ARWU2015.html> – Access Date: 28.11.2015).

Startsev B. (2012). *Chronicles of Educational Policy: 1991–2011*. Moscow, Publ. House of NRU-HSE. (In Russian).

Suharev O. (2014). *The Theory of Dysfunction of Economic Systems and Institutions*. Moscow, LENAND Publ. (In Russian).

Top Universities. (2015). Southern Federal University. (<http://www.topuniversities.com/universities/southern-federal-university#wur> – Access Date: 28.11.2015).

The Main Directions of Restructuring of Higher and Secondary Professional Education in the Country. Moscow, 1992. (In Russian).

The Programme for the Reform and Development of Education System of the Russian Federation in the Context of Deepening Social-Economic Reforms. (1992). (http://old.gnpbu.ru/downloads/dneprov/Dneprov_Programma%20reformirovania_!.pdf – Access Date: 13.12.2015). (In Russian).

The Register Organizations Engaged in Educational Activities on State-Accredited Educational Programmes. (<http://accredreestr.obrnadzor.gov.ru/> – Access Date: 24.10.2015). (In Russian).

The World Bank Group. World DataBank. Education Statistics – All Indicators (<http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Education%20Statistics&preview=off#> - Access Date: 29.11.2015).

University Ranking U.S.News. (2015). (http://www.educationindex.ru/article_ranking-usnews-2015.aspx – Access Date: 13.12.2015). (In Russian).

U.S. News. (2015). Best Global Universities Rankings. (<http://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> – Access Date: 28.11.2015).

Volchik V. (2008). Postindustrial Economy Institutions Evolution in Context of Veblen's Dichotomy // *TERRA ECONOMICUS*, vol. 6, no. 2, pp. 53-65. (In Russian).

Volchik V. (2013). Reformation of the Russian Higher Education System: The Role of Myths and Institutions. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 2, pp. 94-103. (In Russian).

Volchik V. and Zotova T. (2011). Adaptive Rationality and Economic Behavior in Evolutionary Context. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 9, no. 4, pp. 54-64. (In Russian).

Volchik V. and Krivosheeva-Medyantseva D. (2015). Institutional Structure of Higher Education in Russia: Principal Concepts and Theoretical Frameworks. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 13, no. 2, pp. 131-142. (In Russian).

Zamoshnikova N. (2015). The System of Higher Education's Development in the Russian Federation From 1990 to 2015: a Look From the Region. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, vol. 63, no. 4, pp. 99-108. (In Russian).

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ: ПОЗИТИВНЫЕ, НЕГАТИВНЫЕ, НЕЙТРАЛЬНЫЕ*

КОТЛЯРОВ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент департамента финансов,
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

В работе выполнен теоретический анализ нестандартных форм занятости. Выявлено наличие позитивных, нейтральных и негативных способов реализации нестандартных форм занятости (по критерию предоставления участнику трудовых отношений компенсации за ухудшение его положения при традиционной модели занятости). Показано, что нестандартные формы занятости могут соответствовать интересам работников, работодателей и общества, в силу чего регулирование их применения должно быть гибким.

Ключевые слова: нестандартные формы занятости; участники трудовых отношений; работник; работодатель.

ATYPICAL EMPLOYMENT: POSITIVE, NEGATIVE AND NEUTRAL FORMS

KOTLIAROV IVAN, D.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor, Department of Finance,
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg,
e-mail: ivan.kotliarov@mail.ru

The paper contains a theoretical analysis of atypical employment. It is demonstrated that there are positive, neutral and negative forms of atypical employment. The difference between them consists in compensation provided to parties of labour relations. It is demonstrated that atypical employment may meet requirements of employees, employers and the state and this is why legal regulation and regulation of practical implementation of atypical employment should be very flexible).

Keywords: atypical employment; parties of labour relations; employer; employee.

JEL: J01, J41.

ВВЕДЕНИЕ

Рост популярности нестандартных форм занятости (НФЗ) закономерно ставит вопрос о необходимости обеспечения прозрачности их применения с целью соблюдения интересов всех участников трудовых отношений, т. е., в конечном счете, о том, нуждаются ли НФЗ в специальном нормативно-правовом регулировании, и если да, то каком именно. Однако, как отмечают специалисты (*Нестандартная занятость...*, 2006. С. 20-21), НФЗ включают в себя крайне разнородный набор

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ Высшая школа экономики, проект «Исследование форм и механизмов корпоративной и региональной технологической кооперации».

способов организации взаимодействия работника и работодателя (методом исключения к НФЗ относятся все виды занятости, которые не могут быть идентифицированы как классическая модель капиталистического наемного труда). Это, очевидно, делает невозможным использование единой схемы регулирования для всех разновидностей НФЗ (что, разумеется, не исключает наличия каких-либо общих элементов в схемах регулирования, которые будут разработаны для разных видов НФЗ).

По этой причине целесообразно попытаться построить классификацию НФЗ для того, чтобы выявить те разновидности НФЗ, которые нуждаются в разных схемах регулирования.

Разумеется, попытки построения такой классификации уже предпринимались. В первой фундаментальной отечественной работе, посвященной вопросам нестандартной занятости, НФЗ были разбиты на отдельные группы (в дальнейшем перечень этих групп практически в неизменном виде воспроизводился в исследованиях других авторов). Однако это разбиение было произведено по внешним признакам (к тому же разного порядка и разной природы) и по этой причине классификацией в строгом смысле слова считаться не может.

Тот факт, что НФЗ по самой своей природе противопоставляются традиционной модели занятости, стал причиной возникновения у исследователей стремления построить классификацию НФЗ на основе тех признаков, по которым происходит это противопоставление. Очевидно, что логичнее всего было бы строить классификацию НФЗ на основе тех признаков, по которым НФЗ противопоставляются традиционной модели занятости. В настоящее время существует ряд работ, в которых описываются разные подходы к формированию такой системы признаков. На наш взгляд, наибольший интерес представляют результаты, полученные Е. Я. Варшавской (*Варшавская, 2009*), О. Н. Билык (*Білик, 2014*) и О. В. Вередюк (*Вередюк, 2013*).

В частности, как указано в работе (*Варшавская, 2009. С. 20*), в качестве критериев противопоставления НФЗ и традиционной модели занятости можно использовать способ участия в общественном труде, степень использования рабочего времени, юридическое оформление трудовых отношений, регулярность трудовой деятельности, расположение рабочего места, статус занятости и специфику деятельности экономического агента. Однако, при всей важности этих результатов, предложенные критерии, во-первых, слишком частные (такие, например, как степень использования рабочего времени или расположение рабочего места) – что, безусловно, важно для практических целей, но препятствует теоретическому анализу (так как не дает за частным увидеть общее), во-вторых, носят внешний, а не содержательный характер (т. е. представляют собой проявления более глубоких закономерностей) и, наконец, в-третьих, эти признаки не охватывают все то многообразие критериев, по которым НФЗ отличаются от традиционной занятости (именно в силу частного характера этих признаков). Иначе говоря, эти признаки удобно рассматривать как детализацию предложенных нами экономического, юридического, организационного и социального критериев, т. е. как вторичные, а не первичные критерии противопоставления НФЗ и традиционной модели занятости.

Аналогичные недостатки характерны и для перечня критериев, предложенного О. Н. Билык (*Білик, 2014*).

В соответствии с результатами исследования О. В. Вередюк (*Вередюк, 2013*) традиционная занятость отличается от НФЗ по следующим критериям (сразу следует оговориться, что О. В. Вередюк говорит о факторах неустойчивости занятости, т. е. рассматривает лишь негативную составляющую НФЗ и делает акцент именно на ее признаках, вследствие чего описанные ею критерии противопоставления заведомо неполны):

- тип трудового договора: для НФЗ характерны срочный оформленный договор или отсутствие договора;
- форма занятости – здесь уместно процитировать оригинальный текст

(Вередюк, 2013. С. 29-30): «Нестандартная занятость, включающая в себя организационно-правовые способы и условия использования труда, отличные от традиционного трудового правоотношения с одним работодателем, для которого характерны бессрочный трудовой договор, режим полного рабочего дня, защита от увольнений. Примерами могут служить дистанционная, агентская занятость и др.». Легко убедиться, что О. В. Вередюк дважды допустила здесь смешение понятий: во-первых, она повторно использовала противопоставление по критерию продолжительности трудового договора, уже упомянутое в предыдущем пункте, во-вторых, она объединила организационно-правовые способы и условия использования труда в качестве единого критерия выделения неустойчивых форм занятости, что вряд ли можно признать корректным с методологической точки зрения;

- оплата труда: нестабильность и низкий уровень заработной платы. При всей важности этого критерия, он все же носит вторичный характер по отношению к сущности экономических отношений работника и работодателя;

- условия труда: неблагоприятные условия труда (акцент на негативной составляющей, тогда как условия труда, будучи нетипичными, могут быть вполне благоприятными – как, например, выполнение работы в удаленном режиме на пляже вместо офиса). Кроме того, выше условия использования труда уже были предложены в качестве критерия противопоставления.

Система критериев, предложенная О. В. Вередюк, внутренне противоречива. Это критерии разного порядка (организационно-правовые формы и условия труда), сложносоставные (организационно-правовые формы и условия использования труда) и пересекающиеся (длительность трудового контракта использована в двух критериях), что делает невозможным их применение на практике.

Таким образом, предпринятые Е. Я. Варшавской, О. Н. Билык и О. В. Вередюк попытки составить перечень признаков, по которым НФЗ отличаются от традиционной занятости, на наш взгляд, успехом в полной мере не увенчались (более того, в силу описанных выше методологических неточностей перечень критериев, предложенный О. В. Вередюк, не позволяет корректно выделить даже неустойчивые, т. е. невыгодные для работника НФЗ).

В качестве еще одного примера классификации НФЗ можно привести работу И. В. Цыганковой, в которой предложено выделять «новые» и «классические» НФЗ. Несмотря на то, что эта классификация представляет большой интерес, она пока не является в достаточной степени операциональной (в частности, неясно, как именно противопоставлять новые и классические виды НФЗ, и является ли перечень классических НФЗ закрытым, или же он будет постепенно пополняться за счет тех – пока еще новых – НФЗ, которые с течением времени утратят новизну).

Анализ описанных выше подходов к классификации НФЗ позволяет утверждать, что они не могут быть использованы для целей регулирования НФЗ. Дело в том, что эти классификации строились либо с практическими целями (для того, чтобы показать, в каких ситуациях функционирует та или иная разновидность НФЗ), либо для выявления экономической, организационной, правовой или иной природы НФЗ (т. е. для целей теоретического анализа). Проблема соотношения интересов участников трудовых отношений (а именно баланс этих интересов, очевидно, должен быть объектом регулирования) в этих классификациях не затрагивалась (т. е. не принималась в них в качестве классифицирующего критерия).

Единственным исключением является классификация, описанная Е. Я. Варшавской (Варшавская, 2009. С. 64), где механизмы гибкости занятости исследуются под углом их соответствия интересам участников рынка труда, на основании чего выделяются НФЗ, ориентированные преимущественно на интересы работника, преимущественно на интересы работодателя и компромиссные. По нашему мнению, этот подход и должен лечь в основу классификации НФЗ для

целей регулирования, однако для этого его необходимо несколько усовершенствовать.

Прежде всего, нужно говорить о соответствии НФЗ интересам не просто участников рынка труда, а участников социально-трудовых отношений, в силу чего следует учитывать интересы не только работников и работодателей, но и государства.

Кроме того, необходимо сформулировать критерии, по которым можно оценивать то, насколько соблюден баланс интересов сторон в той или иной разновидности НФЗ (и, соответственно, насколько нуждаются в защите интересы какого-либо из участников социально-трудовых отношений).

Наконец – и это нам кажется достаточно важным – следует избавиться от представления о том, что при использовании НФЗ в защите нуждаются только интересы работника и/или общества, тогда как работодатель в силах отстаивать свои интересы самостоятельно. Зачастую это действительно так, однако при защите своих интересов собственными силами работодатель может нарушить интересы работников и общества значительно сильнее, чем это было бы в том случае, если бы его интересы были приняты во внимание изначально (что показывает практика применения НФЗ).

ПОЗИТИВНЫЕ, НЕГАТИВНЫЕ И НЕЙТРАЛЬНЫЕ НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ

Таким образом, можно утверждать, проблема сопоставительного анализа различных нетрадиционных форм занятости с точки зрения их соответствия интересам работников, работодателей и общества представляет большой интерес. Дело в том, что исследователи, как правило, сосредотачиваются на изучении либо тех форм занятости, которые можно условно назвать «позитивными» (краудсорсинг, фрилансинг) (Пинк, 2005; Хау, 2012; Долженко, 2014), либо тех форм, которые имеют в глазах общества негативный имидж (прежде всего аутсорсинг персонала, временная занятость и т. д.) (Бобков и др., 2011; Бобков и Вередюк, 2013). Такой подход породил две важные проблемы, нуждающиеся в решении:

- за пределами внимания исследователей остается как то, что роднит эти формы занятости друг с другом, так и принципиальные различия между ними (иначе говоря, результаты таких исследований носят частный, а не обобщающий характер, который бы позволил построить классификацию НФЗ по степени соответствия интересам участников трудовых отношений и тем самым заложил основу для нормативного регулирования НФЗ);
- деление НФЗ на «позитивные» и «негативные» основывается на их восприятии обществом и работниками (при этом не все разновидности НФЗ могут быть однозначно отнесены к позитивным или негативным), интересы работодателя при таком подходе не учитываются.

Попробуем выполнить анализ этих проблем.

Сходство между «позитивными» и «негативными» (еще раз уточним, с точки зрения работника и общества) формами занятости заключается в том, что они обеспечивают работодателю большую гибкость в отношениях с работниками. Речь идет о перенесении на работников предпринимательских рисков, в силу чего отсутствуют гарантии как полной и постоянной занятости, так и фиксированной оплаты труда (по сути дела, в обоих случаях имеет место тенденция к прекаризации труда), о снижении затрат на создание рабочих мест (при работе на дому) и т. д. Однако в «позитивных» формах эти неудобства компенсируются за счет роста дохода работника, большей свободы в планировании рабочего времени и организации труда и возможности более полноценной самореализации (для фрилансинга характерно сочетание всех трех факторов, для краудсорсинга – скорее последних двух). Фактически отношения между работником и работодателем становятся более гибкими не только для работодателя, но и для сотрудника. Нередко это также сопровождается снижением отчуждения работника от средств производства. Это

выражается как в виде предоставления работнику средств производства (прежде всего – в форме аренды; известны случаи, когда персонал берет в аренду ресторан), так и в виде привлечения на работу сотрудников со своими средствами производства (пример – водители такси со своими автомобилями).

В силу наличия этой материальной и нематериальной компенсации работнику прекаризации труда при использовании позитивных форм НФЗ не происходит (иначе говоря, при наличии видимости прекаризации в ряде разновидностей НФЗ, на практике эта прекаризация имеет место далеко не всегда).

Кроме того, применение «позитивных» разновидностей НФЗ позволяет работодателю не только сделать свои отношения с работником более гибким, но и получить дополнительный экономический и управленческий эффект (например, за счет более высокого уровня мотивации работника и более качественного выполнения им своих обязанностей, а также благодаря более полному использованию человеческого капитала – в частности, при внутреннем краудсорсинге).

В случае «негативных» форм перенос на работника предпринимательских рисков не сопровождается предоставлением ему адекватной компенсации, более того, ему может сопутствовать еще более высокая степень отчуждения от средств производства (как это происходит при аутсорсинге персонала, когда работник формально не связан никакими отношениями с фактическим работодателем) и рост эксплуатации (Сумленный, 2013). Единственной выгодой работодателя при применении «негативных» форм является повышение гибкости управления трудовыми ресурсами, дополнительный экономический и управленческий эффект, как правило, отсутствует.

Отметим, что на использование «негативных» форм занятости объективно есть спрос, а попытки их законодательного регулирования с целью улучшения положения работников сталкиваются с сопротивлением работодателей (*Заемный труд отменяется*, 2014).

Можно утверждать, используя марксистскую терминологию, что «негативные» НФЗ способствуют росту отчуждения труда, тогда как «позитивные» НФЗ ведут к снижению отчуждения (в широком смысле – не только отчуждения от средств производства, о чем говорилось выше) и к росту вовлеченности работников.

Таким образом, как «позитивные», так и «негативные» НФЗ имеют в своей основе стремление работодателя минимизировать свои риски и затраты за счет их переноса на сотрудника, принципиальное различие же заключается в наличии или отсутствии компенсации работнику за этот перенос.

Вероятно, будет справедливо утверждать, что следует выделять в составе НФЗ не только «позитивные» и «негативные», но и «нейтральные» разновидности. Если при использовании «позитивных» форм положение сотрудника в его собственном восприятии значительно улучшается по сравнению с традиционной моделью занятости, а «негативные» формы ведут к значительному ухудшению, то «нейтральные» формы предлагают устраивающую работника компенсацию за некоторое ухудшение условий по сравнению с традиционной моделью, в силу чего, по мнению работника, ухудшения его положения не происходит (как и улучшения).

Отметим еще один момент: разновидности НФЗ далеко не всегда являются сами по себе позитивными или негативными, чаще можно говорить о негативном и позитивном способе их реализации. В частности, краудсорсинг, воспринимаемый как «позитивная» разновидность НФЗ (Долженко, 2014), может стать инструментом эксплуатации работников (напомним, что краудсорсинг представляет собой привлечение широких масс к решению определенных задач при малой материальной компенсации, достигающей к тому же не всех участников). Это может произойти в случае возникновения дефицита традиционных рабочих мест, связанных с выполнением задач, которые могут быть переданы на краудсорсинг. В этой ситуации работники, обладающие требуемыми компетенциями, но не имеющие постоянной работы или занятые на другой, более низкооплачиваемой работе, будут

принимать участие в разнообразных краудсорсинговых проектах в надежде получить постоянный контракт. Фирмы же смогут безвозмездно использовать эти человеческие ресурсы, не давая им никаких гарантий. Иными словами, речь идет о принудительном замещении трудового контракта краудсорсингом.

Аналогичными рисками чреват и фрилансинг (также разновидность НФЗ, воспринимаемая как позитивная) – когда фирмы могут целенаправленно отказываться от найма работников определенных профессий и специальностей, вынуждая их становиться фрилансерами в условиях высокой конкуренции и слабой гарантии получения дохода.

Напротив, аутсорсинг персонала, однозначно воспринимаемый как негативная модель НФЗ, на самом деле обладает рядом достоинств (в частности, он позволяет предоставить временную работу безработным и может стать своего рода заменой испытательного срока перед постоянной занятостью). Разумеется, эти достоинства не делают его позитивной формой занятости (в силу слабой защищенности интересов работников), однако в определенных ситуациях позволяют рассматривать его нейтрально. Негативной формой с точки зрения общества он становится, когда он приобретает слишком широкое распространение, не дополняя, а замещая традиционную форму занятости (в том числе за счет аутстаффинга – этот инструмент, по нашему мнению, является «негативным» в чистом виде).

Теперь включим в наш обзор работодателя. Это означает, что делить НФЗ на «позитивные» и «негативные» (и, в соответствии с нашим предложением, «нейтральные») следует по критерию их соответствия интересам всех участников трудовых отношений. Таким образом, в первом приближении можно говорить о том, что

- позитивными формами занятости с точки зрения всех участников трудовых отношений следует считать те, при которых хотя бы один участник улучшает свое положение по сравнению с традиционной моделью занятости, и при этом не происходит ухудшения положения других участников (либо такого ухудшения нет вообще, либо участники получают равноценную компенсацию за это ухудшение);

- нейтральными формами можно называть те, при которых ни один из участников трудовых отношений не ухудшает своего положения (в приведенном выше понимании);

- негативными формами следует считать те, при которых положение хотя бы одного участника трудовых отношений ухудшается (либо оно ухудшается абсолютно, т. е. компенсация отсутствует, либо эта компенсация не возмещает ухудшения).

При таком понимании необходимости удовлетворения интересов всех участников трудовых отношений к негативным формам можно отнести, в частности, предоставление избыточных (по сравнению с традиционными) социальных гарантий определенным категориям работников (например, инвалидам), поскольку, очевидно, это ухудшает экономическое положение предприятия. Это означает, что работодателям должно быть предложено некое возмещение за эти неудобства (в случае труда инвалидов эта компенсация, представляющая собой льготы по налогообложению, перевешивает неудобства для того, чтобы фирмам было выгодно брать инвалида вместо обычного работника).

Отметим здесь интересную параллель с широким распространением аутсорсинга персонала и временной занятости. Если при умеренном применении они обладают определенными преимуществами, то при их навязывании, замещении ими традиционной занятости (когда у сотрудника практически нет возможности перейти от работы по аутсорсингу на постоянное рабочее место у реального работодателя), они превращаются в инструмент эксплуатации и ухудшения социального климата в обществе. Хорошо известно, что в странах Западной Европы распространено предоставление широких социальных гарантий (в частности, фактически делающих невозможным увольнение неэффективного сотрудника). Предоставление дополнительных социальных гарантий определенным категориям

работников (например, инвалидам) нередко воспринимается работодателями с пониманием (особенно когда это компенсируется определенными льготами, в частности, снижением налогов). Однако когда предоставление таких гарантий становится обязательным (т. е. работодатель не может в рамках закона отказаться от них, иначе говоря, когда НФЗ с избыточной социальной защитой перестает быть дополнением к традиционной модели и замещает ее), и при этом никакой компенсации не предлагается, такая форма занятости становится негативной для работодателя, и вынуждает его защищать свои интересы.

Таким образом, регулирование НФЗ должно строиться на предоставлении адекватной (как минимум) компенсации участнику трудовых отношений за ухудшение его положения при отказе от традиционной модели занятости, а не на запрете НФЗ и не на защите интересов одних участников за счет других. Адекватная компенсация способна превратить НФЗ в нейтральную, а избыточная компенсация – в позитивную.

Отметим, что формы занятости, негативные для одного из участников трудовых отношений, способны стать негативными для всех сторон, поскольку тот участник, интересы которого были ущемлены изначально, стремится компенсировать свой ущерб за счет интересов других сторон.

При этом, по нашему мнению, в современных условиях важно обеспечить сбалансированность рынка труда с точки зрения реализуемых на нем форм организации взаимодействия работников и работодателей. Это означает, во-первых, что на рынке труда представлены все позитивные и нейтральные формы занятости и, во-вторых, что у работника и работодателя есть выбор относительно того, какую форму занятости использовать (т. е. ни работник, ни работодатель не принуждаются к какой-либо единственной форме занятости, а добровольно выбирают ту из них, которая наилучшим образом соответствует их интересам). Разумеется, эта гибкость должна иметь свои пределы, зависящие, в частности, от отрасли (было бы странно предлагать одинаковый инструментарий регулирования для шахтеров и агентов по недвижимости). Для достижения этой цели работодатели должны делать сбалансированное по моделям занятости предложение рабочих мест (хотя термин «рабочее место» не совсем корректен – при краудсорсинге о рабочем месте в классическом смысле говорить не приходится; вероятно, в качестве обобщающего термина можно предложить, используя популярную в настоящее время концепцию маркетинга персонала, «трудовой продукт», под которым понимается предлагаемый фирмой на рынке труда способ привлечения рабочей силы).

Не стоит забывать и о том, что в ряде отраслей (как, в частности, в сфере торговли недвижимостью) выработались свои консенсусные правила взаимодействия работников и работодателей, устраивающие обе стороны. Вероятно, имело бы смысл учесть эти правила при разработке инструментария регулирования трудовых отношений с учетом отраслевой специфики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сформулировать следующие выводы:

- Нестандартные формы занятости могут соответствовать не только интересам работодателей, но и интересам работников, а также общества в целом.
- Нестандартные формы занятости по способу их реализации могут быть разделены на негативные, позитивные и нейтральные. Критерием такого разделения служит наличие или отсутствие компенсации участнику трудовых отношений за ухудшение его положения по сравнению с традиционной моделью занятости. В случае работника речь идет о компенсации за прекаризацию. Применительно к работодателю целесообразно говорить о разделении по критерию компенсации за принятие на себя избыточного риска или снижение экономической эффективности (например, при использовании труда инвалидов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Білик О. М. (2014). Нестандартна зайнятість: виклики сьогодення // *Соціально-трудова відносина: теорія та практика. Збірник наукових праць*, № 1, с. 296-301.

Бобков В. Н. и Вередюк О. В. (2013). Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // *Уровень жизни населения регионов России*, № 6, с. 7-11.

Бобков В. Н., Черных Е. А., Алиев У. Т. и Курильченко Е. И. (2011). Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // *Уровень жизни населения регионов России*, № 5, с. 13-26.

Варшавская Е. Я. (2009). Гибкость занятости: зарубежный опыт и российская практика. Кемерово: Кемеровский государственный университет.

Вередюк О. В. (2013). Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5: Экономика*, № 1, с. 25-32.

Долженко Р. А. (2014). Формирование стратегии организации с использованием краудсорсинга // *Проблемы теории и практики управления*, № 4, с. 125-129.

Заемный труд отменяется // *Expert Online*. – 2014. (<http://expert.ru/2014/04/24/zaemnyj-trud-otmenyaetsya/> - Дата обращения: 01.07.2014).

Колот А. М. (2013). Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // *Уровень жизни населения регионов России*, № 11, с. 93-101.

Нестандартная занятость в российской экономике. / Под ред. В. Е. Гимпельсона и Р. И. Капелюшникова. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006.

Пинк Д. (2005). Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. М.: Издательский дом «Секрет Фирмы».

Сумленный С. (2013). Рабство по-европейски // *Эксперт*, № 8. (<http://expert.ru/expert/2013/08/rabstvo-po-evropejski/> - Дата обращения: 01.07.2014).

Хау Дж. (2012). Краудсорсинг: Коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М.: Альпина Паблишер.

Цыганкова И. В. (2014). «Новые» формы нестандартной занятости на российском рынке труда // Политическая экономия: прошлое, настоящее, будущее: сборник тезисов Международной научной конференции 15 мая 2014 года. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, с. 133-135.

REFERENCES

Atypical Employment in Russian Economy / Ed. by V. E. Gimpel'son and R. I. Kapelyushnikov. Moscow, Publ. House of HSE, 2006. (In Russian).

Bilyk O. M. (2014). Atypical employment: contemporary problems. *Social and Labor Relations: Theory and Practice. Coll. Works [Social'no-trudovi vidnosyny. Zbirnyk naukovykh prac']*, no 2, pp. 296-301. (In Ukrainian).

Bobkov V. N. and Veredyuk O. V. (2013). Social vulnerability of employees and society as a result of precarization of employment. *Living Standards in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]*, no. 6, pp. 7-11. (In Russian).

Bobkov V. N., Chernykh E. A., Aliev U. T. and Kuril'chenko E. I. (2011). Employment instability: negative aspects of modern social and labor relations. *Living Standards in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]*, no. 5, pp. 13-26. (in Russian).

Dolzhenko R. A. (2014). Crowdsourcing-based company strategy. *The International Journal Theoretical and Practical Aspects of Management*, no. 4, pp. 125-129. (In Russian).

Howe J. (2012). Crowdsourcing: Why the Power of the Crowd Is Driving the Future of Business. Moscow, Al'pina Publ. (In Russian).

Kolot A. M. (2013). Transformation of employment as a part of global changes in

social and labor relation: phenomenon of precarization. *Living Standards in the Regions of Russia [Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii]*, no. 11. pp. 93-101. (In Russian).

Leased Work Will Be Prohibited. *Expert Online*. – 2014. (<http://expert.ru/2014/04/24/zaemnyij-trud-otmenyaetsya/> - Access Date: 01.07.2014). (In Russian).

Pink D. (2005). *Free Agent Nation: The Future of Working for Yourself*. Moscow, Publ. House "Secret Companies [Sekret Firmy]". (In Russian).

Sumlenny S. (2014). Slaves: European way. *Expert*, no. 8. (<http://expert.ru/expert/2013/08/rabstvo-po-evropejski/> - Access Date: 01.07.2014). (In Russian).

Tsygankova I. V. (2014). "New" forms of atypical employment of the Russian labor market. *Political Economy: Past, Present, Future: Coll. of Abstracts of the International Scientific Conference*, 15.05.2014. St. Petersburg, Publ. House of Polytechnic University, pp. 133-135. (In Russian).

Varshavskaya Ye. Ya. (2009). *Flexible employment: foreign experience and Russian practice*. Kemerovo, Publ. House of Kemerovo State University. (In Russian).

Veredyuk O. V. (2013). Employment instability: theoretical basis and evaluation of its level in Russia. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 5: The Economy [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5: Ekonomika]*, no. 1, pp. 25-32. (In Russian).

ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

КОРЧАГИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА,

доктор экономических наук,
профессор департамента менеджмента НИУ ВШЭ, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ekorchagina@hse.ru

Представлен обзор российских исследований, посвященных проблематике семейного бизнеса. Определены основные тренды и направления исследований. Описан эволюционный процесс развития категории «семейный бизнес» в российской научной среде: от первоначальной трактовки семейного предприятия как бизнеса главы семьи, в который вовлечены его родственники, до передаваемого по наследству семейного актива. Выявлена специфика концептуальных подходов к исследованию феномена семейного бизнеса, разработанных российскими авторами. Определены сходства и отличия исследовательских тематик, используемых методологических подходов и методического инструментария в российских и западных исследованиях семейного бизнеса. Сделаны выводы о повышении научного и практического интереса российских исследователей к проблеме институционализации механизмов преемственности семейного бизнеса и построения эффективной организационной культуры в семейных компаниях.

Ключевые слова: семейный бизнес; ценности семейных фирм; организационная культура семейных фирм; наследование бизнеса.

THE FAMILY BUSINESS RESEARCH IN RUSSIA: THE DEFINITION APPROACHES AND CONCEPTUAL FEATURES

KORCHAGINA ELENA, V.,

Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department of Management,
NRU HSE, St. Petersburg,
e-mail: ekorchagina@hse.ru

The paper provides an overview of the Russian studies of the family business. It defines the main trends and directions of research and describes the evolutionary process of the "family business" category in the Russian scientific community from the initial interpretation of the family business as the business of the family's head with involving his or her relatives in the business process to the family's assets transferred by succession. Also the paper focuses on the specificity of the conceptual approaches to the family business phenomenon studies developed by Russian authors. The similarities and differences of research topics, used methodological approaches and tools in the Russian and Western studies of family business have been identified. The paper concludes improving scientific and practical interest of Russian researchers to the problem of institutionalizing of the family business succession and building an effective organizational culture in the family companies.

Keywords: *family business; family firm's values; family firm's organizational culture; business succession.*

JEL: *A13, D23, Z13.*

Семейный бизнес играет ключевую роль в экономиках многих развитых стран и, в силу данного обстоятельства, является популярной темой в зарубежных экономических и управленческих исследованиях. Часть зарубежных работ посвящена разработке подходов к определению семейного бизнеса и выявлению его отличий от несемейного (Anderson and Reeb, 2003; Tanewski, Prajogo and Sohal, 2003; Beehr, Drexler and Faulkner, 1997; Daily and Dollinger, 1992). Ряд авторов рассматривают особенности рыночных стратегий семейных фирм (Kelly, Athanassiou and Crittenden, 2000; Miller et al, 1999; Kets de Vries, 1993). Многие фокусируются на изучении специфики организационной культуры и этических ценностей семейного бизнеса (Duh, Belak and Milfelner, 2010; Vallejo, 2008; Dyer, 2003). В качестве отдельного направления также можно выделить обзоры проводимых исследований в области семейного бизнеса (Mandl, 2008; Poutziouris, Smyrniotis and Klein, 2006).

Состоявшийся уже почти четверть века назад переход России к рыночной экономике стал импульсом к развитию частного бизнеса и созданию семейных предприятий. Однако интерес российской науки к проблеме развития семейного бизнеса находится в настоящий момент в стадии формирования. Это приводит к серьезным различиям в подходах к определению семейного бизнеса, методологии, используемой для его изучения, оценке перспектив его развития. Рассмотрим результаты ключевых исследований в области семейного бизнеса, проведенных российскими исследователями за последние 25 лет.

Подходы к определению семейного бизнеса

Для конца 1990-х – начала 2000-х годов типичным является подход, представленный в работе «Семейный бизнес и семьи в бизнесе» (Бархатова, 1999). В ней семейный бизнес по сути не определен, автор руководствуется его «бытовым пониманием» как бизнеса, основанного главой семьи, в котором работают на различных должностях члены семьи. Так, при обсуждении семейных альянсов в статье выделены модели, описывающие участие членов семьи в бизнесе ее главы (например, муж – руководитель – жена – бухгалтер или начальник подразделения; жена – руководитель – муж – исполнительный директор; жена – руководитель – муж – рабочий; мать – руководитель – дочь или сын – бухгалтер и т.д.). Проблема преемственности бизнеса, передачи его по наследству даже не ставится, хотя при обсуждении моделей семейного бизнеса, в которые вовлечены представители разных поколений, выявлена значимость бизнеса для обеспечения занятости и достойного уровня дохода детей, что, очевидно, соответствует жизненно важным интересам семьи и может являться одной из важнейших семейных ценностей.

Рассматривая различные подходы к определению семейного бизнеса, Черницкий (Черницкий, 2008) приходит к выводу о том, что, в связи с трудностью формулирования объективных критериев разделения бизнеса на семейный и несемейный, следует использовать субъективный критерий. Он предлагает относить к семейным те компании, собственник (или собственники) которых считают свой бизнес семейным, не вдаваясь в изучение причин, обусловивших формирование данного мнения.

Во второй половине 2010-х годов начинают публиковаться работы, использующие более точные и объективные формулировки семейного бизнеса. Так, рассуждая о его определении, Королев (Королев, 2007) во главу угла ставит вопрос собственности. Семейную компанию он определяет как частный случай частной или партнерской компании, во владении которой участвуют члены нуклеарной или расширенной семьи (Королев, 2007. С. 157). Выделяя семейный, клановый и родовой

типы компаний, он высказывает предположение о том, что истинным собственником семейного бизнеса является не основатель и не его наследники, а весь род, к которому они принадлежат. Он утверждает, что данный род должен обладать способностью формировать миссию, цели и волю, обеспечивающую реализацию родовых миссии и целей и подчиняющую цели и желания отдельных его представителей (*Королев, 2007. С. 154*).

Волков (*Волков, 2011*) определяет семейный бизнес как одну из возможных стадий развития компании, предполагающую «единоличное правление» со стороны семьи. При этом он указывает, что критерием успешности такого «правления» могут являться не прибыль, а нефинансовые показатели компании. Еще более четкую формализацию данного определения можно увидеть в одной из последних и наиболее полных публикаций по проблеме семейного бизнеса - «Исследовании владельцев капиталов в России» (*Исследовании владельцев капиталов ..., 2015*), проведенном Центром управления благосостоянием и филантропии Сколково. В данной работе используется определение Чуа, Крисмана и Шарма, относящее к семейному бизнесу бизнес, «руководство и (или) управление которым осуществляются с намерением сформулировать и реализовать концепцию развития бизнеса, находящегося во владении доминирующей коалиции, управляемой членами одной семьи или небольшим количеством семей, таким образом, чтобы обеспечивать потенциальную устойчивость на протяжении нескольких поколений данной семьи или семей» (*Chua, Chrisman and Sharma, 1999*).

Тренды и направления исследований

Среди трендов в данной области исследований можно выделить как преимущественно теоретические работы, направленные на уточнение терминологии семейного бизнеса и связанных с ним определений, классификацию семейных компаний, а также постулирование принципов корпоративного управления семейным бизнесом (*Королев, 2007; Черницкий, 2007; 2008; Волков, 2011*), так и преимущественно эмпирические, направленные на исследование тенденций развития российского семейного бизнеса, определение его ключевых отличий от несемейного, выявление внешних и внутренних проблем и ограничений, с которыми он сталкивается (*Бархатова, 1999; Календжян и Волков, 2011; Исследование владельцев капиталов..., 2015*).

Первые исследования российского семейного бизнеса концентрировали свое внимание на анализе процессов его зарождения, вовлечения главой семьи родственников в свою предпринимательскую деятельность, а также изучении вопросов взаимодействия между учредителем, членами семьи и другими сотрудниками при ведении семейного бизнеса. Так, исследование (*Бархатова, 1999*) фокусируется на изучении начальных этапов семейного бизнеса, его преимуществ и недостатков по сравнению с несемейным, сложностей, возникающих в отношениях близких людей при ведении совместной бизнес-деятельности, а также вопросов управления персоналом семейной компании.

Опрошенные в данном исследовании респонденты подчеркивают, что семейные связи являются одним из важнейших ресурсов компании, который «расходуется» в процессе ее работы физически и морально, и обеспечивает надежную поддержку владельцу бизнеса. Большинство респондентов утверждает, что совместный бизнес укрепил внутрисемейные связи. В то же время некоторые респонденты говорят о сложности взаимодействия семейных и бизнес-интересов. Некоторые собственники видят в работающих родственниках не помощников, а нахлебников, содержание которых отвлекает ресурсы семейного бизнеса. Среди основных издержек «семейственности» собственники называли пониженную ответственность и недостаток профессионализма и квалификации. С другой стороны, члены семьи собственника, работающие в компании, часто говорят о том, что он может злоупотреблять доверительными отношениями, родственными связями и обязательствами. В этом случае под покровительственным отношением

скрывается грубый экономический расчет, позволяющий собственнику использовать членов семьи в качестве дешевой рабочей силы, заставляя работать сверхурочно и экономя на заработной плате. В ряде случаев конфликт между интересами отдельных членов семьи и бизнеса достиг «точки невозврата», после которой произошло разрушение семейных отношений.

Работа Черницкого (*Черницкий, 2007*) подтверждает вывод о том, что «семейственность» не всегда положительно влияет на рабочую атмосферу и производительность компании. Он указывает, что зачастую члены семьи не дорожат своим рабочим местом, не заинтересованы «вкалывать» на работе и «выматываться на всю катушку», поскольку уверены в том, что собственник не посмеет их уволить. В то же время они могут пытаться «вымогать» у собственника ресурсы на приобретение недвижимости, автомобилей, оплаты образования и т.д. Такое поведение родственников может оказать демотивирующее влияние на других сотрудников компании, не являющихся членами семьи, и снизить эффективность производительности труда в компании в целом. Кроме того, в таких компаниях из-за некомфортной внутренней атмосферы наблюдается высокая текучесть кадров, приводящая к дефициту квалифицированного и мотивированного персонала.

Ряд респондентов исследования (*Бархатова, 1999*) поднимают проблему преемственности, рассуждая о своем желании передать наследникам не только имущественные накопления, но и производственные и творческие «планы и стремления», что говорит о выходе семейного бизнеса из категории «деятельности по обеспечению благосостояния семьи» в глобальный бизнес-проект, охватывающий несколько поколений, и несущий в себе важную ценностную компоненту. Однако в рамках данного исследования задача обеспечения преемственности еще не определяется как ключевая для сохранения семейного бизнеса, и вопрос о механизмах обеспечения ее решения даже не ставится.

В то же время необходимо отметить, что основные выводы, сделанные в результате исследований (*Бархатова, 1999; Черницкий, 2007; 2008*), в целом совпадают с зарубежными результатами. В частности, они устанавливают, что влияние семьи на бизнес часто приводит к тому, что семейному бизнесу легче выжить, но сложнее развиваться, чем несемейному. Текучесть персонала в семейных компаниях значительно ниже, чем в несемейных. Также отмечается склонность семейных компаний к авторитарному стилю управления.

Постепенно изучение российского семейного бизнеса становится более научным, в нем предпринимаются попытки не только строгого определения понятий, но и ввода новых оригинальных классификаций как самого семейного бизнеса, так и стратегий включения представителей семьи в бизнес. Среди первых попыток типологизации российского семейного бизнеса следует отметить работу Королева (*Королев, 2007. С. 157*), который, относя семейный бизнес к компаниям с концентрированной собственностью, предлагает их оригинальную классификацию, выделяя три основных типа: семейные компании (находящиеся во владении супругов), клановые (во владении которых участвуют родственники, принадлежащие к разным нуклеарным семьям, имеющим общий корень) и родовые (в которых владельцами принято решение о передаче компании следующему поколению в рамках одной семьи).

Большой научный интерес представляет классификация стратегий взаимодействия семьи и бизнеса (*Исследование владельцев капиталов ..., 2015. С. 47, 66*). В данной работе выделены пять типов стратегий: изоляции, кооперативной автономии, бизнес-университета, формирования клана и семейного бизнеса. В случае изоляции семья по каким-либо причинам «изолирована» от обсуждения бизнес-вопросов, а в крайних случаях – и вопросов благосостояния, оставаясь, тем не менее, бенефициаром бизнес-активности главы семьи. Стратегия кооперативной автономии предполагает, что глава семьи выступает инвестором бизнес-проектов детей и других родственников. Получив первоначальные инвестиции, члены семьи предпринимателя затем развивают свой проект автономно. В дальнейшем они могут

либо «размежеваться», выкупив долю в данном бизнесе, либо сохранить долю инвестора. При этом вопросы благосостояния семьи, как правило, решаются на принципах партнерства. Третья стратегия фокусируется на создании своеобразного бизнес-университета для обучения и воспитания наследников. Их включение в реальный бизнес главы семьи позволяет им попробовать свои силы и определиться, хотят ли они продолжать семейное дело. Четвертая стратегия – формирование клана – основана на использовании ресурсов семейных и бизнес-связей и предполагает формирование среды взаимной поддержки, состоящей из нескольких связанных родственными узами семейных групп. Наконец, последняя стратегия «семейного бизнеса» формирует организацию, в которой бизнес-активность тесно переплетается с семейными отношениями, поскольку в ней активно работали, работают и планируют работать члены одной семьи.

Также в «Исследовании владельцев капиталов России» (*Исследования владельцев капиталов ...*, 2015. С. 17) представлена оценка различий ценностных ориентаций владельцев российских семейных компаний по сравнению жителями России в целом, жителями европейских стран и европейскими предпринимателями. Установлено, что российские предприниматели имеют значительно более сильную индивидуалистическую ориентацию, чем представители других анализируемых категорий. Кроме того, российские предприниматели являются менее социально ориентированными, чем население России и европейских стран в целом, однако этот показатель является более низким и в категории европейских предпринимателей. В целом у российских предпринимателей по сравнению с другими категориями более четко выражены ценности самоутверждения и открытости изменениям, что является вполне закономерным для группы людей, ежедневно принимающих ответственные решения в условиях крайне нестабильной и рискованной российской бизнес-среды.

Большинство эмпирических работ в области изучения российского семейного бизнеса фокусируются на проблеме недостаточной проработанности механизмов передачи бизнеса наследникам, а также низкого уровня осознанности необходимости разработки таких механизмов среди владельцев бизнеса (*Календжян и Волков, 2011; Исследование владельцев капиталов ...*, 2015). Так, Календжян и Волков (*Календжян и Волков, 2011*) отмечают, что 78% опрошенных ими владельцев бизнеса не имеют четких представлений относительно политики преемственности. Исследование владельцев капиталов России (*Исследование владельцев капиталов ...*, 2015) показало, что детально проработанный план передачи бизнеса имеют 30% опрошенных респондентов, такой же процент опрошенных никогда не задумывался над этим вопросом; в то же время планы преемственности благосостояния семьи в целом детально проработаны у 39% респондентов, не задумывались над ним только 16%. Таким образом, можно сделать вывод о том, что актуальность темы преемственности бизнеса и необходимости обучения и подготовки наследников большинством владельцев еще не осознается.

Основные выводы

Анализируя российские исследования, посвященные проблематике семейного бизнеса, можно увидеть, что постепенно происходит понимание необходимости разработки единой терминологической базы, переход от «бытового понимания» семейного бизнеса как компании, в которой работают члены одной семьи, к бизнесу, наследуемому семьей на протяжении нескольких поколений. Смещаются исследовательские акценты – от описания проблем взаимодействия между родственниками при реализации бизнес-задач к изучению факторов, обеспечивающих как эффективность самого бизнеса, так и успешность его передачи по наследству и сохранения им статуса важного актива семьи. Результаты анализа ключевых российских исследований в области семейного бизнеса представлены в табл. 1. Таким образом, можно ожидать повышения научного и практического интереса к проблеме институционализации механизмов преемственности семейного бизнеса и построения эффективной организационной культуры.

При изучении данной проблематики во всех отечественных работах применяются в основном качественные исследования, глубинные интервью с собственниками бизнеса и членами их семей. Инструменты количественного статистического анализа, используемые практически во всех зарубежных исследованиях, не применяются в связи с ограниченными размерами выборок респондентов. Сопоставляя российские и зарубежные исследования в области семейного бизнеса, следует отметить недостаточное внимание отечественных авторов к популярной на западе проблематике изучения особенностей организационной культуры и ее отличий от культуры несемейных компаний, а также жесткий фокус последних публикаций в данной области на вопросах наследования и передачи бизнеса, что, по всей видимости, обусловлено значительным пересечением исследовательских и консалтинговых интересов. Таким образом, приходится констатировать, что ряд важных исследовательских задач, решение которых является необходимым условием повышения эффективности семейного бизнеса, в настоящее время даже не сформулирован российскими исследователями, концентрирующими свое внимание на вопросах, обеспечивающих более быструю финансовую отдачу.

Таблица 1

Сравнительный анализ основных российских исследований в области семейного бизнеса

Автор	Определение семейного бизнеса	Ключевые идеи
Бархатова Н. М.	Бизнес, основанный главой семьи, в котором работают на различных должностях члены семьи	Проблемы создания и развития российского семейного бизнеса; вовлечение главой семьи родственников в свою предпринимательскую деятельность; роль семьи в бизнесе; взаимодействие между учредителем, членами семьи и другими сотрудниками при ведении семейного бизнеса; преимущества и недостатки семейного бизнеса по сравнению с несемейным
Черницкий А.	Бизнес, собственник которого считает его бизнес семейным	Определение семейного бизнеса; особенности российского семейного бизнеса; проблемы взаимодействия между учредителем, членами семьи и другими сотрудниками при ведении семейного бизнеса; преимущества и недостатки семейного бизнеса по сравнению с несемейным
Королев В. А.	Бизнес частной или партнерской компании, во владении которой участвуют члены нуклеарной или расширенной семьи	Разработка понятийного аппарата семейного бизнеса; классификация типов компаний; стратегическое управление семейным бизнесом; корпоративное управление; проблемы преемственности и наследования; стейкхолдерский подход; особенности российского семейного бизнеса
Волков Д. А.	Одна из возможных стадий развития компании, предполагающая «единоличное правление» со стороны семьи, критерием успешности которого могут являться нефинансовые показатели	Определение семейного бизнеса, выявление особенностей семейной компании по сравнению с корпорацией, анализ стадий и жизненного цикла развития семейного бизнеса

Окончание Табл. 1

Автор	Определение семейного бизнеса	Ключевые идеи
Календжян С. О., Волков Д. А.	Отсутствует	Проблемы и перспективы развития семейного предпринимательства в России; преемственность и наследование бизнеса; эмпирическое исследование специфики организации и управления семейным бизнесом в России; ценности семейного бизнеса; семейный офис
Исследование владельцев капиталов России	Бизнес, руководство и (или) управление которым осуществляются с намерением сформулировать и реализовать концепцию развития бизнеса, находящегося во владении доминирующей коалиции, управляемой членами одной семьи или небольшим количеством семей, таким образом, чтобы обеспечивать потенциальную устойчивость на протяжении нескольких поколений данной семьи или семей (<i>Chua, Chrisman and Sharma, 1999</i>).	Эмпирическое исследование владельца капитала в России; базовые ценности, семейные ценности, личные ценности, ценностный портрет владельцев капиталов, преемственность бизнеса и благосостояния, передача ценностей и мировоззрения, стратегии взаимодействия семьи и бизнеса, филантропия и социальная ответственность

Источник: составлено автором.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бархатова Н. М. (1999). Семейный бизнес и семьи в бизнесе // ЭКО, № 2. (<http://ecotrends.ru/subscribe/1841-2014-03-06-10-13-03> - Дата обращения: 25.10.2015).
- Волков Д. А. (2011). Стадии и жизненные циклы развития семейного бизнеса // *Российское предпринимательство*, Вып. 2, с. 11-16.
- Исследование владельцев капиталов России (2015). М.: Центр управления благосостоянием и филантропии. Московская школа управления Сколково.
- Календжян С. О. и Волков Д. А. (2011). Развитие семейного предпринимательства в России // *Экономическая политика*, № 5, с. 148-154.
- Королев В. А. (2007). Российский собственник на 20 летнем горизонте: структура собственности, роль семьи и корпоративное управление // *Российский журнал менеджмента*, № 5 (3), с. 145-174.
- Черницкий А. (2007). Семейный бизнес, или как работает с родственниками // *Наша власть. Дела и лица*, Вып. 6. (http://nashavlast.ru/article_description/64/223.html - Дата обращения: 25.10.2015).
- Черницкий А. (2008). Семья и бизнес: у «них» и у «нас» // *Справочник по управлению персоналом*, № 1. (http://www.pro-personal.ru/journal/268/7535/?print=Y&sphrase_id=871548 - Дата обращения: 25.10.2015).
- Anderson R. C. and Reeb D. M. (2003). Founding-family ownership and firm performance: Evidence from the S&P 500 // *Journal of Finance*, no. 58, pp. 1301-1328.
- Beehr T., Drexler J. A. and Faulkner S. (1997). Working in small family businesses: Empirical comparisons to non-family businesses // *Journal of Organizational Behavior*, no. 18(3), pp. 297-312.
- Chua J. H., Chrisman J. J. and Sharma P. (1999). Defining the family business by behavior // *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 23, no. 12, pp. 19-40.
- Daily C. M. and Dollinger M. J. (1992). An empirical examination of ownership structure in family and professionally managed firms // *Family Business Review*, no. 5(2),

pp. 117–136.

Duh M., Belak J. and Milfelner B. (2010). Core Values, Culture and Ethical Climate as Constitutional Elements of Ethical Behaviour: Exploring Differences Between Family and Non-Family Enterprises // *Journal of Business Ethics*, no. 97, pp. 473–489.

Dyer W. G. Jr. (2003). The Family: The Missing Variable in Organizational Research // *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 27(4), pp. 401–416.

Kelly L. M., Athanassiou N. and Crittenden W. F. (2000). Founder Centrality and Strategic Behavior in the Family-Owned Firm // *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 25(2), pp. 27–42.

Kets de Vries M. (1993). The Dynamics of Family Controlled Firms: The Good and the Bad News // *Organizational Dynamics*, no. 21(3), pp. 59–71.

Mandl I. (2008). Overview of Family Business Relevant Issues. Final Report, Austrian Institute for SME Research, Vienna. (http://ec.europa.eu/enterprise/entrepreneurship/craft/family_business/family_business_en.htm - Дата обращения: 25.10.2015).

Miller N., Fitzgerald M., Winter M. and Paul J. (1999). Exploring the overlap of family and business demands: Household and family business managers' adjustment strategies // *Family Business Review*, no. 12, pp. 253–268.

Tanewski G. A., Prajogo D. and Sohal A. (2003). Strategic orientation and innovation performance between family and non-family firms. Presented at the World Conference of the International Council of Small Business. Monash University.

Vallejo M. C. (2008). Is the Culture of Family Firms Really Different? A Value-Based Model for Its Survival through Generations // *Journal of Business Ethics*, no. 81(2), pp. 261–279.

Poutziouris P. Z., Smyrniotis K. X. and Klein S. B. (2006). Handbook of research on family business. Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited.

REFERENCES

Anderson R. C. and Reeb D. M. (2003). Founding-family ownership and firm performance: Evidence from the S&P 500. *Journal of Finance*, no. 58, pp. 1301–1328.

Barkhatova N. M. (1999). Family businesses and families in business. *ECO*, no. 2. (<http://ecotrends.ru/subscribe/1841-2014-03-06-10-13-03> - Access Date: 25.10.2015). (In Russian).

Beehr T., Drexler J. A. and Faulkner S. (1997). Working in small family businesses: Empirical comparisons to non-family businesses. *Journal of Organizational Behavior*, no. 18(3), pp. 297–312.

Chernitskiy A. (2007). The family business or how to work with relatives. *Our Power. Cases and People*, no. 6. (http://nashavlast.ru/article_description/64/223.html - Access Date: 25.10.2015). (In Russian).

Chernitskiy A. (2008). Family and business: "they" and "us". *Handbook of Personnel Management*, no. 1. (http://www.pro-personal.ru/journal/268/7535/?print=Y&sphrase_id=871548 - Access Date: 25.10.2015). (In Russian).

Chua J. H., Chrisman J. J. and Sharma P. (1999). Defining the family business by behavior. *Entrepreneurship Theory and Practice*, vol. 23, no. 12, pp. 19–40.

Daily C. M. and Dollinger M. J. (1992). An empirical examination of ownership structure in family and professionally managed firms. *Family Business Review*, no. 5(2), pp. 117–136.

Duh M., Belak J. and Milfelner B. (2010). Core Values, Culture and Ethical Climate as Constitutional Elements of Ethical Behaviour: Exploring Differences Between Family and Non-Family Enterprises. *Journal of Business Ethics*, no. 97, pp. 473–489.

Dyer W. G. Jr. (2003). The Family: The Missing Variable in Organizational Research. *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 27(4), pp. 401–416.

Kalengyan S. O. and Volkov D. A. (2011). Development of family business in

Russia. *Economic Policy*, no. 5, pp. 148-154. (In Russian).

Kelly L. M., Athanassiou N. and Crittenden W. F. (2000). Founder Centrality and Strategic Behavior in the Family-Owned Firm. *Entrepreneurship Theory and Practice*, no. 25(2), pp. 27-42.

Kets de Vries M. (1993). The Dynamics of Family Controlled Firms: The Good and the Bad News. *Organizational Dynamics*, no. 21(3), pp. 59-71.

Korolev V. A. (2007). The Russian owner of a 20-year horizon: the ownership structure, family role and corporate governance. *Russian Journal of Management*, no. 5 (3), pp. 145-174. (In Russian).

Mandl I. (2008). Overview of Family Business Relevant Issues. Final Report, Austrian Institute for SME Research, Vienna. (http://ec.europa.eu/enterprise/entrepreneurship/craft/family_business/family_business_en.htm - Access Date: 25.10.2015).

Miller N., Fitzgerald M., Winter M. and Paul J. (1999). Exploring the overlap of family and business demands: Household and family business managers' adjustment strategies. *Family Business Review*, no. 12, pp. 253-268.

Poutziouris P. Z., Smyrnios K. X. and Klein S. B. (2006). Handbook of research on family business. Cheltenham, Edward Elgar Publishing Limited.

Russia Wealth Possessors Study (2015). Wealth Management and Philanthropy Centre. Moscow School of Management Skolkovo. (In Russian).

Tanewski G. A., Prajogo D. and Sohal A. (2003). Strategic orientation and innovation performance between family and non-family firms. Presented at the World Conference of the International Council of Small Business. Monash University.

Vallejo M. C. (2008). Is the Culture of Family Firms Really Different? A Value-Based Model for Its Survival Through Generations. *Journal of Business Ethics*, no. 81 (2), pp. 261-279.

Volkov D. A. (2011). Stages and the life cycles of family business. *Russian Entrepreneurship*, no. 2, pp. 11-16. (In Russian).

ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

БЕЧВАЯ МАРИЯ РАДЖЕВНА,

младший научный сотрудник
Центра научных исследований
«Инструментальные, математические и
интеллектуальные средства в экономике»,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: bechvaya-mr@yandex.ru

В статье предложен инструментарий оценки результативности деятельности научно-педагогических работников на основе рейтинговой системы, позволяющий осуществлять анализ результатов работы основного персонала высшей школы по заданным критериям и определять размер стимулирующих выплат. Рейтинговая модель оплаты труда научно-педагогических работников основывается на усилении стимулирующей функции заработной платы, направленной на персонификацию результатов научно-педагогической деятельности работников, что в современных условиях является наиболее актуальным для использования. Рассмотрены функции стимулирования, такие как экономическая, нравственная и социальная. Представлен анализ методик оценки вузов в мировых и национальных рейтингах, на основе которого сформирована система показателей оценки деятельности научно-педагогических работников высшей школы. Определена необходимость разработки информационной системы, посредством которой возможно проводить разносторонний анализ, то есть отслеживать количество зарегистрированных сотрудников, определять долю показателей в суммарном рейтинге, проводить ранжирование баллов, полученных сотрудниками по отраслям наук и в разрезе структурных подразделений. Предложенная информационная система, являющаяся одним из элементов технологии оценки результативности деятельности научно-педагогических работников, разработанная для оценки эффективности их деятельности и стимулирования, позволяет осуществлять анализ по заданным критериям, на основе которого могут применяться обоснованные управленческие решения в части развития социально-трудовых отношений в высшей школе.

Ключевые слова: научно-педагогические работники; высшая школа; технология; результативность.

TECHNOLOGY PERFORMANCE EVALUATION OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL STAFF IN HIGHER EDUCATION

BECHVAYA MARIA, R.,

Junior Researcher,
Center for Scientific Research
"Tools, Mathematical and Intelligent Agents in the Economy",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: bechvaya-mr@yandex.ru

This paper proposes a performance assessment tool research and teaching staff on the basis of a rating system that allows for the analysis of the results of key personnel of the higher school for criteria and determine the size of incentive payments. The rating model wage researchers and teachers bases on strengthening the incentive function of wages, aimed at personalization of scientific and educational activities of employees, which in modern conditions is the most relevant for use. The functions of stimulation, such as economic, moral and social are considered. The analysis methodologies for assessing university in the world and national rankings on the basis of which formed a system of indicators for assessing the activities of academic staff of higher education is represented. The necessity of development of an information system through which it is possible to carry out comprehensive analysis, that is to monitor the number of registered employees, to determine the share indices in the total ranking, to conduct the ranking points received by employees by industry and science in the context of structural units. The proposed information system is one element of technology assessment of effectiveness of the academic staff designed to evaluate the effectiveness of their activities and incentives, allows the analysis of criteria, based on which can be applied informed management decisions regarding the development of social and labor relations in the highest school.

Keywords: scientific-pedagogical employees of higher school; technology; efficiency.

JEL: I23, J53.

Введение

В современных условиях высшие учебные заведения вправе формировать перечень стимулирующих выплат на свое усмотрение (самостоятельно), но на данный момент в большинстве вузов отсутствует связь между результатами, на которые ориентируется университет в своем стратегическом развитии, и критериями качества работы научно-педагогических работников, в связи с чем появляется необходимость разработки методики, включающей инструментарий оценки результативности научно-образовательной деятельности (Боровская, Шевченко и Масыч, 2013. С. 106), позволяющей проанализировать эффективность работы персонала и выделить сотрудников, результаты которых совпадают с целями университета для стимулирования.

Основным методом повышения результативности труда и его качества является стимулирование деятельности работников, которое представляет собой систему материальных и моральных стимулов воздействия на работника. Использование стимулирования деятельности работников позволяет достичь целей организации, и соответственно его использование является целесообразным в те моменты, когда необходимо добиться определенных результатов от работника за счет повышения результативности его труда (Михалкина и Скачкова, 2013. С. 48). В результате применения стимулирующих механизмов можно обеспечить мотивированное поведение работника, направленное на достижение определенных результатов. То есть стимулирование формирует у работника мотивы к труду.

Стимулирование деятельности работника выполняет сразу несколько функций, в том числе экономическую, нравственную, социальную. Выражение экономической функции стимулирования осуществляется посредством того, что стимулирование труда ведет к повышению эффективности деятельности научно-педагогических работников.

Формирование за счет стимулирования труда активной жизненной позиции проявляется в виде нравственной функции. Необходимо отметить, что система стимулов, направленная на формирование нравственности, должна быть разработана с учетом конкретных социально-культурных условий, а также исторического опыта. Обеспечение социальной функции происходит за счет формирования социальной структуры общества, посредством различного уровня доходов работников.

Стимулирующая функция направлена на достижение взаимосвязки размера оплаты труда и индивидуальной результативности научно-педагогической деятельности. В связи с декларированием в нормативно-правовых актах необходимости достижения определенных результатов вузами актуальной в настоящее время является стимулирующая функция заработной платы (Боровская и др., 2013. С. 48).

Результативность деятельности научно-педагогических работников

Перед высшими учебными заведениями стоят глобальные задачи, которые представлены в Указах Президента РФ от 07.05.2012 № 597 и от 7 мая 2012 г. N 599, направленные на повышение средней заработной платы врачей, преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников, на разработку плана мероприятий по развитию ведущих университетов, предусматривающих повышение их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров и т.д. (Вольчик и др., 2015. С. 114).

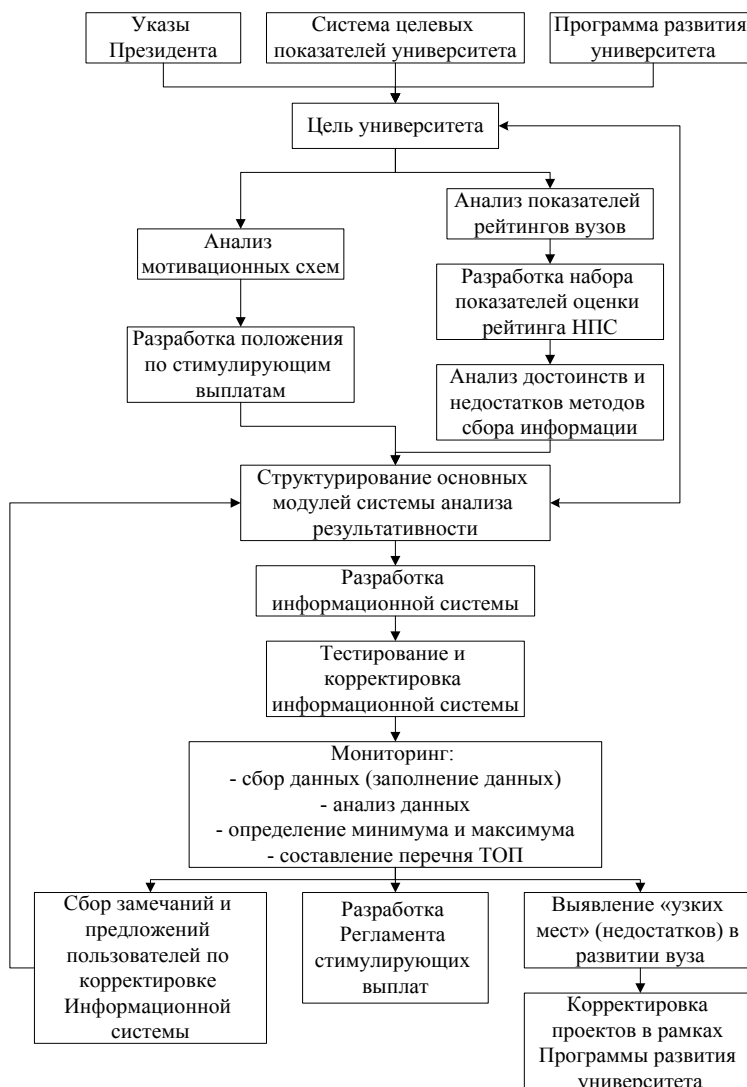

Рис. 1. Технология оценки результативности научно-образовательной деятельности научно-педагогических работников

Источник: составлено автором.

В связи с чем появляется необходимость разработки новой или корректировки существующей цели университета, которая должна основываться на государственной политике, системе целевых показателей университета и программе развития высшего учебного заведения. Учитывая вышеприведенные факторы, на первом этапе необходимо выявить основные показатели оценки результативности научно-образовательной деятельности научно-педагогических кадров и совершенствовать систему стимулирования, которая позволит учитывать эти показатели (см. рис. 1).

Для выделения основных показателей, которые позволяют провести оценку результативности научно-образовательной деятельности научно-педагогических работников, необходимо провести анализ показателей, по которым производится расчет мировых и национальных рейтингов вузов. Исследователи используют множество методов, позволяющих собирать и анализировать подобную информацию, таких как: Кейс-стади; Анкетный опрос, структурированное интервью, статистическое наблюдение; Свободное, полуструктурированное интервью, нарративное интервью; Фокус-группа; Экспертный опрос (метод экспертных оценок); Включенное наблюдение; Дискурс-анализ документов; Традиционный (классический) анализ документов (*Бахматова, 2010. С. 28*). В нашем случае видится возможным использовать традиционный (классический) метод анализа документов, который строится на исследовании вторичных данных и контексте создания документа, позволяющего учитывать достоверную информацию в полном объеме.

Посредством анализа документов, представляющих собой методики оценки вузов в мировых и национальных рейтингах, таких как Academic Ranking of World Universities, Times Higher Education World University Rankings, QS World University Rankings и Минобрнауки, были выделены три укрупненных группы показателей, которые в большей степени влияют на позиции вузов в ТОП. Первая укрупненная группа показателей оценивается по научным результатам и составляет в среднем около 42% от всех показателей, в которую входят такие показатели, как количество статей, опубликованных в журналах, размещенных в международных базах данных, индекс цитирования; объем финансирования научно-исследовательских работ и т.д. Ко второй укрупненной группе, которая представляет собой результаты образовательной деятельности, относятся такие показатели, как отношение защищенных диссертаций (Ph.D) к численности преподавательского состава; количество иностранных магистрантов, аспирантов, докторантов и т.д. И к третьей группе относится укрупненная группа показателей, оценивающая академическую репутацию высшего учебного заведения.

Для выработки набора показателей оценки научно-образовательной деятельности научно-педагогических работников для конкретного вуза необходимо путем применения метода экспертных оценок выделить показатели, совпадающие со стратегической целью университета, и скорректировать показатели, посредством которых на данный момент оценивается результативность деятельности сотрудников. После разработки набора показателей оценки результативности деятельности сотрудников вузов, который позволит выстроить рейтинг наиболее эффективных работников, необходимо определить метод сбора информации с научно-педагогических работников для построения всего набора показателей рейтинговых систем.

В практике наиболее эффективным методом для сбора информации считается метод анкетирования, используемый для составления статистических (однократное анкетирование) или динамических (при многократном анкетировании) представлений о состоянии объекта. В настоящее время многие вузы применяют данный метод, но технологии при этом используются разные. Так, например, это может быть распечатанная анкета, которую заполняют научно-педагогические работники. По нашему мнению, у этой технологии есть недостатки, к которым относятся недостоверность информации в анкетах, а также длительность

обработки полученных данных, утеря данных (анкет). Анализируя опыт крупных университетов, можно сделать вывод о том, что наиболее эффективным для сбора, анализа и обработки данных является сбор материалов посредством информационной системы, позволяющей выявить наиболее активных работников, деятельность которых совпадает со стратегией университета, посредством которой строится рейтинг преподавателей и на основе балльно-факторного метода формируются поощрительные выплаты каждому сотруднику, прошедшему минимальный порог.

На этом же этапе для разработки новой или корректировки существующей мотивационной схемы необходимо провести анализ существующих и выбрать наиболее подходящую для поощрения научно-педагогических работников, прошедших минимальный порог в рейтинговой системе (*Боровская, Масыч и Бечвая, 2012. С. 80*). В современных университетах, по нашему мнению, не должна быть выбрана только одна модель, необходимо устанавливать как стимулирующие выплаты за результаты работы научно-педагогических кадров, так и разовые выплаты в случае тяжелого материального положения, болезни и т.д., а также надбавки за отдельные функции.

Следующим этапом технологии оценки деятельности является структурирование основных модулей системы анализа результативности научно-педагогических работников, на котором необходимо свести информацию, полученную на предыдущих этапах в виде методики расчета индивидуального рейтинга научно-педагогических работников. На данном этапе посредством применения метода экспертных оценок необходимо определить значимость каждого показателя в уже принятом наборе показателей оценки результативности путем присвоения каждому коэффициентов сложности, а также путем присвоения для них баллов, которые впоследствии будут переведены в денежный эквивалент для расчета стимулирующих выплат научно-педагогических работников.

После структурирования основных модулей системы анализа результативности научно-педагогических работников в виде разработанной и утвержденной руководством университета методики расчета индивидуального рейтинга научно-педагогических работников необходимо переходить к этапу разработки информационной системы. В разработанной методике информационная система будет представлять собой систему учета и анализа рейтинговых показателей на основе порталных технологий, для которого потребуется разработка универсального программного инструментария, обладающего возможностями оперативного учета результатов научно-исследовательской деятельности сотрудников и структурных подразделений высшего учебного заведения.

Для создания системы учета и анализа рейтинговых показателей научно-педагогических работников необходимо определение требований к предоставляемой информации и её видам; создание структуры базы данных; разработка базового слоя бизнес логики (framework); разработка страниц опросника, форм, элементов форм; дизайн форм и элементов форм; разработка системы пополняемых справочников; разработка системы аутентификации; разработка системы автозаполнения структур данных, согласно вводимых пользователем данных; создание системы рейтингов на основе настраиваемых алгоритмов.

После этапа разработки информационной системы требуется ее тестирование, которое проходит путем регистрации некоторых сотрудников на портале, т.е. заполнение первоочередной информации, позволяющей их идентифицировать в структуре высшего учебного заведения.

Протестированная и скорректированная система позволит перейти к следующему этапу мониторинга системы учета и анализа рейтинговых показателей научно-педагогических работников, который включает в себя заполнение данных для регистрации и анкетных показателей всеми научно-педагогическими работниками высшего учебного заведения. Полученные данные будут подвергнуты проверке руководителями структурных подразделений и экспертами, после чего

потребуется их анализ.

Благодаря многофункциональности информационной системы анализ может быть проведен разносторонний. Система учета и анализа рейтинговых показателей научно-педагогических работников позволяет отслеживать количество зарегистрированных сотрудников, анализировать структуру работников по возрастному составу и их вклад в рейтинг университета. Также информационная система позволяет проводить ранжирование баллов, полученных сотрудниками, после заполнения по отраслям наук и определять долю того или иного показателя в суммарном рейтинге. На основе полученных данных может быть как проведен анализ деятельности высшего учебного заведения в целом, так и выделено любое структурное подразделение и оценен индивидуальный вклад научно-педагогического работника в общий рейтинг.

На основании проверки анализа полученных данных выстраивается рейтинг всех зарегистрированных в системе учета и анализа рейтинговых показателей сотрудников, который позволяет руководящему составу высшего учебного заведения определить минимальный порог отсека баллов для получения стимулирующих выплат. А также на основе полученного рейтинга может быть выделен ТОП научно-педагогических работников, научно-педагогическая деятельность которых максимально совпадает с трендами развития высшего учебного заведения.

Следующим этапом является разработка регламента стимулирующих выплат, для которого необходимо утвердить в первую очередь научно-педагогических работников, которые прошли утвержденный минимальный порог, и достоверность заполненной ими информации не подвергается сомнениям. После чего необходимо определить стоимость одного балла путем деления общей суммы, направляемой на выплату стимулирующих выплат, на общее число баллов, набранное научно-педагогическими работниками, прошедшими порог минимально допустимого количества баллов. Размер стимулирующей выплаты каждого сотрудника определяется путем умножения стоимости одного балла на количество полученных им баллов. Индивидуальные стимулирующие выплаты устанавливаются приказом руководителя высшего учебного заведения на основании поданных руководителями структурных подразделений заверенных списков научно-педагогических работников.

Посредством мониторинга, который в себя включает сбор данных (заполнение данных), анализ данных, определение минимума и максимума, а также составление перечня ТОП, руководство высшего учебного заведения может выделить ряд показателей с низкими значениями, которые являются важными для достижения задач, поставленных перед вузом, что позволит разработать проекты и мероприятия, направленные на решение данной проблемы.

После этапа мониторинга методики оценки результативности научно-образовательной деятельности необходимо собрать замечания и предложения пользователей, в данном случае научно-педагогических работников, по корректировке информационной системы учета и анализа рейтинговых показателей сотрудников, так как при внедрении такой системы впервые в высшем учебном заведении могут быть те или иные недостатки по ее функционированию и техническим возможностям, которые в дальнейшем могут быть приняты и устранены на этапе структурирования основных модулей системы анализа результативности.

Выводы

Для оценки результативности деятельности научно-педагогических работников в сфере высшего образования необходима разработка соответствующего инструментария, в связи с чем в исследовании была разработана система учета и анализа рейтинговых показателей на основе порталных технологий. Данная система позволяет выявить наиболее активных работников, деятельность которых имеет общие тренды развития со стратегией университета, посредством которой

также строится рейтинг преподавателей, а на основе балльно-факторного метода формируются стимулирующие выплаты каждому сотруднику, прошедшему минимальный порог. В связи с тем, что процесс сбора и анализа данных является достаточно трудоемким и невозможен без соответствующей информационной системы, в работе была разработана информационная система. Основными преимуществами данной системы является наличие возможности определения индивидуального вклада работника в рейтинги университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абакумова Н. Н. (2011). Влияние новой системы оплаты труда на результативность труда научно-педагогических работников // *Управленец*, № 1-2, с. 52-60.

Альхименко О. Н. (2013). Оплата труда научно-педагогических работников учреждений высшего профессионального образования // *Экономика образования*, № 5(78), с. 60-71.

Анненкова И. П. (2015). Компетентностный и квалиметрический подходы к разработке инструментария мониторинга качества профессиональной деятельности научно-педагогических работников вуза // *Наука и Мир*, Т. 2, № 8(24), с. 32-36.

Асканова О. В. и Севастьянова С. К. (2014). О показателях оценки видов деятельности научно-педагогических работников вуза // *Ползуновский вестник*, Т. 2, № 4, с. 272-280.

Бахматова Т. Г. (2010). Потенциал количественного и качественного подходов в исследовании социальных проблем // *Социология и социальная работа*, № 5, с. 28-35.

Боровская М. А., Богомолова И. С., Масыч М. А., Кулешова К. Г. и Бечвая М. Р. (2013). Закономерности и тренды развития социально-трудовых отношений в высшей школе / под общ. ред. С. В. Куприенко; SWorld. Одесса: Куприенко С. В., с. 48-71.

Боровская М. А., Масыч М. А. и Бечвая М. Р. (2012). Сравнительный анализ систем стимулирования персонала высших учебных заведений / Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании'2012», Вып. 4, Т. 29. Одесса: КУПРИЕНКО, с. 80-87.

Боровская М. А., Шевченко И. К. и Масыч М. А. (2013). Инструментарные средства квалиметрирования результативности деятельности научно-педагогических сотрудников в системе управления вузом // *Бизнес информ*, № 5, с. 106-112.

Вольчик В. В., Зотова Т. А., Филоненко Ю. В., Фурса Е. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Идентификация направлений институциональных изменений в сфере российского высшего образования // *Вопросы регулирования экономики*, Т. 6, № 2, с. 114-131.

Вольчик В. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Исследование институциональной структуры сферы образования: основные концепты и теоретические рамки // *Terra Econotomicus*, Т. 13, № 2, с. 131-142.

Лагерева Р. Ю. и Зедгенизов А. В. (2013). Особенности оценки образовательного рейтинга российских государственных вузов // *Современные технологии управления*, № 8(32), с. 27-37.

Латюшин В. В., Шульгина Т. А. и Белоусова Н. А. (2010). Использование рейтинговой системы оценки качества научно-исследовательской и научно-методической работы профессорско-преподавательского состава педагогического вуза при организации конкурсного отбора на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава // *Научно-теоретический журнал «Ученые записки»*, № 11(69).

Михалкина Е. В. и Алешин В. А. (2013). Эффективный контракт как институт социально-трудовых отношений в сфере высшего образования // *Terra*

Economicus, Т. 11. № 3. С. 89-100.

Михалкина Е. В. и Скачкова Л. С. (2013). Концепция новой модели оплаты труда на основе внедрения ключевых показателей эффективности в учреждения высшего профессионального образования // *Мотивация и оплата труда*, № 1, с. 48-60.

Рейтинг лучших университетов мира по версии Academic Ranking – информация об исследовании. (<http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> - Дата обращения: 01.09.2015).

Рейтинг лучших университетов мира по версии QS – информация об исследовании. (<http://gtmarket.ru/ratings/qs-world-university-rankings/info> - Дата обращения: 01.09.2015).

Рейтинг лучших университетов мира по версии Times Higher Education – информация об исследовании. (<http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> - Дата обращения: 01.09.2015).

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 599 "О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки". (<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610850> - Дата обращения: 20.09.2015).

Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». (<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610840> - Дата обращения: 20.09.2015).

Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «О информации, информационных технологиях и о защите информации».

Шумилова О. Н. (2014). Рейтинг преподавателей как фактор повышения качества образования: теория и практический опыт // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*, № 2, с. 228-230.

REFERENCES

Abakumova N. N. (2011). The impact of the new pay system on the effectiveness of labor researchers and teachers. *Manager*, no. 1-2, pp. 52-60. (In Russian).

Alhimenko O. N. (2013). Payment of academic staff of higher education institutions. *Economics of Education*, no. 5(78), pp. 60-71. (In Russian).

Annenkova I. P. (2015). Competence and qualimetric approaches to the development of tools for monitoring the quality of professional work of academic staff of the university. *Science and World*, vol. 2, no. 8(24), pp. 32-36. (In Russian).

Askanova O. V. and Sevastyanova S. K. (2014). About indicators for assessing the activities of scientific and pedagogical staff of the university. *Polzunovsky Vestnik*, vol. 2, no. 4, pp. 272-280. (In Russian).

Bakhmatova T. G. (2010). The potential quantitative and qualitative approaches in the study of social problems. *Sociology and Social Work*, no. 5, pp. 28-35. (In Russian).

Borovskaya M. A., Bogomolova I. S., Masych M. A., Kuleshova K. G. and Bechvaya M. R. (2013). Patterns and trends in the development of social and labor relations in higher education / Ed. by S. V. Kuprienko; SWorld. Odessa, Kuprienko Publ., pp. 48-71. (In Russian).

Borovskaya M. A., Masych M. A. and Bechvaya M. R. (2012). Comparative analysis of the incentive schemes for the staff of higher education institutions / Collection of scientific works SWorld. Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "Modern Problems and Solutions in Science, Transport, Manufacturing and Education 2012", issue 4, vol. 29. Odessa, Kuprienko Publ., pp. 80-87. (In Russian).

Borovskaya M. A., Shevchenko I. K. and Masych M. A. (2013). Instrumental Means of Quality Control of Efficiency of Activity of Scientists and Pedagogues in the System of Higher Educational Establishment Administration. *Business Inform*, no. 5, pp. 106-112. (In Russian).

Federal Law of 27 July 2006 N 149-FZ "On Information, Information

Technologies and Information Protection". (In Russian).

Lagerev R. Y. and Zedgenizov A. V. (2013). Features educational assessment rating of Russian state universities. *Modern Technologies of Management*, no. 8 (32), pp. 27-37. (In Russian).

Latyushin V. V., Shulgina T. A. and Belousova N. A. (2010). Using the rating system of assessing the quality of research and scientific-methodical work of the faculty of pedagogical high school in the organization of the competitive selection for vacant positions faculty. *Scientific Theory Journal «Scientific Notes»*, no. 11(69). (In Russian).

Mikhalkina E. V. and Aleshin V. A. (2013). Effective contract as institute of social and labor relations in the field of higher education. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 3, pp. 89-100. (In Russian).

Mikhalkina E. V. and Skachkova L. S. (2013). The concept of a new model of remuneration based on the introduction of key performance indicators in the institutions of higher education. *Motivation and Remuneration*, no. 1, pp. 48-60. (In Russian).

Presidential Decree of May 7, 2012 N 599 "On Measures to Implement the State Policy in the Field of Education and Science". (<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610850> - Access Date: 20.09.2015). (In Russian).

Presidential Decree of 07.05.2012 № 597 "On Measures for Realization of the State Social Policy". (<http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1610840> - Access Date: 20.09.2015). (In Russian).

Rating of the Best Universities in the World According to the Academic Ranking - Information about the Study. (<http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> - Access Date: 01.09.2015). (In Russian).

Rating of the Best Universities in the World According to the QS - Information about the Study. (<http://gtmarket.ru/ratings/qs-world-university-rankings/info> - Access Date: 01.09.2015). (In Russian).

Rating of the Best Universities in the World by Times Higher Education - Information about the Study. (<http://gtmarket.ru/ratings/the-world-university-rankings/info> - Access Date: 01.09.2015). (In Russian).

Shumilova O. N. (2014). Rating teachers as a factor in improving the quality of education theory and practical experience of science. *Vector Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology*, no. 2, pp. 228-230. (In Russian).

Volchik V. V. and Krivosheeva-Medyantseva D. D. (2015). The study of institutional structure of education: basic concepts and theoretical framework. *Terra Economicus*, vol. 13, no. 2, pp. 131-142. (In Russian).

Volchik V. V., Zotova T. A., Filonenko Yu. V., Fursa E. V., Krivosheeva-Medyantseva D. D. (2015). Identifying a framework of institutional change in the field of higher education in Russia. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 2, pp. 114-131. (In Russian).

СТРАТЕГИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВОЗРОЖДЕНИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ЖУКОВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА,

кандидат экономических наук, доцент,
ИСОиП ДГТУ, г. Шахты,
e-mail: izhukova@bk.ru

ЛОБУНЕЦ ВЕРОНИКА СЕРГЕЕВНА,

аспирант,
ИСОиП ДГТУ, г. Шахты,
e-mail: lobunetsveronik@mail.ru

В сложной внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации государству необходимо не только сохранить социально-экономическую стабильность, но и стимулировать рост российской экономики и её регионов. Существует потребность в мобилизации экономической политики, направленной на консолидацию всех имеющихся экономических ресурсов в наиболее значимые для экономического роста региональные проекты и программы, а также на всестороннюю поддержку вложений частных капиталов в инновации. В статье рассмотрены предпосылки создания программы импортозамещения в угледобывающей отрасли Ростовской области, направленной на освоение региональным производителем продукции и технологий, позволяющих вывести рынок на более высокий уровень оснащенности с целью поддержания стабильности в условиях ограниченных поставок комплектующих и материалов из-за рубежа.

Ключевые слова: импортозамещение; угольная промышленность; проблемы развития; направления развития угледобывающей отрасли; привлечение инвестиций.

IMPORT SUBSTITUTION STRATEGY AS ONE OF THE PRIORITY DIRECTIONS OF REVIVAL OF THE COAL INDUSTRY IN THE ROSTOV REGION

ZHUKOVA IRINA, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
The Institute of Service Sphere and Entrepreneurship (branch)
of Don State Technical University, Shakhty,
e-mail: izhukova@bk.ru

LOBUNETS VERONICA, S.,

Post-Graduate Student,
The Institute of Service Sphere and Entrepreneurship (branch)
of Don State Technical University, Shakhty,
e-mail: lobunetsveronik@mail.ru

In the conditions of an economic crisis, threat of world recession and external economic pressure upon the forefront there are two priority economic tasks: maintaining economic and social stability and promote economic growth of the Russian economy and its regions. In a difficult foreign policy and external economic situation the Russian regions need the mobilization economic policy directed on full support of investors, enterprise initiatives and innovations, and also consolidation of all available economic resources in the most significant for economic growth regional projects and programs. The paper describes the prerequisites for the establishment of the program of import substitution in the coal mining industry of the Rostov region, aimed at the development of a regional manufacturer of products and technologies that can bring the market to a higher level of equipment for the maintenance of stability in the conditions of limited supply of components and materials from abroad.

Keywords: import substitution; coal industry; development problems; prospects; investments.

JEL: P28. P42.

Потенциал импортозамещения

Современные международные связи формируются в условиях жестких внешнеполитических отношений. Текущая обстановка является дестабилизатором социально-экономической обстановки в мире, с использованием рядом стран различного рода неэкономических и экономических санкций, приводящим к разрушению связей между странами, массовым банкротствам, в том числе отраслей и регионов с богатыми природными и трудовыми ресурсами.

В данных условиях, когда мировая экономика используется в политических целях, более остро воспринимается потребность в финансово-экономической стабильности макроэкономики, международной кредитно-денежной системы, устойчивости политических и договорных отношений. В настоящее время экономика России характеризуется весомой долей импорта в ВВП, а значит, может иметь значимый потенциал импортозамещения, который заключается в возможности оптимизации создания дополнительных производств и отраслей, способных заменять импорт и тем самым защитить экономику от внешнеэкономических и внешнеполитических рисков (Чекина и Трунина, 2011).

Импортозамещение и поддержка отечественных производителей всегда являлись одним из приоритетов промышленной политики в России, но антироссийские санкции сделали эти вопросы ещё более актуальными. В сложившейся геополитической ситуации, на фоне введенных санкций вопросы импортозамещения становятся наиболее актуальными, поскольку российская экономика сильно зависит от поставок импортного оборудования и продукции. В стратегически важных отраслях промышленности доля потребления импорта оценивается на уровне более 80% и допускает вероятность угрозы, как для национальной безопасности, так и для конкурентоспособности экономики страны в целом. Однако сложившаяся ситуация может быть использована в реализации стратегии ускоренного подъёма отечественного промышленного производства, в том числе и угольной промышленности.

В конце 2014 года по поручению Президента РФ Министерство промышленности и торговли РФ провело анализ отраслей с целью определения конкурентоспособности в условиях импортозамещения. В рамках данного анализа были определены приоритетные направления сокращения импортной зависимости, а также необходимые инструменты господдержки импортозамещения. В 2015 году Правительством РФ было принято решение выделить средства на предоставление субсидий предприятиям промышленности, реализующим проекты импортозамещения, на частичную уплату процентов по привлеченным кредитам в размере 20 млрд. рублей¹. В табл. 1 представлены наиболее перспективные отрасли

¹ См.: Официальный сайт Минэнерго РФ. (<http://www.minenergo.gov.ru/>).

с точки зрения импортозамещения.

Таблица 1

Наиболее перспективные отрасли с точки зрения импортозамещения

Наименование	Доля импорта в потреблении (в масштабах страны), %
Станкостроение	90
Тяжёлое машиностроение	60-80
Радиоэлектронная промышленность	80-90
Машиностроение для пищевой промышленности	60-80
Фармацевтическая и медицинская промышленность	70-80

Источник: ОАО «ФСК ЕЭС». Программа импортозамещения оборудования, технологий, материалов и систем. (http://www.fsk-ees.ru/about/import_substitution/ - Дата обращения: 11.09.2015).

Сложная ситуация в угледобывающем секторе

К данному перечню считаем целесообразным добавить угольную отрасль - доля импортной продукции в угледобывающем секторе экономики около 95%. Причем возможность создания стратегии импортозамещения должна быть направлена не только на добычу полезных ископаемых для замещения объемов импорта, но и на развитие сопутствующих процессов, таких как производство и обслуживание угледобывающей техники. Основное горно-шахтное оборудование очистных и подготовительных забоев, очистные комбайны и комплексы, проходческое и конвейерное оборудование, оборудование для доставки материалов, систем АГК и связи являются продукцией европейского и американского производства; ленточные конвейеры, считаются российскими, но собраны из комплектующих производства различных стран: Германии, Швеции, Китая, Великобритании и многих других. Все шахтные дизелевозы – импортного производства – в основном Чехии и Германии, электровозы и подъемные установки – Украины.

Подобная ситуация для экономики России в концепции мировой глобализации была экономически целесообразна и выгодна, поскольку отсутствовала необходимость концентрации технико-оснащающих предприятий вблизи потребителей (Жукова и Лобунец, 2015. С. 46-47). И как следствие, инвестирование в развитие машиностроительных технологий отсутствовало². Внешнеполитическая ситуация текущего момента выявила минусы реализации данной концепции: полностью либо частично разрушенное машиностроительное производство может привести к остановке угледобывающего процесса из-за отсутствия запасных частей и комплектующих. Новые технологии производства горнодобывающего оборудования не разрабатывались и не покупались на протяжении десятилетий (Тяглов, 2014. С. 178-182).

Для устранения сложившейся ситуации преобладания импортных технологий и оборудования в угольной отрасли Ростовской области необходимо выполнить ряд мероприятий³:

1. Проанализировать производственно-технический и научно-технологический потенциал региона для исследования возможностей использования этих ресурсов в программе стратегии импортозамещения. Для этого необходимо выполнить ревизию машиностроительных мощностей с целью определения уровня технологической оснастки с учетом станочного парка и периодичности его обновления предприятиями региона.

² См.: ОАО «ФСК ЕЭС». Программа импортозамещения оборудования, технологий, материалов и систем. (http://www.fsk-ees.ru/about/import_substitution/ - Дата обращения: 11.09.2015).

³ См.: Постановление ПРО от 05.07.2012 № 599 «Об утверждении Концепции развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 г.».

2. Сформировать сеть научно-производственных кластеров по требуемым направлениям, способствующим разработке и освоению серийных производств продукции. Кроме того, Ростовская область обладает перспективами расширения использования угля в цементной и стекольной промышленности.

3. Посредством публичного обсуждения с потребителями продукции разработать технические задания на разработку и производство оборудования, подлежащего импортозамещению.

Предпосылки создания программы импортозамещения в угледобывающей отрасли

К настоящему времени в Ростовской области сформировались предпосылки для создания программы импортозамещения в угледобывающей отрасли, направленной на освоение региональным производителем продукции и технологий, способных вывести рынок на более высокий уровень оснащенности для поддержания стабильности в условиях ограниченных поставок комплектующих и материалов из-за рубежа.

Спрос на угольную продукцию российских производителей в 2012-2013 годах сократился, снизилась её цена, причиной стала очередная волна мирового экономического кризиса и поставка на европейский рынок 75 млн. тонн угля из США. Таким образом, цены на угольную продукцию в целом по стране снизились на 10-15%, в Ростовской области – на 25-30%.

Причиной падения цен в Ростовской области послужило увеличение поставок угля из Украины. С июня 2012 г. по сентябрь 2014 г., в область ввезено более 1,4 млн. тонн товарного угля, в том числе более 1 млн. тонн на Новочеркасскую ГРЭС⁴. В мае 2014 г. доля поставляемого из Украины угля на электростанцию достигла 47%, при этом ОАО «ОГК-2» было введено ограничение поставок топлива угольных компаний Ростовской области. Структура поставок угля на Новочеркасскую ГРЭС приведена в табл. 2.

Таблица 2

Структура поставок угля на Новочеркасскую ГРЭС в 2014 году

Месяц	Всего поставлено (тыс. тонн)	Поставлено компаниями Ростовской области (тыс. тонн)	Импорт из Украины (тыс. тонн)	Удельный вес импорта угля, %
январь	282,9	264,7	18,2	6,4
февраль	311,3	213,7	97,6	31,4
март	370,7	249,0	121,7	32,8
апрель	301,5	219,8	81,7	27,1
май	342,3	166,1	161,7	47,2
июнь	324,9	196,2	115,1	35,4
июль	329,4	176,3	119,4	36,2
август	265,2	193,8	0,0	0,0
сентябрь	283,4	250,7	0,0	0,0
октябрь	311,2	247,3	0,0	0,0
ноябрь	310,3	288,6	0,0	0,0
декабрь	312,4	290,6	0,0	0,0

Источник: Официальный сайт Правительства Ростовской области.
(<http://www.donland.ru/>).

Цена угля украинских компаний была ниже себестоимости топлива, добываемого угольными компаниями Ростовской области, поскольку угольная

⁴ См.: Официальный сайт Южного таможенного управления. (<http://yutu.customs.ru/index.php>).

промышленность Украины дотировалась государством. Поэтому компании Восточного Донбасса не могли конкурировать с компаниями, поддерживаемыми государством. В результате, практически все угледобывающие предприятия Ростовской области по итогам 2013 года являлись убыточными.

По состоянию на 1 января 2014 г. на складах угольных компаний Ростовской области сконцентрировалось более 400 тыс. тонн нереализованной продукции, что вывело из оборота около 3 млрд. рублей. Критическая ситуация вынудила угольные компании области планировать снижение объемов производства, замораживать инвестиционные программы, и как следствие уменьшились налоговые поступления в бюджеты всех уровней.

Но уже в августе 2014 г. ситуация на рынке угля изменилась:

- вместе с покупательской активностью отечественных потребителей увеличилась цена на угольную продукцию на 10-15%;
- импорт угля в Ростовскую область практически прекратился: в августе 2014 г. из Украины ввезено всего 69 тонн сортового и энергетического угля, при этом поставки на Новочеркасскую ГРЭС прекратились, а темп роста к аналогичному периоду прошлого года составил 1,38%. Это свидетельствует о том, что добыча донского угля с августа 2014 г. была направлена на импортозамещение.

Донским угледобывающим компаниям рекомендовано уделить внимание повышению качества поставляемого угля и завершить работы по вводу новых очистных забоев согласно заявленным срокам. Кроме этого необходимо было предоставить свои предложения по формированию условий заключения долгосрочных (до 10 лет) контрактов на поставку топлива Новочеркасской ГРЭС.

В конце 2015 г. Новочеркасская ГРЭС планирует завершить реализацию инвестиционного проекта «Строительство энергоблока №9 установленной мощностью 330 МВт с использованием технологии ЦКС». Запуск на полную мощность запланирован на 2016 год, что позволит увеличить потребление угля электростанцией дополнительно на 600-900 тыс. тонн в год. Плановая потребность Новочеркасской ГРЭС в угле с 2015 года составляет около 3,6 млн. тонн и будет постепенно увеличиваться. К 2020 г. объем добываемого угля возможно увеличить до 12,7 млн т, а к 2030 г. – до 23 млн т. Увеличение объемов производства способствует возобновлению инвестиционных программ, а их успешная реализация способствует созданию новых рабочих мест и увеличению налоговых поступлений в бюджеты всех уровней.

Таблица 3

Перспективы развития Новочеркасской ГРЭС

Показатели	2015 год	2020 год	2025 год	2030 год
Выработка электроэнергии (млн. кВтч)	11000	11368,035	11368,035	11368,035
Ожидаемое потребление угля (тыс.	3600,615	3705,064	3705,064	3705,064
Калорийность угля (ккал/кг)	5280	5280	5280	5280

Источник: Официальный сайт Правительства Ростовской области.
(<http://www.donland.ru/>).

Другим фактором, указывающим на необходимость предоставления Восточному Донбассу государственной поддержки, позволяющей создавать основу для формирования устойчивой импортозамещающей экономики, является потребность снижения доли дорогостоящего природного газа в топливном балансе Новочеркасской ГРЭС путем перехода на использование угля сорта АШ с калорийностью не менее 5800 ккал/кг, который угольными компаниями Ростовской области производится в недостаточном количестве.

При этом потребность в топливе составляет не менее 200-250 тыс. тонн ежемесячно. Следовательно, для покрытия спроса, с учётом потребностей Новочеркасской ГРЭС, угледобывающим компаниям Ростовской области необходимо не только вывести добычу угля на уровень не ниже 6,5-7,0 млн. тонн в год, но и нарастить объёмы для покрытия спроса внутри- и внешне- областного рынков угольной продукции.

Таким образом, к настоящему времени сформировались предпосылки для создания концепции и программы стратегии импортозамещения в угледобывающей отрасли экономики, особенно в сфере наукоемких технологий. Недопустимым является монополизация рынка наукоемких производств Ростовской области зарубежными технологиями. В связи с этим предлагается создать региональную программу стратегии импортозамещения для поддержки отечественных производителей и замещения иностранных товаров, разработок и производств региональными аналогами.

Основной задачей программы импортозамещения является создание в регионе независимой и безопасной базы продукции и разработок, свободной от импорта. Региональная промышленность не должна нуждаться в поставках из-за рубежа в связи с обострением внешнеполитической ситуации и вводом новых санкций со стороны США и ЕС. Независимость от импорта обеспечит максимальную социально-экономическую безопасность Восточного Донбасса.

Реализация четко сформулированной и проработанной программы стратегии импортозамещения угледобывающей отрасли позволит обеспечить независимость от импортных производителей. Технологическая база промышленности Восточного Донбасса может стать со временем независимой от технологий Запада и будет способна заменить любые необходимые технологии и продукты заимствования из списка импортозамещающих производителей.

Запасы Восточного Донбасса обладают потенциалом, позволяющим вернуть региону представление угольной промышленности как традиционной отрасли, формирующей бюджет, включающей целый комплекс горных производств, образующих ее инфраструктуру: шахты, разрезы, обогатительные фабрики, транспортные, наладочные и прочие предприятия и организации.

Из мировой практики известно, что при реализации угледобывающих проектов до 65% общего объема работ приходится на сервисные, крупные металлообрабатывающие, строительные, транспортные и другие компании, поставляющие оборудование и материалы, продукты питания, спецодежду и прочее. Кроме того, разработка крупных угольных месторождений требует значительного количества научно-исследовательских работ.

Угольная промышленность обеспечивает загрузку сотен предприятий смежных отраслей и имеет не только экономическое, но и социальное значение, обеспечивая привлечение высококвалифицированных специалистов с созданием новых рабочих мест, обеспечивает рост налогооблагаемой региональной базы; способствует укреплению межрегиональных отношений.

При освоении угольных месторождений угледобывающего региона Восточного Донбасса общим подходом промышленной политики должна стать максимальная загрузка мощностей и увеличение объемов производства, которая способствует восстановлению экономической ситуации на предприятиях: позволит рассчитаться с кредиторами и нарастить инвестиционные возможности для модернизации основных фондов.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что важнейшими стратегическими целями правительства и региональных властей применительно к регулированию недропользования в постреструктуризационной угольной промышленности является обеспечение стабильного и сбалансированного развития региона Восточного Донбасса и государства в целом. В сложившейся экономической ситуации наиболее перспективным направлением для угольной промышленности

Ростовской области остается строительство новых высокорентабельных шахт современного технического уровня с достижением производительности труда не ниже среднего российского уровня. А чтобы отечественные заводы по производству горно-шахтного оборудования начали выпускать конкурентную продукцию, необходимы инвестиции бизнеса и законодательная поддержка государства. Достижение названных целей возможно с помощью использования системы методов и инструментов государственного регулирования экономики, в том числе посредством создания стратегии импортозамещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жукова И. А. (2013). Моделирование снижения накопленного экологического ущерба угледобывающих территорий за счет формирования системы обращения материалов шахтных отвалов // *Terra Economicus*, Т. 11, № 4-3, с. 108-112.

Жукова И. А. и Лобунец В. С. (2015). Перспективы развития угольной промышленности Ростовской области, учитывающие политическую и экономическую ситуацию сопредельной Украины // *Международный научно-исследовательский журнал*, № 2-3 (33), с. 46-47.

Межотраслевая экспертная сессия (2012). // Эффективность программ импортозамещения в отраслях топливно-энергетического комплекса России.

Министерство экономического развития Российской Федерации. «Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2014 году».

Минэнерго России реализует диверсифицированную политику импортозамещения в энергетике // *Новости Минэнерго России*. (http://minenergo.gov.ru/press/min_news/11070.html - Дата обращения: 30.08.2015).

Миронова Д. Д. и Микитенко Е. Г. (2014). Отличительные особенности российской модели социально ответственного бизнеса // *Современные проблемы науки и образования*, № 5.

ОАО «ФСК ЕЭС». Программа импортозамещения оборудования, технологий, материалов и систем. (http://www.fsk-ees.ru/about/import_substitution/ - Дата обращения: 11.09.2015).

Официальный сайт Министерства промышленности и энергетики РО. (<http://www.minprom.donland.ru/>).

Официальный сайт Минэнерго РФ. (<http://www.minenergo.gov.ru/>).

Официальный сайт Правительства Ростовской области. (<http://www.donland.ru/>).

Официальный сайт Южного таможенного управления. (<http://yutu.customs.ru/index.php/>).

Постановление ПРО от 05.07.2012 № 599 «Об утверждении Концепции развития угольной промышленности Ростовской области на период до 2030 г.».

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р «Об утверждении Энергетической стратегии России до 2030 г.»

Страданченко С. Г. (2009) Проблемы развития горнодобывающего комплекса Восточного Донбасса и пути их решения: монография. Новочеркасск: Лик, 198 с.

Таразанов И. (2014). Аналитический материал, угольная промышленность России // «Уголь», Март.

Трунина Н. Н. (2011). Оценка инвестиционной привлекательности угледобывающих компаний // «Уголь», № 2, с. 40-43.

Тяглов С. Г. (2014). Принцип многоуровневого управления устойчивым развитием региональной экономики в части обеспечения эколого-экономических императивов // *Terra Economicus*, Т. 12, № 2-3, с. 178-182.

Тяглов С. Г. и Федорова Я. В. (2014). Развитие ГЧП в регионе: инфраструктурные проекты Ростовской области // В книге: Управление инновациями - 2014 Материалы международной научно-практической

конференции. Под ред. Р. М. Нижегородцева, с. 81-83.

Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Чекина В. Б. и Трунина Н. Н. (2011) Возможности инновационного развития угольной промышленности / Сб. научных трудов ЦНИЭИ уголь «Социально-экономические и организационные проблемы стабилизации и развития угольной промышленности», Вып. 27, с. 84-91.

REFERENCES

Chekina V. B. and Trunina N. N. (2011). Features the innovative development of the coal industry / Coll. of Scientific Papers TsNIEI «Socio-Economic and Institutional Problems of Stabilization and Development of the Coal Industry», Issue 27, pp. 84-91. (In Russian).

JSC «UES FGC». Program Import Equipment, Technology, Materials and Systems. (http://www.fsk-ees.ru/about/import_substitution/ - Access Date: 11.09.2015). (In Russian).

Interdisciplinary Expert Session (2012). // The Effectiveness of Import Substitution in the Fuel and Energy Complex of Russia. (In Russian).

Ministry of Economic Development of the Russian Federation. «On the Results of Socio-Economic Development of the Russian Federation in 2014». (In Russian).

Mironova D. D. and Nikitenko E. G. (2014) Special features of the Russian model of socially responsible business. *Modern Problems of Science and Education*, no. 5. (In Russian).

Order of the Government of the Russian Federation of November 13, 2009 № 1715-p «On the Approval of the Energy Strategy of Russia until 2030». (In Russian).

Resolution of Government of the Rostov Region of 05.07.2012 N 599 “On Approval of the Concept of Development of the Coal Industry in the Rostov Region for the Period until 2030”. (In Russian).

Russian Energy Ministry Is Implementing a Diversified Policy of Import Substitution in the Energy // News Ministry of Energy of Russia. (http://minenergo.gov.ru/press/min_news/11070.html - Access Date: 30.08.2015). (In Russian).

Stradanchenko S. G. (2009). Problems of development of the mining complex of the Eastern Donbass and their solutions: monograph. Novochoerkassk, Lick Publ., 198 p. (In Russian).

Tarazanov I. (2014). Analytical material, the coal industry in Russia. *Coal*, March. (In Russian).

The Federal Law of 31.12.2014 № 488-FZ «On Industrial Policy in the Russian Federation». (In Russian).

The Official Website of the Government of the Rostov Region. (<http://www.donland.ru/>).

The Official Website of the Ministry of Energy. (<http://www.minenergo.gov.ru/>). (In Russian).

The Official Website of the Ministry of Industry and Energy of the Rostov Region. (<http://www.minprom.donland.ru/>). (In Russian).

The Official Website of the Southern Customs Department. (<http://yutu.customs.ru/index.php/>).

Trunina N. N. (2011). Evaluation of investment attractiveness of the coal-mining companies. *Coal*, no. 2, pp. 40-43. (In Russian).

Tyaglov S. G. (2014). The principle of multi-level governance for sustainable development of the regional economy in terms of ensuring ecological and economic imperatives. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 2-3, pp 178-182. (In Russian).

Tyaglov S. G. and Fedorova Y. V. (2014). The development of PPPs in regional infrastructure projects of Rostov Region // In the book: Managing Innovation – 2014. Proceedings of the international scientific-practical conference. Ed. by R. M.

Nizhegorodtseva, pp. 81-83. (In Russian).

Zhukova I. A. (2013). Modeling reduce accumulated environmental damage of coal-mining areas due to the formation of the materials handling system of mine dumps. *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4-3, pp. 108-112. (In Russian).

Zhukova I. A. and *Lobunets V. S.* (2015). Prospects for the development of the coal industry of the Rostov region, taking into account the political and economic situation of the neighboring Ukraine. *International Research Journal*, no. 2-3 (33), pp. 46-47. (In Russian).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОТРАСЛЯХ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

ЛЫСОЧЕНКО АЛЛА АЛЕКСЕЕВНА,

доктор экономических наук,
профессор кафедры теории и технологии в менеджменте
факультета управления,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: alla44@yandex.ru

Агропромышленный комплекс и экономика природопользования обладают рядом специфических особенностей, которые оказывают существенное влияние на формирование системы стратегического управления, и соответственно применения специфических технологий менеджмента. Привлечение инвестиций в АПК, создание необходимой социальной и инженерной инфраструктуры в сельских территориях, внедрение инновационных технологий и модернизация производства, обеспечение населения качественными и безопасными продуктами питания, организация рентабельного и конкурентоспособного производства, повышение защищенности окружающей среды от антропогенного воздействия для обеспечения безопасности жизнедеятельности человека, рациональное использование и охрана природных ресурсов являются ключевыми направлениями стратегического управления в отраслях АПК и природопользования. Ростовская область является лидирующим регионом по производству сельскохозяйственной и перерабатывающей продукции в Российской Федерации, где организация системы управления и развития в АПК обусловлена комплексом основных мероприятий в рамках программно-целевого планирования государственных программ. Однако обратной стороной высокого уровня развития промышленности и сельского хозяйства в Ростовской области является усиление негативного воздействия на окружающую среду. Стратегическое управление в области экологии, направленное на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, обеспечивает устойчивое экономическое развитие Ростовской области, повышение уровня и качества жизни населения.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; стратегическое управление; управление природопользованием; государственная поддержка; программы развития сельского хозяйства; аграрный потенциал региона; программно-целевой подход в управлении; проблемы и перспективы развития отраслей АПК; охрана окружающей среды; мероприятия в сфере охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования.

STRATEGIC MANAGEMENT IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX AND ENVIRONMENT

LYSOCHENKO ALLA, A.,

Doctor of Economics (DSc), Professor of the Department "Theory and Technology in the Management" of the Faculty of Management,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: alla44@yandex.ru

Agriculture and environmental economics have a number of specific features that have a significant influence on the formation of a strategic management system, and therefore the use of specific technology management. Attracting investment in the agricultural sector, the creation of the necessary social and physical infrastructure in rural areas, introduction of innovative technologies and modernization of production, providing the population with quality and food safety, the organization of profitable and competitive production, improving the security of the environment from anthropogenic influence to ensure the safety of human life, the rational use and protection of natural resources are key areas of strategic management in the fields of agribusiness and natural resources. Rostov region is a leading region for the production and processing of agricultural products to the Russian Federation, where the organization of management and development in the agricultural sector due to the complex of the main activities of the program-target planning of government programs. However, the reverse side of a high level of industry and agriculture development in the Rostov region is the strengthening of the negative impact on the environment. Strategic management in the field of ecology, aimed at environmental protection and rational use of natural resources provides a sustainable economic development of the Rostov region, raising the level and quality of life.

Keywords: *agribusiness; strategic management; environmental management; governmental support; Agriculture Development Program; the agricultural potential of the region; target-oriented approach to management; problems and prospects of development of agricultural industries; environmental protection; activities in the field of environmental protection and environmental management.*

JEL: L10, L17, O13, O18, Q13.

Введение

Агропромышленный комплекс является основным производителем жизненно важных продуктов, в большинстве своем невоспроизводимых в других отраслях, и использующего для этой цели такие специфические средства производства, как землю и животных. Экономические отношения в системе АПК в связи с этим можно рассматривать как отношение по поводу ресурсного обеспечения производства сельскохозяйственной продукции, по поводу ее создания, переработки и реализации.

Целью стратегического управления агропромышленного комплекса является перспективное развитие аграрного производства, удовлетворение потребностей населения в продовольствии, а в промышленности – в сельскохозяйственном сырье для достижения наилучших социальных и экономических результатов, обеспечивающих высокий уровень и качество жизни. Эта цель ранжируется по уровням управления – субъектам Российской Федерации, административным районам, хозяйственным организациям. В свою очередь цели разбиваются на задачи, по которым разрабатываются конкретные мероприятия, определяющие последовательность, адресность, сроки и ответственных за выполнение.

На построение структуры управления сельскохозяйственными предприятиями влияние оказывают внешние и внутренние факторы и условия. К внешним факторам относят цели, принципы и методы управления, которые определяются социально-экономической природой производства и отношений, сформированных на основе многообразных форм собственности в АПК; территориальное размещение; подчиненность, кооперацию, интеграцию. К внутренним факторам относят факторы производства и факторы собственного управленческого характера. Факторы производства включают организационное устройство предприятия; размер и тип производства; уровень специализации и концентрации производства; оснащенность производства основными фондами; природные и экономические условия; наличие средств связи и транспорта; обеспеченность и уровень квалификации кадров. Факторы собственного

управленческого характера включают степень соответствия структуры управления организационной структуре; степень централизации и децентрализации функций управления; управляемость; соотношение между территориальными и отраслевыми формами управления; уровень квалификации работников управления; уровень механизации и автоматизации управленческих работ.

Активными формами для органов управления сельскохозяйственных предприятий являются методы управления, т.е. они являются организационно-хозяйственными инструментами в руках руководителей и специалистов и определяют успех управленческого процесса. По характеру мотивационного воздействия на поведение работников методы управления разделяют на организационно-распорядительные, экономические и социально-психологические. Все методы управления взаимосвязаны, т.е. образуют единую систему и учитывают одновременно организационный и экономический интерес, материальное и моральное стимулирование, социально-психологические факторы. Всякое распоряительство должно обосновываться точным экономическим расчетом и подкрепляться экономической и моральной (социальной) заинтересованностью, а экономические и социальные мероприятия разрабатываются и внедряются административным аппаратом управления через систему организационно-распорядительных методов.

Только в совокупности методы управления создают условия и предпосылки для наиболее эффективного управления в агропромышленном секторе. Руководители всех уровней в современных условиях должны уметь владеть всем комплексом методов управления, осуществлять правильный выбор и применять конкретно те методы, которые в рыночной экономике обеспечивают максимальную их эффективность (*Лысоченко, 2008*).

Современная система управления АПК имеет сложную структуру органов исполнительной власти. В настоящее время существует три уровня территориального управления в АПК: на уровне Федерации, субъектов Федерации и местного самоуправления.

Особенностью деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей является то, что практически каждый из них нуждается в той или иной форме поддержки из бюджетов всех уровней, как и в любой экономически развитой стране. Эффективное использование бюджетных средств, выделяемое на поддержку сельского хозяйства в сложных условиях российской экономики, приобретает особое значение. Крайне важно не только выделение государственной поддержки, но и эффективное ее использование (*Лысоченко, 2013б*).

В современной практике развития экономики, включая аграрный сектор, большое распространение получили целевые программы, являющиеся выражением нового качественного состояния управленческой системы. Программно-целевой подход к управлению воспроизводственным процессом в АПК представляет собой заверченный во времени и пространстве комплекс экономических, организационно-технологических, инновационных и других мер по реализации целей и задач конкретных программ развития агропродовольственной сферы. Программно-целевое планирование является важнейшим инструментом выхода агропромышленного комплекса из кризиса, обеспечения стабилизации и дальнейшего развития агропромышленного производства. По мере корректировки курса осуществляемой аграрной реформы в направлении научно-обоснованной системы ведения агропромышленного производства важная роль отводится усилению роли регионов в разработке собственной политики по оказанию экономической поддержки хозяйствующим субъектам АПК. В условиях крайнего дефицита материально-технических и финансовых ресурсов программно-целевой подход обеспечивает целевую направленность государственной поддержки аграрного сектора (*Лысоченко, 2015б*).

Началом применения программно-целевого подхода к управлению в АПК в современной экономике стала реализация приоритетного национального проекта

«Развитие АПК», а затем реализация «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы» и «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы» (Лысоченко и Свиридов, 2014).

К сфере регулирования базовых составляющих сельскохозяйственного производства относятся общее регулирование направлений развития сельского хозяйства; регулирование земель сельскохозяйственного назначения; регулирование экологических аспектов землепользования; регулирование форм создания и деятельности производителей сельскохозяйственной продукции; регулирование финансовых, налоговых отношений сельхозтоваропроизводителей, оказание им финансовой поддержки из бюджета государства.

Стратегическое управление природопользованием направлено на принятие наиболее целесообразных решений в использовании природных ресурсов экосистем на основе единства экологического и экономического подходов для обеспечения потребности населения в экологически безопасных продуктах сельскохозяйственного производства и экологически безопасной среде жизнедеятельности (Овчинников, Кетова и Лысоченко, 2014).

Система управления АПК в современных экономических условиях

Сегодня современная система управления агропромышленным комплексом осуществляется в рамках Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы, которая учитывает особенности ведения хозяйственной деятельности в современных экономических условиях.

Программа, с учетом всех вносимых изменений, включает одиннадцать подпрограмм, девять из которых непосредственно направлены на развитие агропромышленного комплекса («Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства», «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства», «Развитие мясного скотоводства», «Поддержка малых форм хозяйствования», «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие», «Развитие овощеводства открытого и защищенного грунта и семенного картофелеводства», «Развитие молочного скотоводства», «Поддержка племенного дела, селекции и семеноводства», «Развитие оптово-распределительных центров и инфраструктуры системы социального питания»). Каждая подпрограмма сформирована на принципах регулирования «от производства сельскохозяйственной продукции до реализации ее в переработанном виде», чего не было в предыдущих программах. Кроме того, она включает четыре федеральные целевые программы: «Социальное развитие села до 2013 года»; «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014-2017 годы и на период до 2020 года»; «Сохранение и восстановление плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и агроландшафтов как национального достояния России на 2006-2010 годы и на период до 2013 года»; «Развитие мелиорации сельскохозяйственных земель России на 2014-2020 годы». И две подпрограммы: «Развитие финансово-кредитной системы агропромышленного комплекса» и «Обеспечение реализации Государственной программы»¹.

На региональном уровне государственное регулирование также осуществляется в рамках программных мероприятий. Например, в Ростовской области стратегическое управление отраслями АПК осуществляется в рамках Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2020 года, Концепции развития агропромышленного комплекса Ростовской области на период

¹ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 №717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы». (<http://www.mcx.ru/documents/document/show/22026.htm> - Дата обращения: 29.09.2015).

до 2020 года, государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» рассчитанной на период до 2020 года.

Региональное стратегическое развитие агропромышленного комплекса осуществляется по принципу рационального размещения производственных мощностей в увязке со специализацией районов области и сырьевой базой. Локомотивом развития является пищевая и перерабатывающая промышленность (Лысоченко, 2015в).

Государственная программа структурирована по подпрограммам, основным мероприятиям и мероприятиям ведомственных целевых программ.

Подпрограмма «Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства» включает шесть блоков основных мероприятий: поддержка производства продукции растениеводства; обеспечение снижения рисков в растениеводстве (страхование); обеспечение доступности кредитных ресурсов на развитие производства и переработки растениеводческой продукции; поддержка развития переработки продукции растениеводства; создание и модернизация объектов растениеводства; обеспечение доступности кредитных ресурсов для переработки продукции растениеводства и животноводства.

Подпрограмма «Развитие мелиорации земель сельскохозяйственного назначения» включает основные мероприятия: выполнение гидромелиоративных мероприятий; выполнение фитомелиоративных мероприятий, выполнение агролесомелиоративных и фитомелиоративных мероприятий.

Подпрограмма «Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства» включает шесть блоков мероприятий: поддержку производства животноводческой продукции, обеспечение снижения рисков в животноводстве (страхование), обеспечение доступности кредитных ресурсов на развитие производства и переработки животноводческой продукции, развитие переработки и реализации продукции животноводства, проведение противоэпизоотических мероприятий, оздоровление крупного рогатого скота от лейкоза.

Подпрограмма «Развитие кооперации, малого и среднего предпринимательства на селе» включает основные мероприятия: поддержку развития потребительской кооперации и сельскохозяйственных потребительских кооперативов; поддержку создания и развития крестьянских (фермерских) хозяйств.

Подпрограмма «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» включает следующие основные мероприятия: обеспечение инновационного развития агропромышленного комплекса; поддержку приобретения сельскохозяйственной техники.

Подпрограмма «Устойчивое развитие сельских территорий Ростовской области на 2014-2017 годы и на период до 2020 года» включает следующие основные мероприятия: обеспечение жильем граждан, проживающих в сельской местности; поддержку инфраструктурного обустройства сельских территорий, строительство, реконструкцию автомобильных дорог в сельской местности.

Подпрограмма «Развитие рыбохозяйственного комплекса» структурирована по схеме, включающей четыре блока основных мероприятий по развитию аквакультуры, промышленного рыболовства, рыбопереработки и сохранению водных биоресурсов.

Подпрограмма «Обеспечение реализации государственной программы Ростовской области» включает мероприятия на содержание аппаратов управления ответственного исполнителя и участников государственной программы, организацию подготовки и проведения общественных мероприятий в сфере АПК и др.².

² См.: Постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 592 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». (<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=57515> – Дата обращения: 29.09.2015).

С 2016 года в государственную программу развития сельского хозяйства Ростовской области вводятся 4 новые подпрограммы: «Развитие овощеводства открытого и защищенного грунта и семенного картофелеводства», «Развитие молочного скотоводства», «Развитие мясного скотоводства», «Поддержка племенного дела, селекции и семеноводства».

В результате реализации госпрограммы ожидается увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, площади мелиорируемых земель; ускорение обновления технической базы агропромышленного производства; увеличение притока инвестиций в агропромышленный и рыбохозяйственный комплексы; повышение инновационной составляющей агропромышленного производства и др.

Стратегическое управление отраслями агропромышленного комплекса на региональном уровне

Ростовская область стабильно входит в число пяти крупнейших регионов России по валовой сельскохозяйственной продукции и занимает 10,5 процентов валового регионального продукта (по Российской Федерации – 5%).

В силу благоприятных природно-климатических условий аграрии Дона, как и в большинстве южнороссийских территорий, осуществляют чрезвычайно широкий спектр видов деятельности, включая традиционное для Юга России выращивание подсолнечника, бахчевых, винограда и разведение овец.

В Ростовской области собирается 9 процентов российского урожая зерна (2 место в России), почти столько же – подсолнечника (4 место), около 5 процентов – овощей (5 место). Донской регион формирует 4,5 процента общероссийского объема производства яиц (2 место), 3,5 процента – молока (5 место), 2,5 процента – мяса (12 место).

Область полностью обеспечивает себя зерном и продуктами его переработки (мука, крупа, хлеб), маслом растительным, яйцом. Вся эта продукция имеет серьезный экспортный потенциал. Например, производители подсолнечного масла занимают 40% российского рынка и известны далеко за пределами нашей страны.

По остальным видам сельскохозяйственной продукции удельный вес в общем объеме товарных ресурсов составляет по: мясу и мясопродуктам - 71% (при пороговом значении Доктрины продовольственной безопасности РФ – 85%), молоку и молокопродуктам - 83% (90%), картофелю - 65% (95%), рыбной продукции – 20% (80%). Недостижение пороговых значений Доктрины не критично на уровне региона, так как недостающая потребность покрывается за счет поставок из других регионов Российской Федерации (Лысоченко, 2015а).

Развитие сельскохозяйственного производства Донского региона за последние годы характеризуется разнонаправленными тенденциями, что обусловлено высокой степенью зависимости результатов его деятельности от погодных, природно-климатических условий. Кроме того, необходимо учитывать, что сельское хозяйство характеризуется сезонностью производства вследствие цикличности времён года и соответственно погодных условий, а также биологии развития сельскохозяйственных растений и животных.

Применение новых технологий, элитных семян позволили получить в 2015 году хороший результат ранних зерновых (более 8,5 миллиона тонн). А с учетом сбора поздних зерновых культур, прогнозируется наилучший результат для Ростовской области за всю историю (9,6 миллионов тонн).

Положительная динамика наблюдается и в отраслях животноводства. За 8 месяцев 2015 года производство мяса составило 213,2 тыс. тонн, или 101,2% к уровню аналогичного периода прошлого года; производство молока составило 741,5 тыс. тонн, что на 0,9% больше аналогичного периода 2014 года; яиц получено 1 млрд. 264 млн. шт., что соответствует уровню аналогичного периода 2014 года. В текущем году занимающихся животноводством фермеров стало больше на 46 хозяйств.

В пищевой и перерабатывающей промышленности значительно увеличено

производство переработчиков молока: цельномолочной продукции – 47%; сыра и творога – на 30%; масла сливочного – на 10%. Так же увеличено производство крупы – на 5%, хлеба – на 3%, колбасных изделий – на 2%.

Выросло количество финансово устойчивых хозяйств. В 2015 году доля прибыльных организаций составила 83%, что на 6 процентных пунктов выше уровня 2014 года.

На реализацию Госпрограммы развития сельского хозяйства в 2014 году направлено 6,6 миллиарда рублей. Получателями господдержки стали 10 тысяч сельхозтоваропроизводителей. На поддержку агропромышленного комплекса и социального развития села в текущем году предусмотрено более 8 миллиардов рублей.

Агропромышленный комплекс, как и вся экономика Ростовской области, работает сегодня в новых экономических условиях, осложненных санкциями. Эти условия позволили в государственной программе развития сельского хозяйства заложить новые механизмы государственной поддержки.

Предусматриваются виды поддержки, обеспечивающие стимулирование технической и технологической модернизации. В сфере молочного скотоводства поддержка осуществляется, начиная от приобретения технологического оборудования до комплектования стадом. Усилена поддержка в растениеводстве: овощеводство закрытого грунта; рисоводство.

Наиболее актуальны и востребованы следующие субсидии: несвязанная поддержка – высокая доступность, значительные объемы финансирования; на приобретение сельскохозяйственной техники, произведенной в Ростовской области; субсидирование процентов по кредитам – по причине обеспечения денежными ресурсами хозяйств в период проведения сезонных полевых работ, а также высокой закредитованности сельхозтоваропроизводителей.

С текущего года в рамках федеральной программы развития сельского хозяйства дан старт новым видам государственной поддержки – возмещение прямых затрат. На региональном уровне реализуется направление поддержки строительства картофелехранилищ. Со следующего года перечень направлений возмещения затрат будет расширен. Это строительство овощехранилищ; тепличных комплексов; животноводческих комплексов молочного направления; оптово-распределительных центров; селекционно-генетических центров. По новым видам поддержки планируется возмещать 20% затрат сельскохозяйственных товаропроизводителей от сметной стоимости объекта. А также с 2015 года сельскохозяйственным потребительским кооперативам предоставляются гранты на развитие материально-технической базы.

Основной задачей по развитию АПК является ежегодное наращивание производства и переработки сельскохозяйственной продукции, а именно обеспечение продовольственной безопасности региона. На фоне активизации процессов импортозамещения это одно из наиболее перспективных направлений, способствующих экономическому росту и повышению конкурентоспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей (Лысоченко, 2013а).

Практическое решение проблемы обеспечения продовольственной безопасности находится в реализации инвестиционных проектов.

Донской край является одним из наиболее инвестиционно привлекательных регионов России. В течение последних лет Ростовская область признается одним из самых открытых российских регионов для инвестиций. Сегодня сформировано и действует прогрессивное инвестиционное законодательство, включающее в себя определенный набор преференций для инвесторов.

Для полного обеспечения собственной продукцией необходимо нарастить производство овощей и фруктов, картофеля, говядины, молока.

Для стабильного развития животноводства важно иметь развитую племенную базу.

Компания «Белая птица – Ростов» реализует проект по импортозамещению

инкубационного яйца бройлеров - до 170 млн. штук яиц в год. Это позволит России на 20% сократить потребность в импорте инкубационного яйца.

«Русская свинина, Развильное» работает над созданием 2-х племенных репродукторов для выращивания молодняка свиней - на 7 тысяч голов в год. Таким образом, хозяйства области будут обеспечены племенным поголовьем. Это позволит увеличить производство свинины более, чем на 3,5 тысячи тонн в год.

Уйти от зависимости в импортном племенном поголовье животных и в импорте семян позволит новое направление господдержки - возмещение прямых затрат на строительство селекционно-генетических и селекционно-семеноводческих центров.

Эффективно работают на ускоренное импортозамещение проекты крупных донских компаний. Так, группа компаний «Евродон», уже производящая 40% общероссийского объёма промышленного производства мяса индейки, и 45% - утки, реализует конкурентное импортозамещение на этапе маточного поголовья.

Компания «Амилко», крупнейший переработчик кукурузы в России и странах СНГ, лидер юга России по выпуску крахмалов и высокопротеиновых кормов - до конца 2015 года увеличит мощность переработки до 210 тыс. тонн, а к 2020 году – до 400 тыс. тонн.

Компания «Донские биотехнологии» в партнёрстве с немецким концерном «Эвоник», одним из глобальных мировых лидеров в сфере спецхимии, реализует проект создания биотехнологического комплекса по переработке зерна мощностью 250 тысяч тонн в год и производству лизина. Ввод комплекса обеспечит потребности страны в лизине. А в перспективе позволит исключить его импорт и перейти к экспорту.

«Международная сахарная корпорация» реализует в области проект строительства «Первого Донского сахарного завода» (инвестиции – 18 млрд. рублей, около 500 рабочих мест на селе). Мощность переработки – 12 тыс. тонн свеклы в сутки с перспективой увеличения до 20 тысяч тонн. Строительство завода планируется начать в 2016 году.

В молочном животноводстве планируется строительство 2-х молочных комплексов - суммарно на 6 тысяч голов дойного стада.

Всего в АПК Ростовской области до 2020 года намечено реализовать 24 инвестиционных проекта с общим объёмом инвестиций 120 млрд. рублей (*Лысоченко, 2015в*).

В качестве серьёзных стимулов для сбыта продукции организуются сельхозярмарки, проводятся закупочные сессии поставщиков с розничными торговыми сетями, внедрена система добровольной сертификации качества «Сделано на Дону».

В регионе действуют экспертные площадки, в рамках которых товаропроизводители, потребители продукции и власть ведут открытый диалог, продвигают инициативы. Одна из таких инициатив - в части бесплатного предоставления участков многодетным семьям для создания крестьянского (фермерского) хозяйства – вошла в 2015 году в областной закон «О регулировании земельных отношений в Ростовской области».

Однако есть ряд факторов, которые не позволяют достичь стабильности в развитии отраслей агропромышленного комплекса:

1) Темпы производства сдерживаются изношенностью основных фондов на действующих предприятиях и дефицитом мощностей по производству животноводческой продукции, особенно молока и мяса крупного рогатого скота, свиней. Здесь необходимо расширять использование механизма государственной поддержки - возмещения прямых затрат - в особенности в приоритетных направлениях развития отрасли.

В структуре программы развития сельского хозяйства практически 50% расходов приходится на возмещение части процентной ставки. С одной стороны это стимулирует инвестиционное развитие, с другой стороны – не выводит из состояния

закредитованности. 2014 год для аграриев был успешным и в производственном и финансовом плане. По балансам получателей государственной поддержки прибыль составила почти 11 млрд. рублей. Тем не менее, обязательства предприятий по-прежнему превышают годовую выручку. По итогам 2014 года выручка от реализации продукции составила 72 млрд. рублей. Однако это не позволило сократить долговую нагрузку на предприятия, совокупные обязательства сельхозорганизаций увеличились на 2% и составили 77 млрд. рублей. При этом объем краткосрочных кредитов увеличился на 12%. В текущем году рост кредиторской задолженности продолжается. По итогам 1 полугодия 2015 года совокупные обязательства по сравнению с аналогичным периодом 2014 года увеличились на 3% и составили 88 млрд. рублей.

2) В области недостаточно развита сырьевая база для перерабатывающей промышленности. Здесь необходимо привлекать инвестиции для строительства животноводческих комплексов. Кроме этого нужно развивать селекционно-генетическую и семеноводческую базу, чтобы сельскохозяйственные производители были не зависимы от импортного семенного материала.

3) Сдерживающим фактором инвестиционного развития является недостаточная мощность транспортной и инженерно-технической инфраструктуры. Поэтому одной из наиболее важных задач, стоящих перед инвестором, является выбор «правильной» территории для реализации своего инвестиционного проекта.

Создание подготовленных инвестиционных площадок для агропромышленного комплекса является действенным инструментом улучшения инвестиционного климата и привлечения инвестиций в сельское хозяйство. Готовые инвестиционные площадки обеспечивают для инвестора доступность земли и инфраструктуры, снижают риски инвестирования и ускоряют реализацию проекта. Поэтому здесь необходимо максимально вовлечь неиспользуемые земли и производственные здания в инвестиционный оборот.

4) В условиях санкций со стороны западных стран резко стал вопрос зависимости от импортного оборудования. Причем многие виды оборудования не имеют отечественных аналогов. При реализации инвестиционных проектов в АПК затраты на оборудование составляют не менее 70%. В этом случае необходимо развивать на территории области производство оборудования для животноводства, тепличных комплексов, оборудования для мелиорации.

5) Отличительным свойством сельскохозяйственной отрасли от других сфер экономики является зависимость от природно-климатических условий, эпизоотических факторов, что в свою очередь отражается на финансовом состоянии хозяйствующих субъектов. Одним из способов нивелирования последствий влияния названных факторов является внедрение инновационных разработок. Однако современные условия развития характеризуются тем, что связь производства с наукой практически отсутствует. Да и в самой науке существуют проблемы. Если в растениеводстве ведутся исследования по созданию новых сортов растений, усовершенствованию их качеств, разработке новых технологий, то в животноводстве ситуация обратная. В результате высокой стоимости строительства и содержания животноводческих объектов, отсутствия экспериментальных хозяйств научные исследования в данной области практически не ведутся. Здесь необходимо организовать на базе передовых хозяйств научно-производственные кафедры.

6) В сфере сбыта существуют свои проблемы. Для обеспечения гарантированных каналов сбыта необходимо создавать условия для укрепления кооперативных связей между сельхозтоваропроизводителями области и переработчиками. В области есть пример кооперативных связей между производителями картофеля и ООО «Фрито Лей Мануфактуринг» (производство чипсов). Предприятия имеют договорные отношения не только по поводу поставки товаров, но и обеспечения основными средствами. Перерабатывающее предприятие предоставило средства на строительство картофелехранилища. Также необходимо совершенствовать механизм государственных закупок и создание системы

социального питания.

7) На территории Ростовской области значительно увеличилось количество некачественной и фальсифицированной пищевой продукции, выявляемой на потребительском рынке, а также в образовательных, медицинских организациях, оздоровительных учреждениях и учреждениях социальной защиты. Подавляющее большинство такой продукции поступает из других регионов России. В этом случае федеральным надзорным органам и областным органам исполнительной власти необходимо принять меры по недопущению реализации фальсификатов.

8) Еще остается проблемой доступность продовольствия населению, как территориальная, так и доступность, исходя из доходов. Во многих сельских населенных пунктах существует дефицит качественных торговых площадей. Малонаселенные и труднодоступные населенные пункты практически не охвачены сферой обслуживания. Здесь необходимо использовать потенциал районных потребительских обществ в полном объеме. Потребительская кооперация должна сосредоточиться на обслуживании сельского населения в отдаленных и труднодоступных местах проживания.

Таким образом, стратегическое управление в отраслях агропромышленного комплекса должно быть направлено на развитие имеющегося потенциала для снижения влияния погоды и природных условий, увеличения мощности инфраструктуры, возвращения молодых специалистов на село, повышения эффективности производства, обеспечение финансовой устойчивости предприятий отрасли и поддержку конкурентоспособных организаций.

На сегодняшний день остаются актуальными следующие задачи: необходимость разработки на федеральном уровне нормативного акта о реструктуризации задолженности по кредитам, займам сельхозтоваропроизводителей; усиление в средствах массовой информации популяризации труда аграриев и жизни на селе; развитие системы добровольной сертификации «Сделано на Дону» и её использование для продукции донского АПК. Агропромышленному комплексу требуются современные оптовые продовольственные рынки, распределительные терминалы или центры. Востребованы их услуги первичной обработки продукции, сортировки, упаковки, консолидации мелких партий товара для поставок крупным торговым операторам. Гарантированные каналы сбыта обеспечат производителям постоянный приток оборотных средств. С другой стороны, с помощью донских производителей через систему социального питания можно помочь жителям области, которые имеют доходы ниже прожиточного минимума (16% населения Ростовской области - 690 тыс. человек). Это позволит достичь потребления населением области продуктов питания на уровне Доктрины продовольственной безопасности.

В целом анализ современного состояния агропромышленного комплекса региона показывает, что государственное управление остается необходимым условием его сохранения. Однако для его развития необходимо стратегическое планирование с учетом факторов риска, особенно в новых условиях экономики России. Совершенствование системы управления в АПК и выбор стратегии дальнейшего развития должны обеспечивать решение возникающих проблем в удовлетворении текущей потребности в качественных и безопасных для здоровья продуктах сельскохозяйственного производства, максимизацию положительных и минимизацию отрицательных последствий наступления рисков событий в агропромышленном комплексе.

Развитие методов управления природопользованием на региональном уровне

Территория Ростовской области богата разнообразными природными ресурсами, среди которых водные и лесные ресурсы, особо охраняемые природные территории, освоение которых в значительной степени определяет экономическое

состояние региона.

Природно-ресурсный потенциал - совокупность естественных ресурсов, являющихся основой экономического развития территории. Это очень важная для каждой страны и ее регионов характеристика, отражающая размещение природных ресурсов, обеспеченность ими отдельных отраслей народного хозяйства, их влияние на формирование хозяйственной специализации и пространственной организации территории.

Интенсивное развитие промышленности и сельского хозяйства оказало значительное влияние на состояние окружающей среды региона. Рост городов, увеличение потребностей населения способствуют увеличению выбросов в атмосферный воздух, тем самым загрязняя его, интенсивно загрязняются водные объекты, почвы, уменьшается количество зеленых насаждений в городах и возрастает количество отходов.

Экологичное природопользование способствует сохранению природоресурсного потенциала и здоровья человека, экономному использованию природных ресурсов и обеспечению эффективного режима их воспроизводства. Однако современные производственные технологии не дают возможности полного сохранения природоресурсного потенциала, лишь приближаются в отдельных случаях к этому оптимуму.

Экологическая ситуация в Ростовской области, как и в Российской Федерации, характеризуется высоким уровнем антропогенного воздействия на природную среду и значительными экологическими последствиями прошлой экономической деятельности.

В Ростовской области более 1,5 млн. жителей проживают в городах с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферного воздуха. Объем сточных вод, сбрасываемых в поверхностные водные объекты без очистки или недостаточно очищенных, остается высоким. Сохраняется тенденция к ухудшению состояния почв и земель. Интенсивно развиваются процессы, ведущие к потере плодородия сельскохозяйственных угодий и к выводу их из хозяйственного оборота. Опустыниванием в той или иной мере охвачены восточные районы Ростовской области. Количество отходов, которые не вовлекаются во вторичный хозяйственный оборот, а направляются на размещение, возрастает. При этом условия хранения и захоронения отходов не соответствуют требованиям экологической безопасности (Овчинников и Лысоченко, 2013).

В Ростовской области разработана стратегия сохранения окружающей среды и природных ресурсов Ростовской области на период до 2020 г., она является документом, определяющим основные направления, приоритетные задачи государственной политики Ростовской области в целях улучшения состояния окружающей среды. Кроме того стратегическое управление природопользованием осуществляется в рамках государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование», разработанной до 2020 года.

Программа содержит комплекс мероприятий, направленных на решение приоритетных задач в сфере охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования на территории Ростовской области, осуществление которых будет способствовать обеспечению экологической безопасности, устойчивому функционированию естественных экологических систем, сохранению биоразнообразия, защите территорий и населения Ростовской области от негативного воздействия вод, обеспечению безопасности гидротехнических сооружений, расположенных на территории Ростовской области, оздоровлению экологической обстановки на водных объектах, обеспечению сырьевых потребностей хозяйственного комплекса и созданию условий для повышения эффективности использования недр Ростовской области и повышения лесистости ее территории. Выбор мероприятий Программы основан на анализе экологической ситуации в Ростовской области, выявившем наиболее острые проблемы. На реализацию этих

мероприятий в 2015 году выделено 1 121 047,8 тыс. рублей.

Государственная программа состоит из следующих подпрограмм: «Охрана окружающей среды в Ростовской области»; «Развитие и использование минерально-сырьевой базы Ростовской области»; «Развитие водохозяйственного комплекса Ростовской области»; «Развитие лесного хозяйства Ростовской области»; «Формирование комплексной системы управления отходами и вторичными материальными ресурсами на территории Ростовской области»³.

Экологическими и социальными результатами реализации программных мероприятий в 2014 году явились снижение негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении хозяйственной и иной деятельности посредством предотвращения, выявления и пресечения нарушений природоохранного законодательства; создание условий для устойчивого водоснабжения населения и объектов экономики населенных пунктов Белокалитвинского, Зимовниковского, Миллеровского и Целинского районов; обеспечение защиты территории и населения г. Шахты, Белокалитвинского и Октябрьского районов Ростовской области от негативного воздействия вод, оздоровление экологической обстановки на водных объектах; сохранение и восстановление лесов в Ростовской области; развитие материальной базы муниципальных образований в сфере обращения с твердыми бытовыми отходами с целью создания условий для комфортной среды обитания и жизнедеятельности населения Ростовской области.

В ходе реализации полномочий в сфере охраны окружающей среды осуществляется региональный мониторинг загрязнения атмосферного воздуха в шести крупных городах области, а также загрязнения трансграничных рек, проводятся работы по расчистке русел рек и ремонту гидротехнических сооружений, реализуются мероприятия по снижению количества и площади ландшафтных пожаров на территории области. Особое внимание уделяется созданию и развитию особо охраняемых природных территорий, а также развитию лесных питомников. В перспективе планируется продолжить проведение «водного» и «воздушного» мониторинга, осуществление геологоразведочных работ на подземные воды для хозяйственно-питьевого водоснабжения населенных пунктов, проведение работ по расчистке рек. До 2020 года с привлечением средств инвесторов запланировано строительство 8 межмуниципальных экологических комплексов по переработке мусора.

В целях пропаганды знаний в области охраны окружающей среды реализованы следующие мероприятия: издана и презентована «Красная книга Ростовской области», подготовлен и издан Экологический вестник Дона «О состоянии окружающей среды и использовании природных ресурсов Ростовской области в 2014 году», проведена Всероссийская акция «Дни защиты от экологической опасности», с 5 по 7 июня 2015 года проведен первый Всероссийский детский экологический фестиваль, с 22 по 26 июня 2015 года на базе детского оздоровительного комплекса «Ромашка» в поселке Золотая Коса Неклиновского района состоялся VI-й областной слет юных экологов, в рамках регионального социально-экологического конкурса создана галерея Донской природы. Кроме того, ежеквартально проводятся акции по сбору ртутьсодержащих отходов от населения.

Постоянно проводятся мероприятия по локализации и ликвидации очагов вредных организмов на площади 1,7 тыс. га лесных насаждений. Принимаются меры по обеспечению пожарной безопасности в лесах. Кроме того ежегодно проводятся учеты численности диких копытных животных, зайца-русака, лисицы, серой куропатки, сурка-байбака и других видов охотничьих ресурсов. По результатам учетов за 2015 год наблюдается рост численности ценных видов охотничьих ресурсов. Осуществляется надзорная деятельность в рамках трех видов

³ См.: Постановление Правительства РО от 25.09.2013 № 595 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование». (<http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=128483&mid=134977&itemId=22842> - Дата обращения: 29.09.2015).

надзора - федерального государственного охотничьего надзора, федерального государственного надзора в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания и регионального государственного экологического надзора. В результате надзорных мероприятий за 1 полугодие 2015 года выявлено 1627 правонарушений, наложено штрафов на сумму более 17 млн. рублей.

Однако для обеспечения эффективности управления развитием эколого-экономических систем невозможно без совершенствования экономического и финансового механизмов рационального природопользования. Основой данных механизмов должны стать платность всего природопользования и индивидуальный подход к природопользователям, что позволит экономически стимулировать экологичность хозяйственной деятельности предприятий и пополнять средства основных источников финансирования охраны и воспроизводства природных ресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лысоченко А. А. (2008). Продовольственная безопасность региона: воспроизводственная концепция: монография. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 465 с.

Лысоченко А. А. (2013а). Государственное регулирование развития регионального агробизнеса // *European Social Science Journal*, № 2.

Лысоченко А. А. (2013б). Риск-менеджмент в агропромышленном комплексе: Монография. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век».

Лысоченко А. А. (2013в). Финансово-экономический аспект развития регионального АПК // *TERRA ECONOMICUS*, Т.11, № 1-2.

Лысоченко А. А. (2015а). Аграрная политика региона в решении проблемы импортозамещения // *Сборник научных трудов SWORLD*, Т. 18, № 1 (38), с. 71-76.

Лысоченко А. А. (2015б). Проблемы развития агропромышленного комплекса в новых условиях хозяйствования // *В мире научных открытий*. Красноярск: Научно-инновационный центр, № 3.9(63) (Социально-гуманитарные науки), с. 4009-4022.

Лысоченко А. А. (2015в). Продовольственная безопасность и экологизация: практическое решение проблем на региональном уровне в современных экономических условиях // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 6, № 1.

Лысоченко А. А. и Свиридов О. Ю. (2014). Государственное регулирование развития агробизнеса и банковское кредитование предприятий АПК в современных условиях хозяйствования. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век».

Овчинников В. Н., Кетова Н. П. и Лысоченко А. А. (2014). Экологизация сельскохозяйственного природопользования – императив обеспечения продовольственной безопасности // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*, Т. 5, № 2.

Овчинников В. Н. и Лысоченко А. А. (2013). Позиционирование южно-российских регионов в формате глобализационных императивов присоединения России к ВТО: обеспечение продовольственной безопасности // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 1-2.

Постановление Законодательного Собрания Ростовской области от 30.10.2007 № 2067 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ростовской области на период до 2020 года». (<http://www.consultant.ru> - Дата обращения: 29.09.2015).

Постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 №717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 - 2020 годы». (<http://www.mcx.ru/documents/document/show/22026.htm> - Дата обращения: 29.09.2015).

Постановление Правительства Ростовской области от 23.05.2012 №424 «Об

утверждении Концепции развития агропромышленного комплекса Ростовской области на период до 2020 года». (<http://www.donland.ru> - Дата обращения: 29.09.2015).

Постановление Правительства Ростовской области от 25.09.2013 № 592 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия». (<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=57515> – Дата обращения: 29.09.2015).

Постановление Правительства РО от 25.09.2013 № 595 «Об утверждении государственной программы Ростовской области «Охрана окружающей среды и рациональное природопользование». (<http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=128483&mid=134977&itemId=22842> — Дата обращения: 29.09.2015).

Проблемы и перспективы развития АПК и сельских территорий: монография / Е. В. Автайкина, А.А. Лысоченко и др. / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014.

Финансовый менеджмент кредитно-банковских институтов. / Под ред. Свиридов О. Ю., Лысоченко А. А. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие – XXI век», 2013.

Kuznesov N., Lysochenko A., Soldatova I. and Ovchinnikov V. (2012). State Support of Russian Agro-industrial Complex at the Federal and Regional Levels on Entering the Global Market // *Journal of Food Science and Engineering*, no. 2.

REFERENCES

Financial Management of Credit and Banking Institutions. / Ed. by Sviridov O. Yu., Lysochenko A. A. Rostov-on-Don, "Assistance - XXI Century", 2013. (In Russian).

Kuznesov N., Lysochenko A., Soldatova I. and Ovchinnikov V. (2012). State Support of Russian Agro-industrial Complex at the Federal and Regional Levels on Entering the Global Market. *Journal of Food Science and Engineering*, no. 2.

Lysochenko A. A. (2008). Food security in the region: reproductive concept: a monograph. Rostov-on-Don, Publ. House of SFU, 465 p. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2013a) State regulation of the development of regional agribusiness. *European Social Science Journal*, no. 2. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2013b). Risk management in the agricultural sector: Monograph. Rostov-on-Don, Publ. House "Assistance - XXI Century". (In Russian).

Lysochenko A. A. (2013c). The financial and economic aspect of the development of regional agriculture. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1-2. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2015a). Agricultural policy in the region in addressing the problem of import substitution // *Coll. of Scientific Works SWORLD*, vol. 18, no. 1 (38), pp. 71-76. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2015b). Problems of development of agriculture in the new economic conditions // *The World of Scientific Discovery*. Krasnoyarsk, Research and Innovation Center, no. 3.9 (63) (Social and Human Sciences), pp. 4009-4022. (In Russian).

Lysochenko A. A. (2015c). Food safety and ecologization: practical solutions to problems at the regional level in current economic conditions. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 1. (In Russian).

Ovchinnikov V. N. and Lysochenko A. A. (2013). Positioning southern Russian regions in the format of globalization imperatives of Russian accession to the WTO: ensuring food security. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 11, no. 1-2. (In Russian).

Lysochenko A. A. and Sviridov O. Yu. (2014). State regulation of development of agribusiness and bank lending to agricultural enterprises in modern economic conditions. Rostov-on-Don, Publ. House "Assistance - XXI Century". (In Russian).

Ovchinnikov V. N., Ketova N. P. and Lysochenko A. A. (2014). Ecologization of agricultural nature management as the food security imperative. *Journal of Economic Regulation*, vol. 5, no. 2. (In Russian).

Problems and Prospects of Development of Agribusiness and Rural Areas: monograph / E. V. Avtaykina, A. A. Lysochenko et al. / Ed. by S. S. Chernov. Novosibirsk, TSRS Publ., 2014. (In Russian).

Resolution of the Government of the Rostov Region of 23.05.2012 № 424 «On Approval of the Concept of Development of Agro-Industrial Complex of the Rostov Region for the Period till 2020». (<http://www.donland.ru> - Access Date: 29.09.2015). (In Russian).

Resolution of the Government of the Rostov Region of 25.09.2013 № 592 "On Approval of the State Program of the Rostov Region "Development of Agriculture and Regulation of Markets for Agricultural Products, Raw Materials and Food". (<http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW186;n=57515> - Access Date: 29.09.2015). (In Russian).

Resolution of the Government of the Rostov Region of 25.09.2013 № 595 "On Approval of the State Program of the Rostov Region "Environmental Protection and Rational Use of Natural Resources". (<http://www.donland.ru/Donland/Pages/View.aspx?pageid=128483&mid=134977&itemId=22842> - Access Date: 29.09.2015). (In Russian).

Resolution of the Government of the Russian Federation of 14.07.2012 № 717 «On State Program of Agricultural Development and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food for the 2013-2020». (<http://www.mcx.ru/documents/document/show/22026.htm> - Access Date: 29.09.2015). (In Russian).

Resolution of the Legislative Assembly of the Rostov Region of 30.10.2007 № 2067 "On Approval of the Strategy of Socio-Economic Development of the Rostov Region for the Period till 2020". (<http://www.consultant.ru> – Access Date: 29.09.2015). (In Russian).

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ АПК РОССИИ: 150-ЛЕТНЯЯ ТРАЕКТОРИЯ «ЛОВУШЕК»*

ФРОЛОВ ДАНИИЛ ПЕТРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой маркетинга,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: ecodev@mail.ru

ЛАВРЕНТЬЕВА АННА ВИКТОРОВНА,

заведующий отделом сопровождения НИР,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: lavra.ne@mail.ru

Проведен системно-эволюционный анализ институциональной структуры отечественного АПК в негативном аспекте как сложного исторического процесса смены субоптимальных институтов и механизмов. Предпринята попытка уточнения понятия сущности и содержания институциональной структуры АПК. Дана классификация многообразия ее конкретных форм в единстве функционального, уровневого и воспроизводственного подходов; определены логика, периодизация и исторические тенденции развития институциональной структуры АПК России с 1861 г. по настоящее время. Систематизированы специфические институциональные «ловушки» АПК по этапам эволюции и уровням их реализации. В результате исследования специфицирована предметная область и разработан базовый категориальный ряд институциональной экономической теории АПК. Аргументировано, что институциональная структура как аспектированная факторная подсистема АПК представляет собой комплекс устойчивых функционально-статусных отношений хозяйственных субъектов по поводу формирования и развития интегрированной системы институций, норм, правил, стандартов, процедур и институтов в ходе продуктивного использования агробиоценозов.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; институциональная структура; институции; институты; трансакционные издержки; эволюция; институциональные «ловушки».

EVOLUTION OF INSTITUTIONAL STRUCTURE OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF RUSSIA: 150-YEAR TRAJECTORY OF «TRAPS»

FROLOV DANIEL, P.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of Marketing Department,
Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: ecodev@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Грант № 15-12-34012 а(р).

LAVRENTYEVA ANNA, V.,

Head of Research Department,
Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: lavra.ne@mail.ru

The authors have carried out a system-evolutional analysis of the institutional structure of local agro-industrial complex being a complicated historical process of suboptimal institutions and mechanisms' changing in the negative aspect. The authors have made an attempt to specify the substance and content of the 'agro-industrial institutional structure' notion. The classification of agro-industrial institutional structure various forms by means of functional, level and reproduction approaches is elaborated in the article. General logics of periodization and historical tendencies in Russian agro-industrial complex institutional structure since 1861 and up to the present are given in the paper. Specific institutional agro-industrial complex "traps" according to evolution stages and implementation levels are presented. As a result, the authors have clarified the domain and developed basic categorial pattern of the agro-industrial complex institutional economic theory. The authors state that institutional structure, being the agro-industrial complex's aspected factorial subsystem, is nothing but a complex of stable functional-status relations between economic entities in developing an integrated system of institutions, norms, rules, standards, procedures and institutes in the course of applying agrobiocenosis.

Keywords: agro-industrial complex; institutional structure; institutions; institutes; transactional costs; evolution; institutional "traps".

JEL: B52, Q13.

Современная институциональная экономика, переживая этап интенсивного развития, помимо решения внутренних методологических и теоретических проблем, ведет активную экспансию, вовлекая в свою предметную область новые объекты познания, одним из которых становится агропромышленный комплекс (АПК). Особое внимание исследователей привлекает изучение направлений институциональной организации и самоорганизации субъектов сельского хозяйства и агробизнеса, институционального устройства аграрной сферы, векторов и механизмов преобразования соответствующих институтов, хода и последствий институциональных реформ, результатов приватизации и эффективности структуры земельной собственности, внутренней структуры и влияния внешних институтов на реформирование сельскохозяйственных предприятий, институциональных моделей агропромышленной интеграции и сетевой реорганизации, проблем повышения эффективности государственного регулирования и координации развития АПК (Барлыбаев, 2005).

Необходимость агропромышленного вектора институционально-эволюционных исследований в современной России определяется онтологически системными противоречиями и дисфункциями АПК, а гносеологически – недостаточным общеметодологическим и теоретическим уровнем проводимых исследований при их высокой практической значимости. Изучение закономерностей и механизмов необратимого, качественного изменения институциональной структуры АПК относится к приоритетным направлениям развития российской экономической науки.

Теоретические основы эволюционного анализа институциональной структуры АПК

Системный анализ строения институциональной структуры АПК предполагает его декомпозицию в функциональном, уровневом и воспроизводственном аспектах (Dequech, 2013. P. 81-108; Greif, 2006; Hanappi, 2011.

P. 785-803; Laurent and Nightingale, 2001; Loasby, 2012. P. 833-846).

В функциональном плане данная структура представляет собой комплекс взаимосвязанных институций, институтов, норм, правил, частичных правомочий собственности, требований, санкций, контрактов, стереотипов, устоев, обычаев и традиций. Под агропромышленными институциями понимаются социальные формы закрепления производительных функций за субъектами экономических отношений в АПК. Институциональные интересы субъектов АПК являются необходимым компонентом их экономических интересов и связаны с сохранением и укреплением своих статусов в хозяйственной системе, минимизацией трансакционных издержек и формированием выгодных правил ведения деятельности, достижением взаимовыгодного компромисса с другими институциональными субъектами, в том числе с государством. Поведение субъектов АПК представляет собой сложную равнодействующую статусных целей и интересов, ценностей и принципов деятельности, административных ресурсов, правовых и социокультурных условий, наиболее чувствительную к рыночным стимулам и государственной политике.

На уровне экономики регионов и народного хозяйства в целом субъектами эволюции АПК выступают макрогенерации (Маевский, 1997), понимаемые как совокупности отраслей, производящих взаимосвязанные виды продукции. Макрогенерации в рамках АПК конкурируют друг с другом за ограниченные ресурсы инвесторов и потребителей, при этом наблюдается периодическое появление новых макрогенераций и выбытие неконкурентоспособных. В настоящее время появились новые макрогенерации АПК, связанные с производством пищевых продуктов из генетически модифицированного сырья, экологически чистой продовольственной продукции и биотоплива на основе растительного сырья.

С позиций воспроизводственного подхода институциональная структура АПК дифференцируется для выполнения специфических функций на разных стадиях воспроизводства и интегрируется с целью обеспечения синхронности, сбалансированности и цикличности данного процесса. Реализуя непрерывный прямой и обратный переход ресурсов, факторов и продуктов агропромышленной деятельности, институциональная структура эволюционно распадается на основные и вспомогательные производительные функции (институции), а последние организуются в качестве институциональной инфраструктуры АПК. Ее системная функция – обеспечение входящего движения потоков ресурсов в систему сельскохозяйственного производства как институционального «ядра» АПК и исходящего движения потоков товарной продукции в рамках вмененных и согласованных требований, правил и норм. Таким образом, институциональная инфраструктура обслуживает функциональные взаимодействия субъектов сельскохозяйственного производства с рыночной средой, обеспечивая перераспределение ресурсов и продукции с минимально возможными трансакционными издержками.

Институциональная структура как аспектированная факторная подсистема АПК представляет собой комплекс устойчивых функционально-статусных отношений хозяйственных субъектов по поводу формирования и развития интегрированной системы институций, норм, правил, стандартов, процедур и институтов в ходе использования агробиоценозов для обеспечения общественных потребностей в продуктах питания и товарах из сельскохозяйственного сырья. Природа институциональной структуры АПК связана с эндогенным и универсальным характером институции как фактора сельскохозяйственного производства, причиной ее возникновения является эволюционное взаимодействие общественного разделения и кооперации труда. Функция-минимум данной структуры – обеспечение целостности, гомеостаза и расширенного воспроизводства АПК посредством дифференциации и интеграции агропромышленных институций как социальных форм закрепления функций за субъектами агроэкономических отношений, их стандартизации и регламентации, спецификации прав собственности

и объема ответственности, унификации институциональных актов и процедур, минимизации транзакционных издержек и повышения эффективности контрактации.

Эволюция институциональной структуры АПК выступает процессом непрерывных и необратимых, случайных и целенаправленных изменений ее элементов, их связей и пропорций (Aoki, 2007. P. 1-31; Eggertsson, 1990; Matthews, 1986. P. 903-910; Nelson, 2002. P. 17-28; Williamson, 2000. P. 595-613; North, 1998). Ее основными механизмами выступают трансформация, модернизация и модификация, специфика которых состоит в различной глубине производимых институциональных изменений. Если трансформация связана со сменой институциональной матрицы АПК при переходе к новому типу хозяйственной системы с новой доминирующей формой собственности, то модификация – с оптимизацией отдельных компонентов институционального механизма функционирования агроэкономики, отдельными усовершенствованиями посредством изменений формальных правил и процедур, пересмотра взаимных требований, ужесточением или смягчением санкций, введением новых элементов контрактных отношений, методов и инструментов государственного регулирования. Модернизация институциональной структуры АПК предстает как процесс ее прогрессивных изменений в соответствии с изменившимися коллективными потребностями в институтах, институциях, институциональных процедурах, нормах и правилах посредством их системной интеграции и дифференциации, инкубации и трансплантации, инновации и селекции. Ее импульс – эволюционное обострение противоречий институциональных экономических интересов различных категорий субъектов АПК, требующих своего разрешения в рамках сложившейся институциональной матрицы данной сферы экономической деятельности, т.е. на неизменном базисе. Институциональные «ловушки» АПК трактуются не столько как неэффективные нормы поведения (Полтерович, 2006), сколько как деструктивные формы эволюционного закрепления субоптимального равновесия экономических интересов субъектов агропромышленных отношений, производящие негативные экстерналии в масштабе всего комплекса и повышающие транзакционные издержки его функционирования.

Логика и этапы эволюции институциональной структуры АПК: «ловушечный» подход

Основой эволюционного исследования институциональной структуры агропромышленной сферы хозяйства является классификация исторических периодов развития институций и институтов агроэкономики России в рассматриваемых хронологических рамках:

I этап – накопление системных дисфункций и институциональных противоречий в аграрной сфере на фоне становления и укрепления экономических институтов капитализма (1861–1916 гг.);

II этап – адаптация результатов революционного решения «аграрного вопроса» и радикальная трансформация институционального механизма в сфере агроэкономики на базе институтов совхозов и колхозов (1917 г. – конец 1940-х гг.);

III этап – развитие специализации и агропромышленной интеграции, социальной и экономической инфраструктуры, искусственное укрупнение, экстенсификация и бюрократизация структурных звеньев АПК в рамках хозяйственного механизма государственно-монополистического типа, создание предпосылок институционального кризиса и трансформационного спада (начало 1950-х гг. – 1991 г.).

Эволюция институциональных «ловушек» корреспондируется с общей логикой институционализации отечественного АПК, отражая конкретно-историческую специфику ее отдельных этапов, а их систематизация связана с выделением в рамках хозяйственного механизма функциональных уровней собственности, труда, производства, общественного сознания и регулирования,

хозяйствования (*Инишаков, 1995*).

Отмена крепостного права в 1861 г. явилась объективно необходимым, но вынужденным и некомплексным институциональным решением со стороны доминировавших социальных классов. Его консервативный характер на протяжении второй половины XIX в. выразился в обострении существовавших и возникновении множества новых противоречий в аграрной подсистеме отечественного хозяйства, в том числе: повышении информационной асимметрии нижнего и среднего слоев крестьянского населения в связи с периодическими слухами о бесплатной раздаче земли, иррационально затянутой консервации института общины как альтернативы высокотоварному типу организации сельскохозяйственного производства, ограничении прав крестьян по пользованию наделом в рамках общинного владения, диссонансе общинного и формального права, доминировании экстенсивной стратегии землепользования («черный передел») и натурального хозяйства, узурпации органов земского управления крупными землевладельцами и бюрократией. Внеэкономическая эксплуатация крестьян сменилась экономической.

Вместе с тем, произошло существенное институциональное расширение возможностей экономических трансакций крестьян. Крестьянский поземельный банк с 1882 г. функционировал как институт повышения мобильности прав собственности на землю и оптимизации структуры земельной собственности. Осуществлялась широкомасштабная кадастровая и землеустроительная работа на уровне земств. Под воздействием роста макрогенераций капиталистического уклада происходило разложение натурального крестьянского хозяйства и объективное вовлечение крестьян в товарно-денежные отношения. Получили развитие сельские кустарные промыслы (кустарничество) и отходничество как институты уклонения от рисков сезонности и низкой урожайности. Развивались сельскохозяйственные учебные заведения, опытные станции, фермы и другие институты повышения и реализации научного потенциала аграрной сферы. Активизировалась кооперация крестьянства как специфический способ адаптации к рыночным условиям хозяйствования в институциональных формах артелей, товариществ, союзов и обществ. Поступательный курс на государственную централизацию руководства аграрными отношениями воплотился в создании особого института с регулирующими и контрольными функциями, Министерства земледелия и государственных имуществ (1894 г., с 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия).

В начале XX в. проводилась реформа институциональной структуры аграрной сферы под руководством П. А. Столыпина, связанная с разрешением выхода из общины на хутора и отруба, укреплением частной собственности на землю, повышением товарности крестьянских хозяйств, ликвидацией малоземелья путем активизации внутренней колонизационной политики и переселения крестьян в малонаселенные окраины (Сибирь, Дальний Восток). В замысле и ходе столыпинской реформы проявились игнорирование реальной дифференциации и глубокой, эволюционно сложившейся многоукладности агроэкономического пространства, пренебрежение экономическими интересами широких масс крестьянского населения, недостаточная синхронность и слабое финансовое обеспечение реформы, а также абсолютизация отдельной формы институциональной организации сельского хозяйства. Попытка повсеместного внедрения «универсальной» модели малых фермерских хозяйств как конкретно-исторический вариант унификации институционального пространства агроэкономики была изначально противоречивой и неисполнимой.

Противоречивый процесс трансформации традиционной системы общинных отношений начиная с 1880-х гг. осуществлялся без учета сложившейся институциональной структуры экономики, производя негативные экстерналии в масштабе всей хозяйственной системы, поскольку продукция аграрной сферы

доминировала в структуре валового продукта страны. Усилились тенденции обеднения и обнищания крестьянства, что вело к формированию рынка трудовых ресурсов для капиталистических фабрик и социальной базы революционного движения.

Институциональные «ловушки» в дореволюционный период эволюции институциональной структуры аграрной сферы хозяйства повышали транзакционные издержки за счет слабой спецификации прав собственности на землю, ограничения мобильности рабочей силы, нагнетания противоречий социальных классов и групп влияния на фоне обострения революционной ситуации, низкой товарности сельскохозяйственного производства (см. табл. 1) (Инишаков и Фролов, 2002).

Таблица 1

**Институциональные «ловушки» в аграрной сфере экономики
дореволюционной России (1861-1916 гг.)**

Уровень	Содержание
Хозяйствование	Институциональная «ловушка» доминирования натурального хозяйства
Общественное сознание и регулирование	Институциональная «ловушка» консервативных решений в условиях обострения революционной ситуации
Производство	Институциональная «ловушка» экстенсивного землепользования
Труд	Институциональная «ловушка» норм «круговой поруки»
Собственность	Институциональная «ловушка» общинной собственности

Источник: составлено авторами.

После Октябрьской революции 1917 г. руководством страны был взят курс на форсированную интеграцию аграрной и промышленной сфер, игнорировавшую объективные закономерности и необходимые стадии эволюционного развития этих подсистем народного хозяйства. Поэтому на протяжении XX в. революционные этапы преобразований институциональной структуры АПК чередовались с вынужденными инволюционными «откатами» к пропущенным стадиям эволюционного развития с дополнительными транзакционными издержками.

Декларативный характер введения общенародной собственности на землю и свободы выбора форм землепользования («Декрет о земле», октябрь 1917 г.) обнаружился менее, чем через полгода: в декрете ВЦИК «О социализации земли» (февраль 1918 г.) термин «всенародное достояние» в отношении земли не применялся, а статус приоритета был закреплен за коллективными формами организации сельского хозяйства – совхозами, коммунами и др. Функции государственного управления были сконцентрированы в Наркомземе РСФСР (с 1929 г. – Наркомзем СССР), исходно представлявшего собой институциональную копию дореволюционного Главного управления землеустройства и земледелия. Институт сельскохозяйственной коммуны в первые годы советской власти (до конца 1920-х гг.) выступал функционально-структурной моделью кооперации субъектов сельскохозяйственного производства, базировавшейся на принципах обобществления средств производства, уравнительности землепользования и распределения. Инструментами стимулирования кооперации крестьян являлись безвозмездные и безвозвратные ссуды, а также замена продразверстки продналогом (1921 г.), способствовавшие снижению уровня неопределенности и расширению горизонтов планирования в аграрной сфере.

Хотя в период НЭПа возникли новые возможности развития внегосударственных крестьянско-кооперативных хозяйств, уже после хлебного кризиса 1927-1928 гг. началось принудительное внедрение институциональных форм крупного обобществленного сельского хозяйства, сопровождавшееся ликвидацией индивидуальной и огосударствлением кооперативной форм

собственности, массовым колхозным строительством (с 1930 г.), репрессиями кулачества и середнячества («подкулачников») с экспроприацией их имущества, сплошной коллективизацией и тотальной демотивацией крестьянского населения. Институциональным фактором долгосрочного прогресса агропромышленной сферы стало образование в 1929 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) как ассоциации научно-исследовательских институтов. Однако волюнтаристское постановление ЦК ВКП(б) «О селекции и семеноводстве» (1931 г.) положило начало монополизации академии группой Т. Лысенко, пропагандировавших «мичуринскую биологию» в противовес генетике (Н. Вавилов и др.). Успешная борьба с «разветвленным вредительством» в ВАСХНИЛ на многие десятилетия подорвала потенциал и исказила формы институционализации сельскохозяйственной науки в СССР.

Утверждение с идеологических позиций главенствующей роли рабочего класса в революционных преобразованиях экономики выразилось в институциональном закреплении диспаритета статусов города и деревни, неэквивалентный обмен между которыми происходил в 1930-х гг. через посредство государственных машинно-тракторных станций (МТС). Происходило поступательное сокращение институционального диапазона колхозного крестьянства, представители которого были лишены реальных прав собственности и функций самоуправления (симуляция трудовой деятельности за трудодни, отсутствие паспортов и т.п.). Государственный монополизм в рамках декларируемой коллективной собственности проявился в институциональных формах установления хозяйственных норм и планов, диктата закупочных и сбытовых цен, а также структуры ассортимента сельскохозяйственной продукции.

Институциональные ловушки довоенной агроэкономики СССР выступали социально-функциональными формами закрепления воспроизводственных диспропорций, неэквивалентного обмена между производственной и сельскохозяйственной сферами, подрыва мотивации труда хозяйственных субъектов, установления идеологически обусловленных и экономически необоснованных ориентиров развития, комплексно повышая уровень транзакционных издержек в аграрной сфере (см. табл. 2) (Инишаков и Фролов, 2002).

Таблица 2

Институциональные «ловушки» в аграрной сфере народного хозяйства СССР (1917 г. – конец 1940-х гг.)

Уровень	Содержание
Хозяйствование	Институциональная «ловушка» диспаритета цен
Общественное сознание и регулирование	Институциональные «ловушки» идеологического волюнтаризма и научного монополизма
Производство	Институциональная «ловушка» угнетения малых и средних форм аграрного производства
Труд	Институциональная «ловушка» демотивации труда колхозников
Собственность	Институциональные «ловушки» тотального огосударствления и сплошной коллективизации

Источник: составлено авторами.

Периодически предпринимавшиеся в послевоенный период попытки повышения эффективности функционирования АПК абстрагировались от реальных финансовых и материально-технических возможностей государства, носили непоследовательный, научно необоснованный характер тактического лавирования, а не стратегически определенного эволюционного движения.

После октябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. был реализован экстенсивный вариант развития сельскохозяйственного производства в форме расширения масштабов пахотных территорий путем освоения целинных и залежных земель в восточных районах страны, где в 1954-58 гг. было организовано 1750 новых

совхозов, получивших значительные бюджетные ассигнования. Параллельно началось ущемление института личного подсобного хозяйства, начало которому положило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели...» (1956 г.). В конце 1950-х гг. произошла ликвидация МТС как посреднического института с целью повышения эквивалентности обмена между аграрной и промышленной подсистемами АПК. Мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г. закрепил за АПК статус приоритетного направления ускоренного развития народного хозяйства, что выразилось в формах резкого повышения бюджетных ассигнований и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию (в том числе установления 50%-ной надбавки к цене за излишки продовольственных культур), развития материально-технической базы и социальной инфраструктуры, подъема гидромелиоративных и агрохимических работ, углубления специализации и т.д. Аналогичный институциональный импульс притоку инвестиций и инноваций в АПК, снижению транзакционных издержек администрирования был создан после принятия Продовольственной программы (1982 г.).

Причинами провала всех попыток конструктивных реформ АПК в 1950-1980-х гг. стали волюнтаризм, формализм и бюрократизм как неизбежные следствия государственного монополизма, игнорирование глубинных противоречий хозяйственного механизма агропромышленной деятельности, преобладание внеэкономических методов стимулирования труда, идеологически определенное стремление к консервации диспропорций отношений собственности и адаптации неэффективной институциональной матрицы аграрной сферы к задачам ее интенсивного развития.

Новыми институциональными формами межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции в 1970-х гг. стали районные агропромышленные объединения (РАПО), комбинаты, агрофирмы. Будучи нацелены на интенсификацию развития АПК, они функционировали в рамках экстенсивного, высокочрезмерного хозяйственного механизма, что существенно снижало их эффективность. Райкомы КПСС конкурировали за размещение РАПО на подведомственной территории, игнорируя принципы экономической рациональности размещения ресурсов в пространстве под влиянием ущербной институциональной рациональности укрепления своего административного статуса. В полной мере проявилась иллюзорность представления о возможности замещения неразвитого институционального фактора агропромышленного производства техническим в формах мелиорации, механизации и химизации, а монополизм производителей средств производства для сельского хозяйства привел к застою научно-технического развития.

Институциональные «ловушки» в послевоенный период развития АПК СССР стали фактором синергического усиления негативных процессов падения эффективности использования трансформационных факторов, инициировав резкий спад темпов роста выпуска сельскохозяйственной продукции, импорт продовольствия из-за рубежа, подрыв экономических позиций отечественных производителей (см. табл. 3). Преодоление этих тенденций путем модифицирующих институциональных изменений в период перестройки было объективно невозможным в рамках недостаточного инвестиционного диапазона реформ, что выразилось в росте транзакционных издержек и непроизводственных потерь.

К началу 1990-х гг. основным институциональным противоречием в АПК стало полное несоответствие доминировавших государственно-монополистических отношений собственности потребностям хозяйственных субъектов в расширении институционального диапазона самоуправления, инициативности и демократизации. Деформация институциональной структуры снижала эффективность агроэкономики, усугубляясь нараставшим общесистемным экономическим и политическим кризисом.

Таблица 3

Институциональные «ловушки» в АПК СССР (1950-1980-е гг.)

Уровень	Содержание
Хозяйствование	Институциональные «ловушки» неэквивалентного обмена между промышленной и аграрной сферами, диспропорции закупочных и розничных цен, доминирования производителей средств производства и диктата расценок со стороны инфраструктурных предприятий, централизованного распределения продовольственной продукции (дефицит) и развития спекулятивного «черного» рынка
Общественное сознание и регулирование	Институциональные «ловушки» иждивенческой психологии, стереотипа «ничейности» колхозного имущества, командно-директивного стиля руководства, ведомственной разобщенности предприятий
Производство	Институциональные «ловушки» несистемных инвестиционных «инъекций», нетоварного агропромышленного производства, подмены концентрации производства «гигантоманией», превалирования групповых интересов партнеров по РАПО над ассоциированными
Труд	Институциональные «ловушки» демотивации и ослабления дисциплины труда колхозников в результате отрыва оплаты труда от его результатов, массового оттока сельского населения в города («лимитчики»)
Собственность	Институциональная «ловушка» тотального огосударствления и отчуждения крестьян от коллективной собственности

Источник: составлено авторами.

Усиление центробежных тенденций и распад народнохозяйственного комплекса СССР оказали мощное негативное влияние на развитие АПК, детерминировав затяжной спад сельскохозяйственного производства, разрыв экономических связей и острый дефицит инвестиционных ресурсов, износ основных производственных фондов, сокращение парка тракторов и машин, экспансию теневых рынков и коррупции в аграрной сфере, деградацию трудовой мотивации, банкротство множества агропредприятий и снижение уровня продовольственной безопасности страны. Приватизация и паевой раздел сельхозпредприятий как способы перехода к институциональной матрице АПК рыночного типа не стали механизмами оптимизации структуры собственности в аграрной сфере и не решили проблемы повышения ее эффективности. Статусы трудящегося в сельском хозяйстве и деятеля аграрной науки закрепились в нижнем слое системы социальной стратификации, что детерминировало тенденции старения сельского населения и научных кадров, дефицита квалифицированных специалистов, порождая угрозу отчуждения отдельных частей экономического пространства страны в результате оттока населения с традиционно аграрных территорий.

Недостаточная эффективность рыночных преобразований АПК связана с деформацией системных функций государства. Либерально-рыночные реформы, проводившиеся в 1990-х гг. на основе парадигмы «Вашингтонского консенсуса», привели к резкому сокращению участия государства в институциональном регулировании и инвестиционной поддержке АПК, падении уровня закупок сельскохозяйственной продукции в форме госзаказа на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. В связи с необходимостью подавления инфляционных процессов и преодоления кризиса неплатежей макроэкономическая политика была переориентирована исключительно на финансовые методы и инструменты. Под влиянием инерционного эффекта монетаристский подход продолжает устойчиво

воспроизводиться и на современном этапе развития экономики России, несмотря на стабилизацию денежной системы и нормализацию уровня монетизации рыночных транзакций.

Модернизация АПК связывается с увеличением или сокращением объемов бюджетного финансирования приоритетных направлений его развития, необоснованно игнорируя значимость развития институционального механизма, соответствующих методов, инструментов и каналов действия, введения эффективных правил и процедур, укрепления статусов субъектов и спецификации прав собственности. Институциональные инновации на различных уровнях АПК способны создать эффект акселерации его развития в стратегическом русле. Напротив, затягивание и блокирование ключевых конституирующих элементов правового поля агропромышленной деятельности ведут к консервации институциональных противоречий. Развитие институциональной инфраструктуры АПК характеризуется существенной асинхронностью формирования и низкой эффективностью ключевых элементов (рынка зерна, фьючерсных биржевых торгов, земельного рынка, информационной системы), значительной региональной асимметрией нормативно-правовой среды, высокой гетерогенностью институциональных субъектов и глубокой многоукладностью агроэкономики, повышением влияния частных посреднических структур, отраслевой и региональной монополизацией продовольственных рынков, усилением роли теневого и неформального компонентов.

Коммерциализация взаимодействий субъектов сельскохозяйственного производства как институционального «ядра» АПК с внешней рыночной средой выразилась в повышении транзакционных издержек. Высокий уровень монополизации потребительских рынков привел к развитию институции навязанного посредничества, обеспечивающей скупку сельскохозяйственной продукции у мелких и средних хозяйственных субъектов по заниженным ценам. Монополизм на рынках горюче-смазочных материалов и минеральных удобрений позволяет производителям ежегодно повышать цены в пиковые периоды сельскохозяйственного цикла с опережением темпов инфляции. Проблема диспаритета цен на продукцию аграрной и промышленной сфер, сложившаяся в рамках экономики государственно-монополистического типа, продолжает устойчиво воспроизводиться на базе институтов рыночного хозяйства. В условиях сращивания интересов крупного капитала и бюрократии при слабости отраслевых и профессиональных аграрных ассоциаций диспаритет цен закрепился как институциональная «ловушка», производя мощные негативные экстерналии в общехозяйственном масштабе.

Скрытая монополизация рынка земельных ресурсов реализуется путем захвата институции землеустройства региональной и местной бюрократией. При земельных комитетах повсеместно создаются аффилированные фирмы, устанавливающие монопольные цены на работы по межеванию земельных участков. Транзакционные издержки оборота земель сельскохозяйственного назначения повышают иррационально длительные процедуры постановки участков на кадастровый учет. Высок уровень коррупции в сферах аренды и субаренды земли, выделения и перераспределения участков. Сложились теневые рынки земельных ресурсов, широко практикуется коммерческая продажа участков сельскохозяйственного назначения, причем такие данные не отражаются статистикой Минсельхоза России. В результате сдерживаются инициативные процессы освоения заброшенных и выведенных из оборота плодородных земель.

Элементы монополизма на рынке инвестиционных ресурсов проявляются в формах административных барьеров и экономически необоснованных преференций при распределении льготных кредитов, развития теневых рынков банковских кредитов и институции преднамеренного банкротства. Низкая ликвидность имущества большинства сельскохозяйственных предприятий определяет их некредитоспособность и не позволяет модернизировать технологии производства,

мотивируя к использованию теневых схем. Лимитирующим моментом развития мелкого и среднего агробизнеса является скорость оборота авансированного капитала, что при его небольших размерах ведет к сверхинтенсивному использованию человеческого фактора (неквалифицированной рабочей силы) на трудозатратных сельскохозяйственных работах. Происходит замещение сложных капиталоемких и наукоемких факторов сельскохозяйственного производства более простыми, трудоемкими, что ведет к качественному обеднению хозяйственной деятельности в аграрной сфере.

Формальное расширение институционального диапазона субъектов АПК реально подменяется искусственным стимулированием одних и притеснением других форм хозяйствования, опровергая декларировавшуюся в ходе рыночных преобразований поддержку многоукладности. Опорными институциями рыночной эволюции АПК на современном этапе являются фермерство и личное подсобное хозяйство как специфические формы индивидуального и семейного предпринимательства в сфере сельскохозяйственного производства. Вклад малого агробизнеса в объем валовой продукции сельского хозяйства начиная с середины 1990-х гг. варьируется в пределах 50-60%, а численность занятых в индивидуальных, семейных хозяйствах и малых агропредприятиях за этот период возросла вдвое. Однако государственная агропромышленная политика фокусируется на поддержке крупного бизнеса, тогда как малые и средние формы хозяйствования несут дополнительные транзакционные издержки из-за недостаточной определенности своего статуса. Фермерские хозяйства по федеральному законодательству ведут сложную налоговую и бухгалтерскую отчетность, неэффективна система пенсионного обеспечения фермеров, земельные участки выделяются по остаточному принципу, затруднено подключение к каналам льготного кредитования, а в связи с низкой правовой защищенностью высок уровень коррупционного давления. Реакцией на отсутствие стабильно работающих институтов поддержки малого и среднего агробизнеса являются процессы бессистемной горизонтальной и вертикальной интеграции как формы стихийной самоорганизации хозяйственных субъектов с целью повышения институциональной защищенности.

АПК современной России характеризуется комплексом дисфункций и институциональных «ловушек», повышающих транзакционные издержки деятельности субъектов сельскохозяйственного производства и расширенно воспроизводящих субоптимальное равновесие институциональных интересов (см. табл. 4).

Таблица 4

**Институциональные ловушки в современном российском АПК
(1990-е гг. – н.в.)**

Уровень	Содержание
Хозяйствование	Институциональные «ловушки» диспаритета цен и монополизации потребительских рынков (вменяемое посредничество)
Общественное сознание и регулирование	Институциональные «ловушки» монетарных методов реформирования АПК, коррупции, приоритетной поддержки крупного производства
Производство	Институциональные «ловушки» фиктивного импортозамещения, монополизации рынков земельных, инвестиционных и материальных ресурсов
Труд	Институциональная «ловушка» демотивации сельскохозяйственного труда
Собственность	Институциональная «ловушка» частной собственности на землю

Источник: составлено авторами.

Опыт рыночной трансформации и модернизации АПК России подтверждает стратегическое значение институционального направления структурных изменений, его приоритетную роль по отношению к денежной и бюджетной политике, необходимость стратегического системного подхода к развитию институциональной структуры аграрной сферы.

Перспективы институциональных изменений в сфере АПК

Основной проблемой рыночной трансформации АПК было преодоление инерционного эффекта, связанного с детерминирующим («сковывающим») влиянием институциональных механизмов и «ловушек», сложившихся в государственно-монополитический период его эволюции. Главной задачей модернизации АПК на современном этапе является комплексное совершенствование всей системы институциональных механизмов, их взаимная координация и интегральная оптимизация. Будучи важным звеном обеспечения экономической безопасности страны, отечественный АПК предполагает активное институциональное регулирование со стороны государства, не только в рамках приоритетного национального проекта, но посредством непрерывного мониторинга институциональных «ловушек» и дисфункций, адекватного организационного, институционального и информационного обеспечения деятельности хозяйственных субъектов.

Уточнение функций, спецификация правомочий и унификация механизмов земельной собственности – ключевой этап модернизации институциональной структуры АПК, обеспечивающий повышение уровня определенности и уверенности субъектов данной сферы хозяйства, предполагающий развитие рынка земельных ресурсов, включение стоимости земли в балансы сельскохозяйственных предприятий и фиксацию арендной платы на уровне реальной отдачи участков. Пространственный аспект модернизации институциональной структуры АПК связан с развитием кластерного подхода. Функциями кластеров как инновационно-ориентированных территориально-производственных комплексов агропромышленной сферы хозяйства являются мобилизация инновационных ресурсов, формирование синергического эффекта кооперации хозяйственных субъектов разного масштаба и специализации, развитие новых форм институциональной самоорганизации, инкубация наукоемких опытно-производственных структур, совершенствование агротехнологий, в целом развитие инновационного сектора российского АПК. Экономический смысл кластеров – локальная концентрация институциональной и технологической инфраструктуры для развития инновационных проектов в агробизнесе.

Институциональная структура АПК как объект стратегического государственного регулирования на современном этапе требует системного подхода к осуществлению целенаправленных конструктивных изменений в формах учета интересов всех категорий институциональных субъектов; дифференциации и детализации ориентиров, императивов и приоритетов стратегического планирования и управления; использования широкого спектра институциональных инструментов и методов координации; усиления государственной поддержки в формах льготного кредитования и субсидирования на фоне вступления в ВТО; повышения доступности долгосрочных кредитов; упрощения разрешительных и регламентационных процедур; продвижения национального бренда сельскохозяйственных товаропроизводителей; институционального стимулирования развития аграрной науки; укрепления институциональной инфраструктуры АПК, связанной с внедрением новых технологий, консалтингом и обучением; преодоления институциональных барьеров фермеризации путем внесения необходимых поправок в земельное законодательство; обеспечения условий тесного взаимодействия субъектов сельскохозяйственного производства и сбыта без навязанного посредничества; мотивирования кооперации и интеграции мелких и средних агропромышленных предприятий; усиления социальной ответственности

государства перед субъектами АПК.

В современных условиях важно как увеличение уровня государственной инвестиционной поддержки, так и внедрение прогрессивных институциональных механизмов, эффективных инструментов, методов, форм, процедур и каналов получения и использования средств. Необходимо ускорить развитие эффективных институциональных механизмов льготного кредитования, преобразовать коррумпированную «разрешительную систему» в сфере земельной собственности, сбалансировать систему государственной поддержки АПК путем ее переориентации на мелкий и средний агробизнес. Приоритетным направлением модернизации институциональной структуры агроэкономики должен стать курс на ускорение прохождения институциональных процедур посредством их рационального упрощения, что способно стать фактором общесистемного снижения транзакционных издержек. Нуждается в значительном усовершенствовании механизмы статусной мотивации работников сельского хозяйства, стимулирования притока новых кадров в аграрную сферу и науку. Следует активизировать борьбу с монополизмом на потребительских рынках и рынках критически важных ресурсов для аграрного производства (горюче-смазочные материалы, минеральные удобрения и т.п.). Необходимо повысить прозрачность деятельности государственных институтов развития, определить четкие правила принятия решений по отбору инвестиционных проектов на конкурсной основе.

Стратегия институционального развития АПК должна строиться с учетом объективной дифференциации масштабов его субъектов. Повышение численности занятых в малом сельскохозяйственном бизнесе и увеличение доли продукции семейных хозяйств в валовом объеме выпуска АПК предполагают необходимость стратегической переориентации системы федеральных дотаций и компенсаций с крупных производителей на мелких и средних. Институциональными импульсами повышения эффективности малого агробизнеса призваны стать прогрессивные технологии микрокредитования, возобновление практики стартовых бюджетных кредитов крестьянско-фермерским хозяйствам, обеспечение равных условий в отношениях субъектов АПК и других сфер экономики, совершенствование механизмов госзаказа и инвестирования. При этом важно избежать прямого государственного вмешательства в процесс сельскохозяйственного производства, ведущего, как показывает зарубежный опыт, к институциональной «ловушке» бесконечного субсидирования фермеров. Так, адресная и селективная поддержка участников агропромышленного производства должна базироваться на научно обоснованных приоритетах стратегического развития АПК, т.е. быть институционально обоснованной. Последовательный отказ от сугубо монетаристских подходов к развитию АПК (метод бюджетных «инъекций») должен сопровождаться глубокими и системными институциональными изменениями.

Основой повышения конкурентоспособности отечественного АПК является продуктивное многообразие форм собственности и хозяйствования. Специфика масштаба, пропорций, насыщенности, фрикционности институциональной среды российского АПК и ее высокая региональная дифференциация не позволяют выработать или «трансплантировать» универсальную модель институциональной структуры данной сферы рыночного хозяйства. Необходим эволюционный поиск баланса интересов всех институциональных субъектов АПК, в том числе малых фермеров и крупных вертикально-интегрированных агрохолдингов, арендаторов и собственников земельных ресурсов, сельскохозяйственной и перерабатывающей промышленности, агробизнеса и торговых сетей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барлыбаев А. А. (2005). Институциональная эволюция агрохозяйственной системы современной России и индивидуально-семейные хозяйства. Уфа: РИО БашГУ.

Зельднер А. Г. (2000). Приоритеты, институты и механизмы выхода аграрной сферы из кризиса в XXI веке. М.: ИЭ РАН.

Игнатова Т. В. (2001). Институциональные реформы в аграрном секторе экономики России / Т. В. Игнатова, Л. Б. Кегярикова, А. П. Яланский. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС.

Иншаков О. В. (1995). Механизм социально-рыночной трансформации и устойчивого развития АПК России. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Иншаков О. В. и Фролов Д. П. (2002а). Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.): В 2 т. Т. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Иншаков О. В. и Фролов Д. П. (2002б). Институционализм в российской экономической мысли (IX-XXI вв.): В 2 т. Т. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ.

Кресникова Н. И. (2006). Институциональные основы земельных отношений в России и зарубежных странах. М.: ВИАПИ: ЭРД.

Маевский В. (1997). Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Изд-во «Япония сегодня».

Полтерович В. М. (2006). Предисловие редактора // Попов Е. В., Лесных В. В. Институциональные ловушки Полтеровича и транзакционные издержки / под ред. В. М. Полтеровича. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН.

Aoki M. (2007). Endogenizing institutions and institutional changes // *Journal of Institutional Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 1–31.

Dequech D. (2013). Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.

Eggertsson T. (1990). *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge University Press.

Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hanappi D. (2011). Economic Action, Fields and Uncertainty // *Journal of Economic Issues*, vol. XLV, no. 4, pp. 785–803.

Laurent J. and Nightingale J. (2001). *Darwinism and Evolutionary Economics*. Northampton: Edward Elgar Publishing.

Loasby B. J. (2012). Building systems // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 833–846.

Matthews R. (1986). The Economics of Institutions and The Sources of Growth // *The Economic Journal*, vol. 96, pp. 903–910.

Nelson R.R. (2002). Bringing institutions into evolutionary growth theory // *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 12, no. 1–2, pp. 17–28.

North D. (1998). Economic Performance Through Time // *The New Institutionalism in Sociology* / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y.: Russel Sage.

Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Shock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*, vol. 28, pp. 595–613.

REFERENCES

Aoki M. (2007). Endogenizing institutions and institutional changes. *Journal of Institutional Economics*, vol. 3, no. 1, pp. 1–31.

Barlybayev A. A. (2005). Modern Russian agro-industrial system's institutional evolution and individual family households. Ufa, RIO BashSU. (In Russian).

Dequech D. (2013). Economic institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.

Eggertsson T. (1990). *Economic Behavior and Institutions*. Cambridge University Press.

Greif A. (2006). *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge, Cambridge University Press.

Hanappi D. (2011). Economic Action, Fields and Uncertainty. *Journal of Economic Issues*, vol. XLV, no. 4, pp. 785–803.

Ignatova T. V. (2001). Institutional reforms of the Russian agro-industrial

complex / T. Ignatova, L. Kegyarikova, A. Yalanskiy. Rostov-on-Don, Publ. House of The South Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (In Russian).

Inshakov O. V. (1995). Russian agro-industrial complex mechanism of socio-market transformation and sustainable development. Volgograd, Publ. House of VolSU. (In Russian).

Inshakov O. V. and Frolov D. P. (2002a). Institutionalism in Russian Economics (IX-XXI centuries): Edition 2, vol. 1. Volgograd, Publ. House of VolSU. (In Russian).

Inshakov O. and Frolov D. P. (2002b). Institutionalism in Russian Economics (IX-XXI centuries): Edition 2, vol. 2. Volgograd, Publ. House of VolSU. (In Russian).

Kresnikova N. I. (2006). Land relations' institutional fundamentals in Russian and abroad. Moscow, VIAP: ERD. (In Russian).

Laurent J. and Nightingale J. (2001). Darwinism and Evolutionary Economics. Northampton, Edward Elgar Publishing.

Loasby B. J. (2012). Building systems. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 22, no. 4, pp. 833-846.

Matthews R. (1986). The Economics of Institutions and The Sources of Growth. *The Economic Journal*, vol. 96, pp. 903-910.

Mayevsky V. (1997). Intriduction into evolutionary Macro-Economics. Moscow, Publ. House "Yaponiya Segodnya". (In Russian).

Nelson R.R. (2002). Bringing institutions into evolutionary growth theory. *Journal of Evolutionary Economics*, vol. 12, no. 1-2, pp. 17-28.

North D. (1998). Economic Performance Through Time // The New Institutionalism in Sociology / M. Burton and V. Nee, eds. N. Y., Russel Sage.

Polterovich V. M. (2006). Editor's foreword // E. V. Popov, V. V. Lesnykh, Institutional Traps by Polterovich and Transactional Costs / Ed. by V. M. Polterovich. Ekaterinburg, Publ. House of Russian Academy of Sciences Institute of Economics. (In Russian).

Williamson O. (2000). The New Institutional Economics: Taking Shock, Looking Ahead. *Journal of Economic Literature*, vol. 28, pp. 595-613.

Zeldner A. G. (2000). Priorities, institutions and mechanisms of crisis recovery in the Russian agro-industrial complex of the 21st century, Moscow, Publ. House of Russian Academy of Sciences Institute of Economics. (In Russian).

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ СОЗДАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО КОМПЛЕКСА

ШЕВЕЛЕВА АНАСТАСИЯ ВИКТОРОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

Негативное антропогенное воздействие на окружающую среду сейчас ощущается особенно остро и приобретает глобальный характер, что может в конце концов привести к экономическому и экологическому коллапсу. Одним из наиболее масштабных субъектов экономической среды, наносящих вред окружающей среде, являются предприятия нефтегазового комплекса, так как они в больших объемах выбрасывают загрязняющие вещества и в высоких объемах извлекают природные ресурсы. Однако сфера деятельности таких предприятий является приоритетной для экономики страны, а сложная заменяемость энергетических сырьевых ресурсов требует от государства и нефтегазовых предприятий разработки в рамках реализации целостной отраслевой эколого-экономической политики экономического механизма стимулирования экологически устойчивого развития нефтегазового комплекса.

Опыт прошлых лет в рамках регулирования и стимулирования снижения загрязнения показывает, что самый действенный способ достижения этого – осуществление серьезных капиталовложений во внедрение экологически чистых технологий в производственный процесс, позволяющих получить меньший поток загрязнения «на выходе» производственной системы, а также рециклинг ресурсов, что может быть обеспечено путем внедрения в практику работы компании наилучших доступных технологий. Задачам экологически устойчивого развития также будут отвечать задачи экономики не только в производственно-энергетическом, но и в энергопотребительском секторе, для чего необходимо обеспечить соответствие технологий, используемых в добывающем и перерабатывающем энергетических секторах, с технологиями экономии энергии в потребительском секторе.

В статье в связи с этим большое внимание уделено возможности формирования такого экономического механизма через механизм государственно-частного партнерства, что подразумевает, что эколого-экономические стратегии развития предприятий нефтегазового комплекса должны быть согласованы с энергетическими стратегиями развития регионов и страны в целом.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс; негативное антропогенное влияние; экологическая политика; государственно-частное партнерство.

ASSESSMENT OF CREATION PROSPECTS OF THE EFFECTIVE ECONOMIC STIMULATION MECHANISM OF ECOLOGICALLY SUSTAINABLE OIL AND GAS COMPLEX DEVELOPMENT

SHEVELEVA ANASTASIA, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department
«Management, Marketing and Foreign Economic Activity»,
Institute of International Relations (University) of the
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow,
e-mail: a_sheveleva@rambler.ru

Negative anthropogenous impact on environment is now felt especially sharply and gains global character that can lead to economic and ecological collapse, eventually. One of the most large-scale subjects of the economic environment doing harm to environment are the enterprises of an oil and gas complex as they in large volumes throw out the polluting substances and in high volumes take natural resources. However the field of activity of such enterprises is priority for national economy, and difficult interchangeability of energy raw material resources demands from the state and the oil and gas enterprises of development within realization of complete branch ecological-economic policy of the economic mechanism of stimulation of ecologically sustainable development of an oil and gas complex.

Experience of last years within regulation and stimulation of decrease in pollution shows that the most effective way of achievement of it is implementation of serious capital investments in introduction of the environmentally friendly technologies in production allowing to receive a smaller stream of pollution "at the exit" a production system, and also a recycling of resources that can be provided by introduction in practice of work of the company of the best available technologies. Problems of ecologically sustainable development will also be answered by problems of economy not only in production and power, but also in power - a consumer sector for what it is necessary to provide compliance of the technologies used in extracting and processing the energy sectors, with technologies of economy of energy in a consumer sector.

In the paper in this regard much attention is paid to possibility of formation of such economic mechanism via the public-private partnership mechanism that means that ecological-economic strategy of development of the enterprises of an oil and gas complex have to be coordinated with power strategy of development of regions and the countries in general.

Keywords: oil and gas complex; negative anthropogenous influence; environmental policy; public-private partnership.

JEL: L12, L16, L32, L52, L71, Q57.

В соответствии с законодательством Российской Федерации экономический механизм охраны окружающей среды на данный момент включает в основном инструменты принуждения. В рамках такого механизма экономические инструменты связаны с административными инструментами государственного управления, а его основу составляют экологические платежи, налоги и экономические санкции за нарушение закрепленных норм, причем действенность применения подобных штрафов очень низкая. Практика природоохранной деятельности и показатели состояния окружающей среды доказывают, что

применение административных методов в сфере управления экологической безопасностью является малоэффективным, а инструменты носят ограниченный характер или не применяются вовсе.

Постановка проблемы

Создание экономического механизма стимулирования экологически устойчивого развития нефтегазового комплекса имеет в качестве первоочередной задачу обеспечения экологической безопасности, что достигается с помощью установления системы обязательных нормативов и правил по использованию природных ресурсов через разработку законодательно закреплённых экологических стандартов и привлечение виновных в экологических правонарушениях к юридической ответственности.

Для того, чтобы подобных ситуаций не возникало, разработка подобного механизма должна вестись государством с привлечением представителей нефтегазового бизнеса, так как только совместная их работа будет способствовать повышению эффективности экономического механизма и корректному использованию эколого-правовых норм. Понятие «экономический механизм охраны окружающей природной среды» включает в себя своеобразный правовой институт, представляющий совокупность правовых норм в области аккумуляции денежных средств, поступающих от субъектов природопользования как плата за ущерб, наносимый окружающей среде, а также финансирование мер в сфере природоохраны и экономического стимулирования предприятий путём предоставления различных видов льгот.

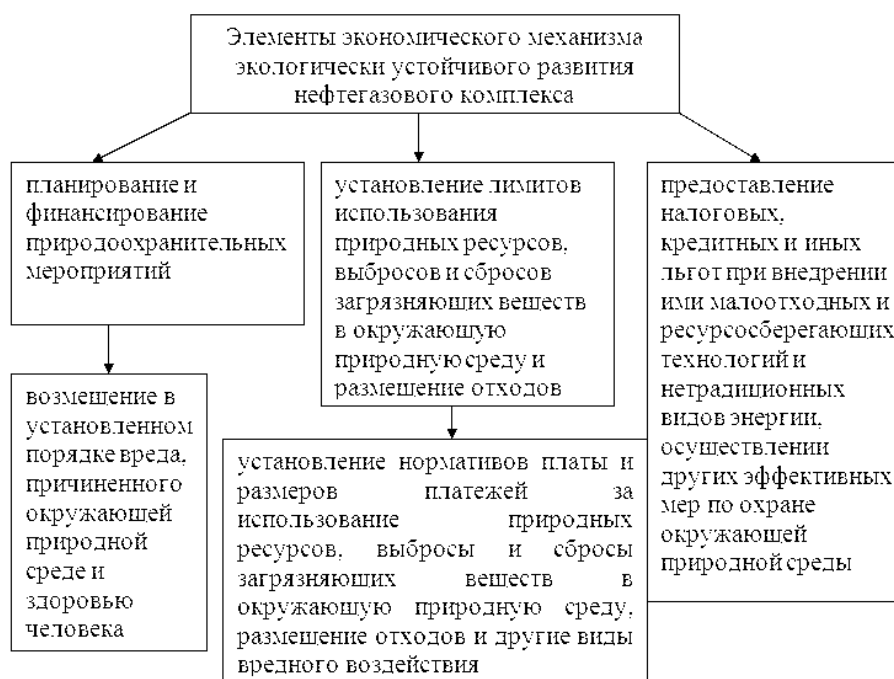

Рис. 1. Основные задачи экономического механизма

Источник: составлено автором.

Сегодня уже можно говорить о том, что предыдущая активная добыча нефти и газа привели к появлению эффекта так называемого «накопленного экологического ущерба», который проявляется в формировании значительных по площадям территорий, испытывающих на себе сегодня негативные последствия от предыдущей добывающей деятельности, которые не могут быть ликвидированы за счет ассимилятивных способностей экосистем. Это привело к деградации основных

функций такой деятельности, ухудшению качества других природных ресурсов данных территорий и к негативным последствиям для здоровья и уровня жизни проживающего там населения. Поэтому одной из задач разрабатываемого экономического механизма должна стать в частности и задача ликвидации последствий уже накопленного экологического ущерба.

Если обобщить все задачи, решению которых должен в значительной степени способствовать экономический механизм в рассматриваемой нами отрасли, то их можно представить в виде следующей системы (см. рис. 1).

Можно сказать о том, что негативное воздействие на окружающую среду является платным. Плата за природные ресурсы взимается

- за возможность использования природных ресурсов в рамках законодательно определенных лимитов;
- за нерациональное и/или сверхлимитное использование природных ресурсов;
- в целях последующего воспроизводства и охраны природных ресурсов.

Плата за загрязнение окружающей природной среды взимается за выбросы загрязняющих веществ, размещение отходов и другие виды загрязнения как в пределах, так и сверх установленных лимитов. Подобные взносы в 90%-ом размере поступают на специальные счета внебюджетных государственных экологических фондов, а в размере 10% зачисляются в региональные бюджеты Российской Федерации для финансирования деятельности территориальных органов государственного управления в области охраны окружающей природной среды.

Таким образом, экономическое стимулирование охраны окружающей природной среды осуществляется с помощью

- применения специальных налоговых методов стимулирования. Так, предприятиям, внедряющим малоотходные и безотходные технологии и производства, предоставляются налоговые льготы;
- освобождения от налогообложения экологических фондов;
- передачи части средств экологических фондов на договорных условиях под процентные займы предприятиям для проведения мероприятий по гарантированному снижению выбросов и сбросов загрязняющих веществ;
- применения ускоренной амортизации для основных производственных фондов природоохранных предприятий и предприятий, реализующих мероприятия по охране окружающей среды;
- введения платы за нормативные и сверхнормативные выбросы и сбросы вредных веществ, размещение отходов и другие вредные воздействия на окружающую среду;
- разработки финансовых программ. Позволяющих получить кредиты на льготных условиях предприятиям, эффективно осуществляющим охрану окружающей природной среды.

Необходимость разработки экономического механизма экологически устойчивого развития осложняет набирающая обороты проблема ограниченности запасов основных сырьевых энергетических ресурсов и их удорожание в связи с истощением наиболее экономически выгодных месторождений: конъюнктура мирового рынка энергоресурсов показывает их удорожание и сокращение запасов основных мест добычи. Кроме того, ряд стран и российских регионов уже столкнулись с исчерпанием месторождений энергоресурсов (например, Германия, а из российских регионов – Ростовская область (уголь), Краснодарский край (нефть)). Это позволяет предположить, что аналогичная проблема в скором будущем ожидает и нефтегазовую отрасль, что приведет в дальнейшем к обострению проблемы обеспечения энергетической безопасности страны. Поэтому эколого-экономическая стратегия развития нефтегазовых компаний должна разрабатываться на основе применения механизмов государственно-частного партнерства, так как подобная ситуация ставит необходимость проведения масштабных исследований в области альтернативной энергетики, предполагающих в случае нефтяного кризиса

переориентацию на новые альтернативные энергетические рынки. Подобные исследования требуют огромных вложений, имеют кроме экономической еще и большую социальную подоплеку, поэтому государство является заинтересованной стороной и должно выступить в качестве инициатора совершенствования действующего экономического механизма.

В связи с этим нестабильная конъюнктура нефтяного рынка, исследования, доказывающие наступление скорого дефицита нефти и газа, усложнение и удорожание работ по эксплуатационному бурению и разведке новых месторождений, заставляют обратиться к исследованию вопросов налаживания партнерских отношений между государством и нефтегазовым сектором, так как в создавшихся условиях только лишь новые технологии и инновации смогут обеспечить компании конкурентоспособность, а внедрить их без государственной поддержки практически невозможно, так как, к сожалению, в этом сегменте рынка частные инвесторы, как и сами компании, проявляют невысокую активность. Кроме того, качество запасов во вновь открываемых месторождениях в России падает, то есть растет доля трудноизвлекаемых запасов, добыча которых наносит серьезный урон окружающей среде.

Согласно проекту Генеральной схемы развития нефтяной отрасли России на действующих разрабатываемых месторождениях добыча нефти к 2035 году сократится на 34,5%, то есть больше чем на одну треть (см. рис. 2). Для получения необходимых объемов добычи необходима будет разведка и разработка новых месторождений, причем особое внимание необходимо будет уделить работам на шельфе и трудноизвлекаемым ресурсам (ТРИЗ).

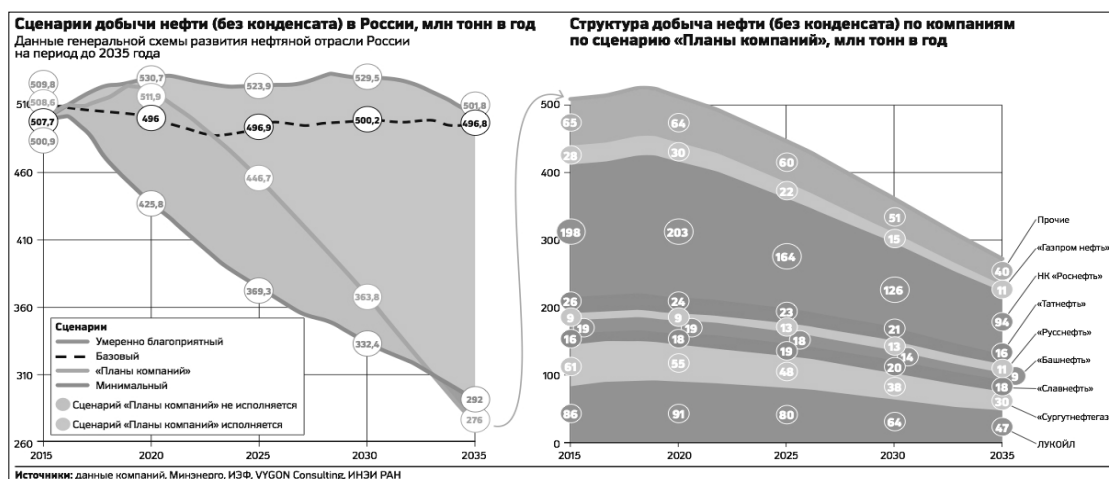

Рис. 2. Сценарий добычи нефти в период 2015 – 2035 гг.

Источник: (Подобедова).

Вышеприведенные цифры основаны на прогнозе социально-экономического развития России до 2030 года, который предполагает постепенный плавный рост цен на нефть уже с 2016 года и их установление районе \$94 к 2030 году. То есть, практически за 15 лет цена на нефть должна вырасти с \$50 почти до \$70, однако при сложившихся на данный момент ценах на нефть под угрозой срыва оказывается большая часть новых инвестиционных проектов по бурению скважин в Арктике, Восточной Сибири и ТРИЗах, так как такие работы капиталоемки, характеризуются длительными сроками окупаемости, и поэтому при низких ценах на нефть становятся нерентабельными. Поэтому в условиях сохранения низких мировых цен на нефть в среднесрочной перспективе будет крайне сложно реализовать задачу по поддержанию достигнутого ее уровня. Единственным решением в такой ситуации может стать повышение эффективности добычи на действующих месторождениях. Отметим, что государственное регулирование в виде

введения налога на финансовый результат, по мнению экспертов, могло бы стать серьезным стимулом для повышения эффективности использования зрелых месторождений, что позволило бы избежать резкого снижения добычи на действующих скважинах, снизить потребность в разработке новых месторождений дорогой нефти, а значит тем самым сохранить окружающую среду.

Кроме того, понимание дефицитности производимого продукта привело компании к осознанию необходимости пересмотра своих стратегий в целях создания небольших, но более дешевых и гибких мощностей. В условиях, когда доступ к иностранному капиталу значительно затруднен, компаниям для реализации своих инноваций и внедрения новых технологий требуется особая поддержка, которую можно решить путем государственного инвестирования и применения режима госгарантий.

В связи с этим развитие нефтегазовой отрасли и возможность ее скорейшей диверсификации в рамках использования альтернативных источников энергии, в частности солнечной энергии, невозможно реализовать без новых технологий, в стимулировании внедрения которых не в меньшей степени заинтересовано и государство, так как оно отвечает за экономическую безопасность страны и за жизнь и здоровье каждого своего гражданина в отдельности.

Для проведения эффективной эколого-экономической политики необходим широкий спектр применяемых мер: эффективное государственное природоохранное регулирование (включая директивные инструменты) в совокупности с экономическими инструментами стимулирования экологически чистого производства, а также инструменты экологического регулирования самих компаний как основных потребителей природных ресурсов и «загрязнителей» окружающей среды.

В настоящее время можно говорить о том, что такой целостной стратегии в России и регионах нет. Крупные компании нефтегазового комплекса реализуют собственные экологические программы, однако их нельзя назвать согласованными ни друг с другом, ни с какой бы то ни было отраслевой политикой. В данной статье сделана попытка проанализировать существующие инструменты эколого-экономической политики основных крупных игроков нефтегазовой отрасли (ОАО «Газпром», Лукойл и Роснефть) в контексте вышеназванных приоритетов.

В настоящее время экологическая политика, выражающая позицию компаний по отношению к окружающей природной среде и реализации принципов устойчивого развития в современных условиях, является основой для определения их экологических стратегий, целевого планирования деятельности в сфере экологии на краткосрочный и среднесрочный период.

Для корректировки применяемых экономических методов для стабилизации эколого-экономической ситуации и улучшения параметров социально-экономического развития общества, нами предложено:

- введение стимулирующих коэффициентов уплаты «экологических» налогов и возможность увязывания размера налоговых отчислений с фактически произведенными затратами на реализацию мероприятий по снижению негативного воздействия на окружающую среду;
- создание прежде действовавшей системы экологических фондов для финансирования работ природоохранного назначения;
- осуществление государственной поддержки предприятий, внедряющих инновационные технологии и использующих нетрадиционные виды энергии и вторичные ресурсы в отраслевом законодательстве;
- создание механизма стимулирования банков, отнесенных Правительством к системообразующим, предоставления льготных программ кредитования инвестиционных проектов нефтегазовых компаний, связанных с защитой окружающей среды;
- реформирование системы налогового стимулирования для целей косвенной поддержки реализации корпорациями инвестиционно-инновационной

деятельности.

Обязательным условием успешной реализации предложенных механизмов экономического стимулирования будет являться реформирование системы нормирования, например, на основе уже упомянутых нами выше наилучших доступных технологий, широко используемого в странах ЕС. Использование НДТ является важнейшим механизмом экономического стимулирования субъектов предпринимательской деятельности к инвестированию собственных средств в природоохранные мероприятия.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что на данный момент в нашей стране не разработан рейтинг, позволяющий получить объективную и сопоставимую информацию об уровне экологической ответственности компаний нефтегазового сектора и масштабах их воздействия на окружающую среду. По инициативе WWF России и компании Креон в 2014 г. реализуется новый проект по экологическому рейтингу нефтегазовых компаний, который, как считают разработчики, позволит банкам отдавать предпочтение продукции более ответственной компании и оценивать различные корпоративные, в том числе и репутационные риски на основе объективного сравнения и оценки экологической ответственности компаний и их менеджмента¹. Рейтинг российских компаний за 2014 год представлен на рис. 3.

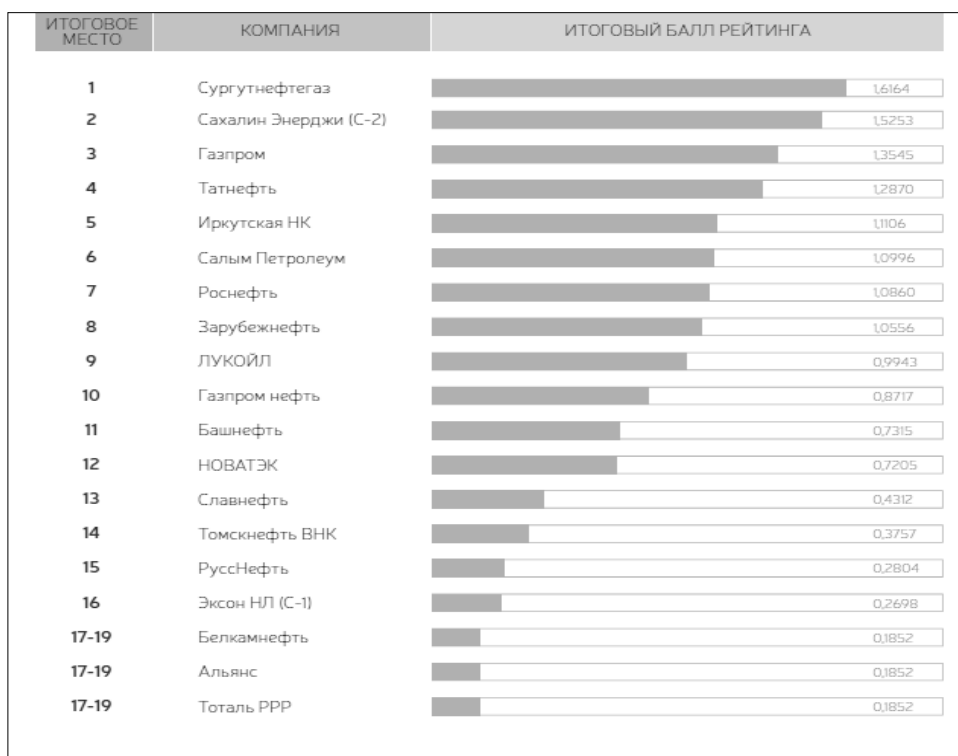

Рис. 3. Распределение нефтегазовых компании России в рейтинге экологической ответственности

Источник: Рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний России в 2014 году. (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating).

По нашему мнению, составление такого рейтинга должно инициироваться государством и учитываться при налогообложении той или иной компании, так как подобный рейтинг может стать важным элементом экономического механизма экологически устойчивого развития компании. Стоит отметить, что участие государства в этих процессах необходимо еще и потому, что снижение негативного воздействия на окружающую среду помимо прямого природоохранного эффекта

¹ См.: Официальный сайт организации WWF За живую планету! (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating).

имеет важный социальный результат: снижение негативного влияния на здоровье персонала и местных сообществ, недопущение разрушения ландшафтов.

Усиление внимания государства к обеспечению корпорациями норм экологической безопасности и реализация комплекса мер по экономическому стимулированию природоохранной деятельности обеспечат создание надежной базы, которая обеспечит стабильность российской экономики и станет гарантом сохранения жизни и здоровья граждан страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексей Книжников о прозрачности нефтегазовых компаний: «Те, кому нечего бояться, ничего и не скрывают» // Сайт информационного агентства БНК. (<http://www.bnkomi.ru/data/interview/42214/> – Дата обращения: 12.07.2015).

Директива ЕС по комплексному контролю и предотвращению загрязнения // Материалы проекта «Гармонизация экологических стандартов II. Проект ЕС – Россия». (<http://www.ippc-russia.org> – Дата обращения: 14.07.2015).

Директива ЕС по энергопотребляющей продукции (Energy-using Products Directive 2005/32/EC).

Методика оценки энергоэффективности газотранспортных объектов и систем (СТО Газпром 2-3.5-113-2007). (http://snipov.net/c_4683_snip_115409.html – Дата обращения: 11.07.2015)..

Методика расчета значений целевых показателей в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности, в том числе в сопоставимых условиях // Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 07 июня 2010 г. № 273.

Официальный сайт организации WWF За живую планету! (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating – Дата обращения: 12.07.2015).

Подобедова Л. Нефти нужна замена // Официальный сайт РБК. (<http://www.rbcdaily.ru/industry/562949996949260> – Дата обращения: 14.07.2015).

Рейтинг экологической ответственности нефтегазовых компаний России в 2014 году. (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating – Дата обращения: 12.07.2015).

Справочный документ по наилучшим доступным технологиям обеспечения энергоэффективности // Материал проекта «Гармонизация экологических стандартов II. Проект ЕС – Россия». (<http://www.ippc-russia.org> – Дата обращения: 11.07.2015).

Тяглов С. Г. и Шевелева А. В. (2014). Стратегические ориентиры устойчивого развития нефтегазового комплекса России // *Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова*, № 3, с. 402-406.

Шевелева А. В. (2014a). Наилучшие доступные технологии как инструмент механизма снижения негативного воздействия нефтегазового комплекса на окружающую среду // *Terra Economicus*, Т. 12, № 2, Ч. 3.

Шевелева А. В. (2014b). Повышение энергоэффективности нефтегазового комплекса России как условие его устойчивого развития: возможности восприятия европейского опыта // *Фундаментальные исследования*, № 12 (Часть 12), с. 2621-2625.

Шевелева А. В. (2015). К вопросу о разработке методики оценки повышения энергоэффективности нефтегазового комплекса России // *Современные проблемы науки и образования*, № 1.

Цыжонов И. (2012). Зачем бизнесу социальная ответственность? // «Expert Online» - 2012. (<http://expert.ru/2012/04/3/zachem-biznesu-sotsialnaya-otvetstvennost/> – Дата обращения: 12.07.2015).

Энергетическая стратегия России на период до 2030 года // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р.

Asbland A. (2005). "High temperatur air combustion".

- CIPEC* (2002). "Energy Efficiency Planning and Management Guide".
- EC* (2006). "Council Directive 2006/32/EC of 5 April 2006 on energy end-use efficiency and energy services and repealing Council Directive 93/76/EEC".
- Hardell R. and Fors J.* (2005). "How should energy efficiency be defined?"

REFERENCES

- Alexei Knizhnikov about Transparency of Oil and Gas Companies, "Those Who Have Nothing to Fear, Nothing to Hide" // Website News Agency BNK. (<http://www.bnkomi.ru/data/interview/42214/> - Access Date: 12.07.2015). (In Russian).
- Asbland A.* (2005). "High temperatur air combustion".
- CIPEC* (2002). "Energy Efficiency Planning and Management Guide".
- EC* (2006). "Council Directive 2006/32/EC of 5 April 2006 on energy end-use efficiency and energy services and repealing Council Directive 93/76/EEC".
- EU Directive on Energy-using Products (Energy-using Products Directive 2005/32/EC). (In Russian).
- Hardell R. and Fors J.* (2005). "How should energy efficiency be defined?"
- Methods of Assessing the Energy Efficiency of Gas Transportation Facilities and Systems (STO Gazprom 2-3.5-113-2007). (http://snipov.net/c_4683_snip_115409.html - Access Date: 11.07.2015). (In Russian).
- Methods of Calculating the Values of Targets in the Field of Energy Saving and Energy Efficiency, Including in Comparable Conditions // Order of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation of June 7, 2010 № 273. (In Russian).
- Podobedova L.* Oil need a replacement // Official Website of RBC. (<http://www.rbcdaily.ru/industry/562949996949260> - Access Date: 14.07.2015). (In Russian).
- Rating Environmental Responsibility of Oil and Gas Companies in Russia 2014. (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating - Access Date: 12.07.2015). (In Russian).
- Reference Document on Best Available Techniques for Energy Efficiency // Material of the Project "Harmonisation of Environmental Standards II. EU project - Russia". (<http://www.ipcc-russia.org> - Access Date: 11.07.2015). (In Russian).
- Russia's Energy Strategy until 2030 // Order of the Government of the Russian Federation of November 13, 2009 № 1715-r. (In Russian).
- Sheveleva A. V.* (2014a). Best available technologies as an investment of reducing the negative impact of oil and gas complex on the environment. *Terra Economicus*, vol. 12, no. 2, part 3. (In Russian).
- Sheveleva A. V.* (2014b). Improving the energy efficiency of oil and gas complex of Russia as a condition for its sustainable development: the perception of the possibility of the European experience. *Basic Research*, no. 12 (Part 12), pp. 2621-2625. (In Russian).
- Sheveleva A. V.* (2015). To the development of a technique of an estimation of efficiency of oil and gas complex of Russia. *Modern Problems of Science and Education*, no. 1. (In Russian).
- The EU Directive on Integrated Pollution Prevention and Control // Materials of the Project "Harmonisation of Environmental Standards II. EU Project - Russia". (<http://www.ipcc-russia.org> - Access Date: 14.07.2015). (In Russian).
- The Official Website of the Organization WWF for a Living Planet! (http://www.wwf.ru/about/what_we_do/oil/full_list/rating - Access Date: 12.07.2015). (In Russian).
- Tsyzhonov I.* (2012). Why does business need to be socially responsible? «*Expert Online*» - 2012. (<http://expert.ru/2012/04/3/zachem-biznesu-sotsialnaya-otvetstvennost/> - Access Date: 12.07.2015). (In Russian).
- Tyaglov S. G. and Sheveleva A. V.* (2014). Strategic guidance of sustainable development of oil and gas complex of Russia. *Bulletin of the North Ossetian State University of Costa Levanovich Khetagurova*, no 3, pp. 402-406. (In Russian).

ОЦЕНКА СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ И РАЗЛИЧИЙ РЕГИОНАЛЬНЫХ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ ЮГА РОССИИ

ЕЛХИНА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА,

аспирант кафедры экономической информатики и управления,
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград,
e-mail: irina_elkhina_@mail.ru

В отечественной и зарубежной практике существует большое количество методик оценки структурных сдвигов, однако отсутствуют критерии выбора того или иного метода в зависимости от целей исследования, что усложняет выбор конкретного инструментария. В статье приводятся результаты авторских расчетов индексов структурных сдвигов региональных хозяйственных систем Юга России по показателям валовой добавленной стоимости, занятости и инвестиций по видам экономической деятельности за период 2005-2012 гг. на основании индекса Рябцева. Анализ структурных различий регионов Юга России проводится с использованием индекса Рябцева по нескольким причинам: возможность применения на любой совокупности данных и наличие шкалы оценки структурных различий. Полученные результаты свидетельствуют о наименьших структурных сдвигах в сфере занятости населения и наибольших структурных сдвигах в сфере инвестиций в основной капитал. На основании сравнения структур экономик регионов Юга России выделены группы регионов в соответствии со степенью структурных различий анализируемых показателей. Полученные данные могут быть использованы при разработке стратегии развития регионов с учетом их структурных особенностей.

Ключевые слова: структурный сдвиг; индекс структурных сдвигов; структурные различия; отраслевая структура; региональная хозяйственная система; экономика Юга России.

ASSESSMENT OF STRUCTURAL SHIFTS AND DIFFERENCES OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS IN SOUTHERN RUSSIA

ELKHINA IRINA, A.,

Post-Graduate Student of the Department «Economic Informatics and Management»,
Volgograd State University, Volgograd,
e-mail: irina_elkhina_@mail.ru

There are many methodologies for assessing structural changes in domestic and foreign practice. But there are no criteria for method selection according to research purposes, which complicates the choice of instruments. The paper presents the original results of calculations of structural shift indices. This indices can explain the differences between regional economic systems of Southern Russia. The author used the indicators of gross value added, employment and investment by sector of economy since 2005 for 2012 years for calculating indices of structural shifts. The research is based on Ryabtsev index estimation. For analysis of the structural differences of regions of Southern Russia the author chose Ryabtsev index for several reasons: the possibility of using any set of statistical data and the

availability of an evaluation scale of structural differences. The results show that the smallest structural shifts we can observe in employment and the largest structural shifts in investment. In accordance with the degree of structural differences in the analyzed indicators, the author allocated groups of regions of Southern Russia, using a comparison of their economic structures. The data obtained in this research can be used to develop a strategy of regional development in view of their structural features.

Keywords: *structural shift; index of structural shift; structural differences; industrial structure; regional economic system; economy of Southern Russia.*

JEL: *E22, J21, O11, P25.*

Актуальность исследования структурных сдвигов и структурных различий региональных хозяйственных систем определяется рядом факторов. В первую очередь, необходимостью изучения и наращивания теоретической базы относительно структурных процессов, выявления закономерностей и взаимосвязей между элементами структуры, поскольку эти процессы носят противоречивый по содержанию и многообразный по форме характер. Во-вторых, недостаточностью методологических инструментов для исследования структурных изменений в экономике применительно к ее отраслевой структуре. В-третьих, отсутствием четких концептуальных основ и механизмов при разработке структурной (отраслевой) политики федерального и регионального уровней. В-четвертых, как отмечают Петров А. Н. и Ильченко А. Н., необходимостью апробации новых теоретико-методологических подходов к изучению структурных преобразований в экономике и реализации структурной (отраслевой) политики (Петров и Ильченко, 2011. С. 66).

Значительное влияние на функционирование экономических хозяйственных систем и на уровень социально-экономического развития регионов оказывает развитие конвергентных технологий, представляющих собой синергетическую комбинацию из четырех основных областей науки и техники: нано-, био-, инфо- и когнитивные технологии, - каждая из которых в настоящее время прогрессирует быстрыми темпами (Roco and Bainbridge, 2003), и составляющие ядро нового технологического уклада, становление которого отмечают Глазьев С. Ю., Иншаков О. В., Каблов Е. Н., Казанцев А. К., Акаев А. А. и другие. Новые технологии, участвующие в создании продукта регионального производства, определяют структуру экономики, преобладание тех или иных отраслей. В области региональной экономики исследования по интеграции анализа технологических и структурных изменений проводились Ф. Перру, который интегрировал роль технологических изменений в теорию «полюсов роста» (Perroux, 1983. P. 100), продолжающую исследования Й. Шумпетера, в частности в аспекте «созидательных разрушений» (Schumpeter, 2012. P. 81). Основным движущим фактором развития хозяйственных систем становится техническая эффективность, накопленная в ходе инновационной деятельности.

С целью определения наличия трансформационных процессов в региональных хозяйственных системах необходимо провести оценку структурных сдвигов и структурных различий. Существует ряд методик оценки структурных сдвигов: многомерный анализ данных, эконометрическое моделирование, математическое и имитационное моделирование, матричные методы, интегральные показатели и индексы. В связи с тем, что экономическая система является динамической, возникает необходимость сопоставления структурных сдвигов, происходящих во времени. Для этих целей используются индексы структурных сдвигов. Наиболее распространенными являются индексы Л. С. Казинца (Казинца, 1981), К. Гатева, А. Салаи и В. М. Рябцева (Рябцев и Чудилин, 2001). Между собой методики и показатели оценки структурных сдвигов различаются степенью сложности инструментов для проведения расчетов, а также задачами исследования. В то же время отсутствуют ясная интерпретация и критерии применения метода в

соответствии с конкретными целями, что затрудняет выбор средств для анализа структурных трансформаций экономических систем.

Оценка существенности структурных сдвигов в региональных хозяйственных системах России проведена с использованием индекса Рябцева по ряду причин: 1) возможность применения на любой совокупности статистических данных, в отличие от индекса Салаи; 2) наличие шкалы оценки меры существенности структурных различий (см. табл. 1), что позволяет интерпретировать полученные коэффициенты без использования сравнительного анализа. Таким образом, индекс Рябцева является наиболее предпочтительным с точки зрения экономической интерпретации и позволяет судить об устойчивости развития экономической системы. Его смысл сводится к отношению фактической меры расхождения значений компонентов двух структур с их максимально возможным значением.

Индекс Рябцева:

$$I_R = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_i^1 - d_i^0)^2}{\sum_{i=1}^n (d_i^1 + d_i^0)^2}},$$

где d_{i1} , d_{i0} – удельные веса признаков в совокупностях; i – число градаций в структурах.

Таблица 1

Шкала оценки меры существенности структурных различий по индексу Рябцева

Интервал значений индекса	Характеристика меры структурных различий
0,000 – 0,030	Тождественность структур
0,031 – 0,070	Весьма низкий уровень различия структур
0,071 – 0,150	Низкий уровень различия структур
0,151 – 0,3	Существенный уровень различия структур
0,301 – 0,5	Значительный уровень различия структур
0,501 – 0,7	Весьма значительный уровень различий структур
0,701 – 0,9	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: (Рябцев и Чудилин, 2001. С. 46-47).

С целью выявления структурных сдвигов в экономике регионов Юга России за последние несколько лет проведены расчеты индекса Рябцева по показателям валовой добавленной стоимости, занятости и инвестиций по видам деятельности за период 2005-2012 годы (см. табл. 2).

Таблица 2

Структурные сдвиги в регионах Юга России по показателям валовой добавленной стоимости, занятости и инвестиций за 2005-2012 гг.

Регион	Индекс Рябцева по ВДС	Индекс Рябцева по занятости	Индекс Рябцева по инвестициям
Республика Адыгея	0,123	0,060	0,314
Республика Калмыкия	0,168	0,048	0,604
Краснодарский край	0,2	0,066	0,256
Астраханская область	0,444	0,038	0,288
Волгоградская область	0,071	0,068	0,298

Окончание Табл. 1

Регион	Индекс Рябцева по ВДС	Индекс Рябцева по занятости	Индекс Рябцева по инвестициям
Ростовская область	0,078	0,067	0,217
Республика Дагестан	0,202	0,045	0,356
Республика Ингушетия	0,361	0,160	0,332
Кабардино-Балкарская Республика	0,19	0,061	0,362
Карачаево-Черкесская Республика	0,188	0,038	0,427
Республика Северная Осетия-Алания	0,177	0,022	0,369
Чеченская Республика	0,165	*	0,329
Ставропольский край	0,166	0,044	0,262

* данные за 2005 год по данному показателю отсутствуют.

Источник: рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2007, Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2013.

Наименьшие структурные сдвиги произошли в структуре занятости населения. По данному показателю структура экономик регионов Юга России за анализируемый период времени характеризуется весьма низким уровнем различия за исключением Республики Северная Осетия-Алания, в которой наблюдается тождественность структуры занятости населения по отраслям за период 2005-2012 гг., и Республики Ингушетия, для которой среди регионов Юга России получены наибольшее и наименьшее значение массы структурного сдвига в отрасли торговли (-6,7%) и других видов деятельности (5,8%) соответственно.

По показателю валовой добавленной стоимости регионы Юга России за рассматриваемый период в основной массе обладают существенным уровнем различия структур (Республика Калмыкия, Краснодарский край, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика, Ставропольский край). Отраслевая структура экономик Волгоградской и Ростовской областей и Республики Адыгея характеризуются низким уровнем различия структуры в 2012 году по сравнению с 2005 годом. Наибольшие значения структурных сдвигов получены в Республике Ингушетия (0,361) и Астраханской области (0,444). Отраслевые структуры экономик этих регионов характеризуются значительными изменениями за период 2005-2012 гг. Для Астраханской области это связано, в первую очередь, с переориентацией с рыбопромышленной и сельскохозяйственной специализации региона на газодобывающую (Бармин, 2011). В республике Ингушетия за анализируемый период значительно сократилась доля сельского хозяйства (72%) при увеличении доли строительства (17%) и доли государственного управления в два раза.

На основании результатов расчетов (см. табл. 2) видно, что наибольшие структурные изменения получены при анализе структуры инвестиций. Краснодарский край, Астраханская, Волгоградская, Ростовская области и Ставропольский край относятся к группе регионов с существенным уровнем различия структур. Значительным уровнем различия структур характеризуются 7 из 13 регионов Юга России: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика. Структура инвестиций в Республике Калмыкия в 2012 году по сравнению с 2005 годом со значением 0,604 характеризуется весьма

значительным уровнем различия. К 2012 году в регионе на 16,8% сократились инвестиции в строительство, на 8,8% – в добычу полезных ископаемых, на 7,6% – в сельское хозяйство при двукратном увеличении инвестиций в отрасль транспорта и связи. Остальные регионы характеризуются значительным уровнем различия структур. Однако следует принимать во внимание наличие определенного периода реализации инвестиционных проектов, что может отразиться на их структуре.

Используя значения показателей структуры одного из регионов в качестве базового показателя для расчетов индекса Рябцева, можно получить степень различия и сходства структур региональных экономических систем. В проводимом исследовании в качестве базового региона выбрана Волгоградская область. Результаты структурных различий экономики Волгоградской области с другими регионами Юга России за 2012 год приведены в табл. 3.

Таблица 3

**Структурные различия регионов Юга России по показателям
валовой добавленной стоимости, занятости и инвестиций в сравнении с
Волгоградской областью в 2012 году**

Регион	Индекс Рябцева по ВДС	Индекс Рябцева по занятости	Индекс Рябцева по инвестициям
ЮФО	0,208	0,101	0,257
Республика Адыгея	0,242	0,199	0,295
Республика Калмыкия	0,542	0,113	0,523
Краснодарский край	0,328	0,094	0,342
Астраханская область	0,422	0,113	0,473
Ростовская область	0,166	0,137	0,243
СКФО	0,323	0,083	0,419
Республика Дагестан	0,433	0,185	0,574
Республика Ингушетия	0,523	0,208	0,569
Кабардино-Балкарская Республика	0,218	0,115	0,498
Карачаево-Черкесская Республика	0,252	0,129	0,386
Республика Северная Осетия-Алания	0,340	0,091	0,365
Чеченская Республика	0,488	0,210	0,500
Ставропольский край	0,262	0,085	0,321

Источник: рассчитано автором на основе: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014: Стат. сб. М.: Росстат, 2014.

Как следует из полученных результатов, наиболее близкой Волгоградской области отраслевой структурой экономики по показателю валовой добавленной стоимости обладает Ростовская область. Существенный уровень отраслевого различия наблюдается при сравнении экономической структуры Волгоградской области со структурой Республики Адыгея, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края. Волгоградская область отличается значительным уровнем структурных различий с Краснодарским краем и Астраханской областью, Республиками Северная Осетия-Алания, Дагестан, Чеченской Республикой. Наиболее значительный уровень отраслевого различия экономики Волгоградской области наблюдается в сравнении с экономикой Республики Калмыкия, которая характеризуется аграрным типом, о чем свидетельствует структура ВРП региона. Доля сельского хозяйства в общей структуре ВРП Республики Калмыкия составляет 37,1% – самый большой процент среди всех регионов РФ.

По показателю численности занятых в экономике по видам экономической деятельности, в соответствии с расчетами индекса Рябцева, структурные различия самые минимальные и находятся в пределах от 0,083 в сравнении со средним значением показателя для Северо-Кавказского федерального округа и до 0,210 при сравнении с Чеченской Республикой.

При сравнении структур инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности регионов Юга России со структурой инвестиций Волгоградской области в 2012 году выявлены три уровня структурных различий: 1) существенный (Республика Адыгея и Ростовская область); 2) значительный (Краснодарский край, Астраханская область, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская и Чеченская Республики, Республика Северная Осетия-Алания, Ставропольский край); 3) весьма значительный (Республика Калмыкия, Республики Дагестан и Ингушетия).

Анализ структурных различий позволяет оценить структурные сдвиги и структуру экономики региона по отношению к процессам, происходящим в других регионах и Российской Федерации в целом, выявить региональные особенности экономической структуры и ее изменения. Однако подобный анализ не раскрывает причинно-следственные связи, объясняющие изменения в структуре хозяйственных систем, что обуславливает необходимость дальнейшего развития теоретико-методологической базы анализа трансформационных процессов.

На основании анализа различий структур регионов возможно объединение регионов в группы и применение однородных методов к региональным хозяйственным системам с аналогичной структурой. Вместе с тем, в южнороссийских регионах сохраняются значительные меж- и внутрирегиональные диспропорции социально-экономического развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абузарова М. И. (2011). Методологические основы структурных сдвигов в экономике // *Экономические науки*, № 4, с. 181-185.
- Акаев А. А. и Рудской А. И. (2014). Синергетический эффект NBIC-технологий и мировой экономической рост в первой половине XXI века // *Экономическая политика*, № 2, с. 25-46.
- Бармин А. Н. (2011). Региональная экономика Астраханской области: анализ ведущих промышленных комплексов // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, № 1 (26), с. 101-106.
- Глазьев С. Ю. (2009). Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. М.: «Тривант».
- Инишаков О. В. (2011). Становление глобальной наноиндустрии: социально-экономический аспект // *Законы России: опыт, анализ, практика*, № 9, с. 3-11.
- Каблов Е. Н. (2010). Шестой технологический уклад // *Наука и жизнь*, № 4, с. 2-7.
- Казанцев А. К., Киселев В. Н., Рубвальтер Д. А. и Руденский О. В. (2012). NBIC-технологии: Инновационная цивилизация XXI века. М.: ИНФРА-М.
- Казинец Л. С. (1981). Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (Показатели планирования и анализа). М.: Экономика.
- Красильников О. Ю. (2000). Структурные сдвиги в экономике современной России. Саратов: Научная книга.
- Перстенёва Н. Н. (2012). Критерии классификации показателей структурных различий и сдвигов // *Фундаментальные исследования*, № 3, с. 478-482.
- Петров А. Н. и Ильченко А. Н. (2011). Эконометрический анализ структурных сдвигов в экономике. Иваново: Иван. гос. хим.-технол. ун-т.
- Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Стат. сб. М.: Росстат, 2014, 652 с.
- Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2007, 991 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2013, 990 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2014, 900 с.

Рябцев В. М. и Чудилин Г. И. (2001). Региональная статистика. М.: МИД.

Структура ВРП по видам экономической деятельности в 2012 г. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# - Дата обращения: 14.04.2015).

Perroux F. (1983). A New Concept of Development: Basic Tenets. London: Taylor & Francis.

Roco M. C. and Bainbridge W. S, eds. (2003). Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. U.S. National Science Foundation. Kluwer Academic Publishers (currently Springer).

Schumpeter J. A. (2012). Capitalism, Socialism and Democracy, London and NY: Routledge.

REFERENCES

Abuzyarova M. I. (2011). Methodological bases of structural shifts in the economy. *Economic Sciences*, no. 4, pp. 181-185. (In Russian).

Akayev A. A. and Rudskoy A. I. (2014). Synergistic effect of NBIC-technologies and world economic growth in the first half of the XXI century. *Economic Policy*, no. 2, pp. 25-46. (In Russian).

Barmin A. N. (2011). The regional economy of the Astrakhan region: the analysis of the leading industrial complexes. *Caspian region: politics, economy, culture*, no. 1 (26), pp. 101-106. (In Russian).

Glazev S. Yu. (2009). Nanotechnologies as key to the new technological order in the economy. Moscow, «Trovant» Publ. (In Russian).

GRP Structure by Economic Activities in 2012. (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# - Access Date: 14.04.2015). (In Russian).

Inshakov O. V. (2011). Becoming the global nanotechnology industry: the socio-economic aspect. *Laws of Russia: Experience, Analysis, and Practice*, no. 9, pp. 3-11. (In Russian).

Kablov E. N. (2010). The sixth technological order. *Science and Life*, no. 4, pp. 2-7. (In Russian).

Kazantsev A. K., Kiselev V. N., Rubvalter D. A. and Rudenskiy O. V. (2012). NBIC-technologies: Innovative civilization of the XXI century. Moscow, INFRA-M Publ. (In Russian).

Kazinets L. S. (1981). Growth and structural changes in economy (Performance Planning and Review). Moscow, Economy [Ekonomika] Publ. (In Russian).

Krasilnikov O. Yu. (2000). Structural changes in the economy of modern Russia. Saratov, Scientific Book Publ. (In Russian).

Perroux F. (1983). A New Concept of Development: Basic Tenets. London, Taylor & Francis.

Persteneva N. N. (2012). Classification criteria and indicators of structural differences and shifts. *Basic Research*, no. 3, pp. 478-482. (In Russian).

Petrov A. N. and Ilchenko A. N. (2011). Econometric analysis of structural shifts in economy. Ivanovo, Ivanovo State University of Chemistry and Technology. (In Russian).

Regions of Russia. Main Characteristics of Subjects of the Russian Federation Stat. coll. Moscow, 2014. (In Russian).

Regions of Russia. Social and Economic Indicators. Stat. coll. Moscow, 2007. (In Russian).

Regions of Russia. Social and Economic Indicators. Stat. coll. Moscow, 2013. (In

Russian).

Regions of Russia. Social and Economic Indicators. Stat. coll. Moscow, 2014. (In Russian).

Roco M. C. and Bainbridge W. S, eds. (2003). Converging technologies for improving human performance: nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science. U.S. National Science Foundation. Kluwer Academic Publishers (currently Springer).

Ryabtsev V. M. and Chudilin G. I. (2001). Regional statistics. Moscow, MID. (In Russian).

Schumpeter J. A. (2012). Capitalism, Socialism and Democracy, London and NY, Routledge.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ/ДИВЕРГЕНЦИИ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ И «СОЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ» РЕГИОНОВ РФ*

МАЛКИНА МАРИНА ЮРЬЕВНА,

доктор экономических наук, профессор
кафедры экономической теории и методологии,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
e-mail: mmuri@yandex.ru

Целью данной статьи является измерение степени межрегиональной конвергенции/дивергенции среднедушевых ВРП, номинальных и реальных доходов и индекса социального благополучия регионов (ИСБ) в 2004-2013 годах, а также оценка факторов, вызвавших эти изменения. Методы исследования: дефлирование доходов населения на основе индекса относительной стоимости жизни в регионах; измерение социального благополучия на основе показателя локализации реальных доходов относительно внутрирегионального коэффициента Джини; расчет взвешенных индексов межрегиональной дифференциации (коэффициентов Джини и вариации, индексов Хэчмана, Тейла и Аткинсона); пропорциональный метод факторного анализа. Полученные результаты: 1) в 2004-2013 годах в РФ наблюдалась конвергенция регионов по всем рассматриваемым показателям, однако в изменении индекса социального благополучия отмечаются два периода дивергенции: 2009 год (слабый всплеск) и 2012 год (существенный рост); 2) основными факторами конвергенции регионов по ИСБ были (пере)распределительный фактор (его влияние со временем увеличивается существенно), инфляционный фактор (небольшое снижение влияния) и фактор сближения внутрирегиональной дифференциации доходов (его влияние в значительной степени исчерпано). Полученные результаты могут быть полезными разным уровням власти при управлении региональным развитием.

Ключевые слова: валовый региональный продукт; номинальные и реальные доходы населения; индекс социального благополучия; межрегиональная неравномерность; показатели дифференциации доходов; конвергенция; дивергенция.

STUDY OF THE FACTORS OF INTERREGIONAL CONVERGENCE / DIVERGENCE IN REAL INCOMES AND «SOCIAL WELL-BEING» OF RUSSIAN REGIONS

MALKINA MARINA, YU.,

Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department of Economic Theory and Methodology,
National Research Lobachevsky State University
of Nizhni Novgorod, Nizhni Novgorod,
e-mail: mmuri@yandex.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-02-00638.

The purpose of this paper is the measurement of the degree of inter-regional convergence / divergence of Russian regions in per capita GRP, nominal and real incomes and social well-being index (SWI) in 2004-2013, as well as the evaluation of the factors that have caused these changes. Methods: deflation of household incomes by means of relative cost of living index in the regions; measurement of social well-being, based on the index of localization of real incomes relatively intraregional Gini coefficient; calculation of weighted indices of inter-regional differentiation (Gini and variation coefficients, Hachman, Theil and Atkinson indexes); proportional method of factor analysis. Results obtained: 1) in 2004-2013 in Russia there was a convergence of all regional indicators, however, in a change of the social well-being index there are two periods of divergence: 2009 (a weak growth) and 2012 (a significant burst); 2) the main factors of regions' convergence in the SWI were: (re) distribution factor (its impact over time increased significantly), inflation factor (it is observed a small reduction in its influence) and the factor of intraregional income inequality (its influence is mainly depleted). The results may be useful for different levels government in the management of regional development.

Keywords: gross regional product; the nominal and real incomes of the population; the index of social well-being; inter-regional unevenness; income inequality indicators; convergence; divergence.

JEL: R11, 047.

Проблеме межрегиональной неравномерности развития и ее динамики уделяется достаточно большое внимание в отечественной и зарубежной литературе. В настоящее время выработан ряд методов и моделей оценки неравномерности и их влияния на экономическое развитие (Kuznets 1989; Atkinson and Bourguignon, 2000; 2015). Обзор современных концепций представлен в (Глушенко, 2010; Григорьев и др., 2015). Отечественные исследователи используют коэффициенты К. Джини и вариации, индексы Э. Б. Аткинсона и А. Тейла для оценки дифференциации регионов РФ по различным показателям: ВРП, доходы населения (например, Глазырина, Забелина и Клевакина, 2014), заработная плата (Зубаревич, 2013), уровень бедности и безработицы, распределение инвестиций (Зубаревич и Сафронов, 2013), экологической нагрузки (Глазырина и Клевакина, 2014), налоговых поступлений (Малкина и Балакин, 2014), доходов бюджета до и после их перераспределения (Постникова и Шильцин 2009; Малкина 2014б). Большинство исследователей сходятся во мнении, что в 90-х годах XX века конвергенция российских регионов отсутствовала, а 2000-е годы стали переломными, что объясняется увеличением бюджетных доходов, которые активно вовлекались в перераспределительную политику государства. Отечественные исследователи также обнаружили, что конвергенция 2000-х годов относилась к *b*-типу (сближение из-за опережающего роста показателей бедных регионов), а не *s*-типу (взаимное сближение показателей бедных и богатых регионов) (Иванова, 2014). Кроме того, авторы связывают межрегиональную дифференциацию с естественными и искусственными конкурентными преимуществами (Зубаревич и Сафронов, 2013), а также особенностями институциональной среды (Глазырина и Клевакина, 2014). Наконец, в работах (Лавровский и Шильцин, 2009; Иванов, 2011) использовался метод декомпозиции для оценки вклада различных регионов, отраслей и видов экономической деятельности в межрегиональное неравенство.

Оригинальность нашего исследования заключается в трех моментах: 1) уточнении методов расчета неравенства путем взвешивания относительных показателей регионов на их доли в населении страны, также предлагается дополнительно использование индекса Хэчмана для оценки неравенства; 2) расчете дифференциации ранее предложенного нами «индекса социального благополучия регионов» (ИСБ) (Малкина, 2014б), учитывающего как уровень среднедушевых реальных доходов, так и их внутрирегиональную дифференциацию; 3) выделении и

количественной оценке факторов конвергенции/дивергенции регионов по ИСБ в 2004-2013 годах (а именно, перераспределительного, инфляционного факторов и фактора внутрирегиональной дифференциации доходов).

Информационной базой исследования послужили данные Федеральной службы государственной статистики по 80 субъектам РФ (без выделения автономных округов) за 2004-2013 годы.

Методика определения межрегиональной дифференциации и оценки факторов, на нее влияющих

1. Отбор и расчет **региональных показателей развития**. В качестве таковых использовались следующие:

1) среднедушевой номинальный ВРП в i -том регионе - Y_{ni} ;
2) среднедушевые номинальные доходы населения в регионе - I_{ni} ;
3) среднедушевые реальные доходы населения в регионе - I_{ri} . В качестве дефлятора использовался индекс относительной стоимости жизни в регионе (ИСЖ), определяемый как отношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе к стоимости того же набора в Российской Федерации.

4) индекс социального благополучия региона (ИСБ) - предложен впервые в работе (Малкина, 2014а). Он рассчитывается как индекс локализации уровня реальных доходов в регионе относительно внутрирегионального коэффициента Джини (G_i):

$$W_i = \frac{I_{ri} / \bar{I}_{ri}}{G_i / \bar{G}_i}$$

Альтернативный метод был предложен в работе (Балацкий и Саакянц, 2006) в виде «показателя эрозии» - эластичности темпов экономического роста по темпам роста неравенства доходов.

2. Измерение **межрегиональной дифференциации** показателей развития, далее условно называемых доходами. Для измерения межрегиональной дифференциации доходов нами использовался ряд методов:

1) межрегиональный **коэффициент Джини**, с учетом численности живущего в них населения:

$$G = 1 - \left[\sum_{i=1}^n (X_i + X_{i-1}) \cdot \eta_i \right],$$

где $i = \overrightarrow{1, n}$ - все регионы, ранжированные в порядке увеличения их среднедушевых доходов;

$$X_i = \sum_{i=1}^i x_i$$

- кумулятивная доля доходов, приходящихся на регионы от 1-ого до i -ого включительно; x_i - доля i -ого региона в общих доходах; η_i - доля i -ого региона в общем населении страны;

2) межрегиональный (взвешенный на долю населения региона) **коэффициент вариации**:

$$V = \frac{\sigma_d}{\bar{d}_i} = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n (d_i - \bar{d}_i)^2 \cdot \eta_i}}{\sum_{i=1}^n d_i \cdot \eta_i},$$

в числителе σ_d - стандартное отклонение среднедушевых доходов в регионах; в знаменателе d_i - среднерегиональный уровень доходов в расчете на душу населения; $\bar{d}_i$ - среднедушевой доход в i -ом регионе.

3) *межрегиональный индекс Хэчмана*. Индекс Хэчмана является показателем диверсификации той или иной структуры, обычно используется для оценки ее отклонения от некой идеальной или средней структуры, например, общероссийской или мировой (Михеева, 2013; Гнидченко, 2014). Однако он с таким же успехом может применяться для оценки межрегиональных различий по какому-нибудь показателю. В таком случае сравниваются две структуры – доли региона в каком-либо показателе развития и доли региона в общем населении страны. В работе (Малкина, 2014б) нами было показано, что подобный индекс получается при преобразовании индекса Херфиндаля-Хиршмана (который является показателем концентрации) в индекс неравномерности распределения:

$$HI = 1 / \sum_{i=1}^n \frac{x_i^2}{\eta_i}$$

Поскольку его значение меняется от 0 (полное несоответствие двух структур) до 1 (полное соответствие), изменим его шкалу на противоположную следующим образом: $HI^* = 1 - HI$. Полученный показатель уже характеризует степень межрегиональной неравномерности;

4) *коэффициент Тейла (показатель энтропии)* - индикатор меры рассеяния доходов. Для расчёта индекса Тейла используется логарифмическая шкала, что позволяет сблизить небольшие значения и удалить большие. Взвешенный на долю населения региона индекс Тейла рассчитывается по формуле:

$$Th = \sum_{i=1}^n x_i \cdot \ln \left(\frac{x_i}{\eta_i} \right)$$

Он меняется от 0 (одинаковая доля всех регионов, отсутствует дифференциация) до $\ln(n)$ (доля одного региона равна 1, других – 0). Для приведения его к шкале (0;1) осуществим преобразование его в линейный вид на основе интегральной функции

распределения: $Th^* = 1 - e^{-Th}$.

5) взвешенный *коэффициент Аткинсона* представляет собой разницу между 1 и долей так называемого эквивалентного дохода в общем доходе. При этом эквивалентным считается равномерно распределенный доход, равный по полезности фактическому неравномерно распределенному доходу. Таким образом, индекс Аткинсона – это относительная социальная плата за неравномерность распределения дохода. Индекс Аткинсона рассчитывается одним из двух способов:

$$\begin{cases} I_A = 1 - \left(\frac{1}{d_i} \cdot \sum_{i=1}^n (d_i^{1-\varepsilon} \cdot \eta_i) \right)^{1/(1-\varepsilon)} & ; \quad \varepsilon \geq 0, \varepsilon \neq 1; \\ I_A = 1 - \frac{1}{d_i} \cdot \prod_{i=1}^n d_i^{\eta_i}; & \varepsilon = 1. \end{cases}$$

Оценка неравномерности распределения доходов в этом индексе зависит от степени его значимости для общества (ε), с точки зрения влияния на полезность получаемого дохода. В нашем исследовании применим $\varepsilon=1$.

3. Оценка факторов конвергенции (дивергенции) регионов по индексу социального благополучия. К данным факторам отнесем: а) распределительный фактор, отражающий как разное первичное распределение доходов в регионах, так и перераспределение доходов между регионами (в том числе в форме межбюджетных трансфертов); б) инфляционный фактор, отражающий влияние стоимости жизни в регионе; в) фактор внутрорегиональной дифференциации доходов.

Покажем расчет влияния этих факторов в каждом периоде на примере

коэффициента Джини (для остальных индексов рассчитывается аналогично):

1) распределительного фактора, в результате которого дифференциация регионов по уровню среднедушевых номинальных доходов оказывается отличной от дифференциации регионов по уровню среднедушевого ВРП в номинальном выражении:

$$\Delta G_{distr} = \left(\frac{G_{In}}{G_{Yn}} - 1 \right) \cdot 100\%$$

где G_{Yn} - коэффициент Джини для номинального ВРП на душу населения; G_{In} - коэффициент Джини для номинальных доходов на душу населения;

2) фактора стоимости жизни в регионах (в регионах с более высокими номинальными доходами выше стоимость потребительской корзины, что сближает их с бедными регионами):

$$\Delta G_{inf} = \left(\frac{G_{Ir} - G_{In}}{G_{Yn}} \right) \cdot 100\%$$

где G_{Ir} - коэффициент Джини для реальных доходов на душу населения;

3) фактора внутрирегиональной дифференциации доходов (в регионах с более высокими реальными доходами выше степень их внутренней дифференциации, что также сближает богатые регионы с бедными):

$$\Delta G_{diff} = \left(\frac{G_W - G_{Ir}}{G_{Yn}} \right) \cdot 100\%$$

где G_W - коэффициент Джини для ИСБ.

Анализ полученных результатов

Оценки степени дифференциации на основе предложенных пяти методов дают схожие результаты для всех рассматриваемых показателей (минимальный коэффициент корреляции составляет 0,932), а расхождения объясняются использованием в них разных шкал: линейных, степенных, логарифмических и экспоненциальных.

Анализ показал, что по всем исследуемым показателям в 2004-2013 годах наблюдалась тенденция конвергенции регионов. Всплеск межрегиональной дифференциации в 2005 году сменился непрерывным снижением межрегиональных различий вплоть до 2011 года. Для номинального ВРП, номинальных и реальных доходов на душу населения тенденция конвергенции сохраняется и в 2012-2013 годах, хотя становится менее выраженной. Иную картину демонстрирует индекс социального благополучия (ИСБ): в целом за рассматриваемый период он показывает тенденцию сближения. Однако эта тенденция не является устойчивой. Абсолютно все индексы дифференциации диагностируют незначительный всплеск региональных различий по ИСБ в 2009 году (от 9,4% по коэффициенту Джини до 21,8% по индексу Хэчмана), что объясняется влиянием кризиса. А также показывают существенный рост различий в 2012 году (2,3-8 раз по разным индексам), после чего в 2013 году показатели возвращаются на уровень 2011 года. Далее конвергенция регионов по ИСБ продолжается, хотя уже более медленными темпами. Изменение показателей дифференциации в целом за 10 лет представлено в табл. 1.

Полученные данные позволили также оценить влияние факторов (пере/распределительного, инфляционного и внутренней дифференциации), способствующих конвергенции регионов по индексу социального благополучия, в пределах каждого периода. Согласно результатам, самый высокий уровень межрегиональной дифференциации во всех годах наблюдался по среднедушевому номинальному ВРП (так, в 2013 году он варьировал от 0,159 по индексу Аткинсона

до 0,726 по коэффициенту вариации).

Таблица 1

**Изменение показателей межрегиональной дифференциации
в 2004-2013 гг., %**

Оцениваемые среднедушевые показатели:	Коэффициент Джини (G)	Коэффициент ва- риации (V)	Индекс Хэчмана (H*)	Коэффициент Тей- ла (Th*)	Коэффициент Аткинсо- на (I _A , ε=1)
номинальный ВРП	-7,85	-12,72	-15,56	-16,07	-15,10
номинальные дохо- ды	-34,42	-42,74	-58,15	-59,55	-56,62
реальные доходы	-39,20	-47,51	-68,99	-67,69	-65,06
индекс социального благополучия	-32,96	-36,47	-58,30	-58,07	-57,65

Дифференциация среднедушевых номинальных доходов населения в регионах оказывается ниже, чем дифференциация ВРП (в 2013 году: 0,058 по индексу Аткинсона и 0,394 – по коэффициенту вариации). Это свидетельствует о значительном выравнивающем эффекте перераспределительного фактора, на что указывает в своих исследованиях также (Зубаревич, 2013). Как показал наш предыдущий анализ, в регионах с низким уровнем доходов оказывается выше доля заработной платы в ВРП, также в них существенно выше доля социальных трансфертов в доходах населения (Малкина, 2014а). Наиболее значимым фактором конвергенции регионов по уровню доходов населения оказывается межбюджетная политика. В субъектах РФ с более высокой долей межбюджетных трансфертов в доходах консолидированных бюджетов, как правило, выше и доля доходов населения в ВРП (коэффициент корреляции этих показателей меняется в пределах от 0,658 (2009 г.) до 0,763 (2005 г.)). Здесь мы не даем оценок эффективности такой политики.

Оценки межрегиональной дифференциации реальных доходов населения свидетельствуют об их дальнейшем сближении вследствие положительной корреляции среднедушевых номинальных доходов и стоимости жизни в регионах (коэффициенты Аткинсона и вариации в 2013 году уже равны 0,023 и 0,222). А положительная корреляция уровня доходов и степени их внутрирегиональной дифференциации снижает отрыв более обеспеченных регионов от менее обеспеченных по индексу социального благополучия. Коэффициент Аткинсона для ИСБ-2013 уже равен 0,011, а коэффициент вариации - 0,151. Инфляционный фактор и фактор внутренней дифференциации вряд ли могут оцениваться исключительно положительно, между тем, они приближают богатые регионы к бедным, способствуя *b*-конвергенции.

В табл. 2 приведены результаты оценки влияния факторов конвергенции по двум крайним позициям – коэффициенту Джини (минимальные оценки) и нормированному индексу Тейла (максимальные оценки).

Таким образом, наибольший вклад в снижение межрегиональных различий вносит (пере)распределительный фактор, более того, его значение растет (исключение составляет кризисный 2009 г.). В 2004 году этот фактор объяснял 26,2-27,4% конвергенции регионов по ИСБ, в 2013 году - уже 55,3-68,5%. Роль фактора относительной стоимости жизни достаточно стабильна, хотя с некоторой тенденцией к снижению, что объясняется также сближением регионов по стоимости потребительской корзины. Влияние фактора внутрирегиональной дифференциации устойчиво снижалось. В 2012 году этот фактор впервые привел к росту региональных различий, что отчасти вызвано снижением межбюджетной помощи

отдельным регионам. В 2013 год его вклад в общую конвергенцию составлял всего 7,2-15,3%.

Таблица 2

**Оценки факторов конвергенции регионов РФ по индексу
социального благополучия в 2004-2012 гг., %**

Год	Изменение коэффициента Джини для ИСБ				Изменение нормированного индекса Тейла для ИСБ			
	ΔG_{distr}	ΔG_{inf}	ΔG_{diff}	Сумма	ΔTh^*_{distr}	ΔTh^*_{inf}	ΔTh^*_{diff}	Сумма
2004	-16,8	-26,4	-20,8	-63,9	-25,7	-40,5	-21,2	-87,5
2005	-26,6	-22,7	-17,9	-67,1	-44,2	-30,1	-15,7	-90,0
2006	-29,8	-22,6	-16,7	-69,1	-48,6	-28,8	-13,9	-91,2
2007	-30,6	-21,9	-16,4	-68,8	-49,8	-27,4	-13,6	-90,9
2008	-41,6	-19,9	-13,1	-74,6	-66,2	-20,1	-7,8	-94,1
2009	-34,0	-21,8	-14,6	-70,5	-55,5	-25,7	-10,9	-92,1
2010	-38,0	-20,8	-13,0	-71,7	-59,1	-24,2	-9,3	-92,5
2011	-40,3	-20,3	-13,6	-74,2	-61,6	-23,2	-8,7	-93,5
2012	-41,3	-20,5	24,7	-37,1	-64,6	-21,8	34,9	-51,5
2013	-40,8	-21,7	-11,3	-73,8	-64,2	-22,8	-6,7	-93,7

Проведенное исследование позволяет сделать следующий вывод. Имевшая место в 2004-2013 годах конвергенция регионов по среднедушевым реальным доходам во многом объяснялась действенной перераспределительной политикой государства, а также сближением регионов по стоимости жизни. Конвергенция регионов по индексу социального благополучия происходила благодаря опережающему росту доходов в бедных регионах по сравнению с ростом внутрирегионального неравенства в них, что позволяет ее отнести к *b*-типу, однако в периоды кризисов сменялась тенденцией дивергенции. В настоящее время потенциал сходимости практически исчерпан, и дальнейшее движение зависит как от макроэкономических условий развития, так и качества региональных политик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балацкий Е. В. и Саакянц К. М. (2006). Дивергенция доходов и экономический рост // Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН: научные труды. М., Т. 4, с. 583–601.

Глуценко К. П. (2010). Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // *Регион: экономика и социология*, № 1, с. 54-87.

Гнидченко А. А. (2014). Декомпозиция роста экспорта на экстенсивную и интенсивную составляющие с учетом сравнительных преимуществ // *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 4, с. 38-64.

Глазырина И. П., Забелина И. А. и Клевакина Е. А. (2010). Уровень экономического развития и распределение экологической нагрузки между регионами РФ // *Журнал Новой экономической ассоциации*, № 7, с. 70-88.

Глазырина И. П. и Клевакина Е. А. (2014). Неравенство доходов, темпы и качество экономического роста в регионах России / В сборнике: XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества в 4 книгах. Ответственный редактор Ясин Е. Г., с. 41-54.

Григорьев Р. А., Крамин М. В., Крамин Т. В. и Тимирясова А. В. (2015). Неравенство распределения дохода и экономический рост в регионах России в посткризисный период // *Экономика региона*, № 3, с. 102-113.

Зубаревич Н. В. (2013). Неравенство доходов: пространственная коррекция // *Pro Et Contra*, Т. 17, № 6, с. 48-60.

Зубаревич Н. В. и Сафронов С. Г. (2013). Неравенство социально-

экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 15-26.

Иванов Д. С. (2011). Роль сектора услуг в региональном неравенстве занятости и заработной платы в 2000-е годы // *Региональные исследования*, № 1, с. 91-98.

Иванова В. И. (2014). Региональная конвергенция доходов населения: пространственный анализ // *Пространственная экономика*, № 4, с. 100-119.

Лавровский Б. Л. и Шильцин Е. А. (2009). Российские регионы: сближение или расслоение? // *Экономика и математические методы*, Т. 45, № 2, с. 31-36.

Малкина М. Ю. (2014а). Динамика и факторы внутрирегиональной и межрегиональной дифференциации доходов населения РФ // *Пространственная экономика*, № 3, с. 44-66.

Малкина М. Ю. (2014б). Исследование взаимосвязи уровня развития и степени неравенства доходов в регионах Российской Федерации // *Экономика региона*, № 2, с. 238-247.

Малкина М. Ю. (2014в). Эффективность системы межбюджетного выравнивания в России // *Общество и экономика*, № 2-3, с. 118-134.

Малкина М. Ю. и Балакин Р. В. (2014). Исследование концентрации и равномерности налоговых поступлений в регионах Российской Федерации на основе индексов Херфиндаля-Хиршмана, Джини и Тейла // *Налоги и налогообложение*, № 11, с. 1010-1023.

Михеева Н. Н. (2013). Структурные факторы региональной динамики: измерение и оценка // *Пространственная экономика*, № 1, с. 11-32.

Постникова Е. А. и Шильцин Е. А. (2009). Новейшие тенденции регионального развития: некоторые фрагменты // *Регион: экономика и социология*, № 3, с. 67-86.

Atkinson A. B. and Bourguignon F. (2000). Handbook of Income Distribution, Volume 1 (Handbooks in Economics). Elsevier B.V., 938 p.

Atkinson A. B. and Bourguignon F. (2015). Handbook of Income Distribution, Volume 2 (Handbooks in Economics). Elsevier B.V., 2251 p.

Kuznets S. (1989). Economic development, the family, and income distribution. Selected essays. Cambridge: Cambridge University Press, 463 p.

REFERENCES

Atkinson A. B. and Bourguignon F. (2000). Handbook of Income Distribution, Volume 1 (Handbooks in Economics). Elsevier B.V., 938 p.

Atkinson A. B. and Bourguignon F. (2015). Handbook of Income Distribution, Volume 2 (Handbooks in Economics). Elsevier B.V., 2251 p.

Balatsky E. V. and Saakyants K. M. (2006). The divergence of incomes and economic growth // Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences: Scientific Works. Moscow, vol. 4, pp. 583-601. (In Russian).

Glazyrina I. P., Zabelina I. A. and Klevakina E. A. (2010). Economic Development and Environmental Impact Disparities among Russia's Regions // *The Journal of the New Economic Association*, vol. 7, pp. 70-88. (In Russian).

Glazyrina I. P. and Klevakina E. A. (2014). Income inequality, the pace and quality of economic growth in the Russian regions / In: XIV April's international conference on the development of economy and society, in 4 books. Ed. by E. G. Yasin, pp. 41-54. (In Russian).

Gluschenko K. P. (2010). Methodologies of Analyzing Inter-Regional Income Inequality. *Region: Economics and Sociology*, vol. 1, pp. 54-87. (In Russian).

Gnidchenko A. A. (2014). Decomposing Export Growth into Extensive and Intensive Margins with the Emphasis on Comparative Advantages. *The Journal of the New Economic Association*, vol. 4, pp. 38-64. (In Russian).

Grigoryev R. A., Kramin M. V., Kramin T. V. and Timiryasova A. V. (2015). Inequality of Income Distribution and Economics Growth in the Regions of Russia in the

Post-Crisis Period. *Economy of Region*, vol. 3, pp. 102-113. (In Russian).

Ivanov D. S. (2011). The role of the service sector in regional inequality of the employment and wages in 2000th. *Regional Research*, vol. 1, pp. 91-98. (In Russian).

Ivanova V. I. (2014). Regional Convergence of Income: Spatial Analysis. *Spatial Economics*, vol. 4, pp. 100-119. (In Russian).

Kuznets S. (1989). Economic development, the family, and income distribution. Selected essays. Cambridge, Cambridge University Press, 463 p.

Lavrovsky B. L. and Shiltsin Ye. A. (2009). Russian regions: leveling or stratification? *Economics and Mathematical Methods*, vol. 45, no. 2, pp. 31-36. (In Russian).

Malkina M. Yu. (2014a). Dynamics and Determinants of Intra and Inter-Regional Income Differentiation of the Population of the Russian Federation. *Spatial Economics*, vol. 3, pp. 44-66. (In Russian).

Malkina M. Yu. (2014b). Study of the relationship between the development level and degree of income inequality in the Russian regions. *Economy of Region*, vol. 2, pp. 238-247. (in Russian).

Malkina M. Yu. (2014c). Effectiveness of interbudgetary equalization system in Russia. *Society and Economy*, vol. 2-3, pp. 118-134. (In Russian).

Malkina M. Yu. and Balakin R. V. (2014). Study of concentration and equality of tax revenues distribution in the regions of the Russian Federation on the basis of the Herfindahl-Hirschman Index, Gini and Theil. *Taxes and Taxation*, vol. 11, pp. 1010-1023. (In Russian).

Mikheeva N. N. (2013). Structural factors of regional dynamics: measuring and assessment. *Spatial economics*, vol. 1, pp. 11-32. (In Russian).

Postnikova Ye. A. and Shiltsin Ye. A. (2009). Some fragments of the latest trends in regional development. *Region: Economics and Sociology*, vol. 3, pp. 67-86. (In Russian).

Zubarevich N. V. (2013). Income Inequality: the spatial correction. *Pro Et Contra*, vol. 17, no. 6, pp. 48-60. (In Russian).

Zubarevich N. V. and Safronov S. G. (2013). The inequality of social and economic development of the regions and cities of Russia in 2000s: growth or decline? *Social Studies and the Present*, vol. 6, pp. 15-26. (In Russian).

БЮДЖЕТНЫЕ РИСКИ: ВАРИАНТЫ ТРАЕКТОРИЙ

ГАМУКИН ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат экономических наук,
профессор кафедры финансов, денежного обращения и кредита,
Тюменский государственный университет, г. Тюмень,
e-mail: valgam@mail.ru

Сегодня исследование проблематики бюджетного риска достаточно активно проводится в научных кругах. Тем не менее, реалии свидетельствуют о том, что процесс осмысления самой категории «бюджетный риск» находится в начале исследовательского пути. Важно решить научные задачи: классифицировать бюджетные риски и определить варианты траекторий их развития на перспективу.

Одним из вариантов решения первой задачи является разделение рисков на 3 группы по 5 рисков в каждой группе. Увеличение или снижение уровня каждого из рассмотренных рисков формирует его уникальную траекторию. Однако в отличие от первой научной задачи, здесь речь идёт об ограниченном наборе вариантов траекторий с комбинациями векторов «Рост», «Стабилизация» и «Снижение». Важность определения вектора развития бюджетных рисков позволяет сосредоточиться при их оценке на более узком круге факторов, что не только упрощает собственно процедуру оценки, но и приближает к возможности сложения отдельных бюджетных рисков с целью получения общего результирующего риска.

Ключевые слова: бюджетный риск; классификация рисков; траектории рисков.

BUDGETARY RISKS: OPTIONS OF TRAJECTORIES

GAMUKIN VALERIY, V.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Professor of the Department «Finance, Monetary Circulation and Credit»,
Tyumen State University, Tyumen,
e-mail: valgam@mail.ru

Today research of a perspective of the budgetary risk is rather actively conducted in scientific community. Nevertheless, realities testify that process of judgment of the category "budgetary risk" is in the beginning of a research way. It is important to solve scientific problems: to classify the budgetary risks and to define options of trajectories of their development on prospect.

One of versions of the solution of the first task division of risks into 3 groups on 5 risks in each group is. The increase or decrease in level of each of the considered risks forms its unique trajectory. However unlike the first scientific task, "Growth", "Stabilization" and "Decrease" is about a limited set of options of trajectories with combinations of vectors here. Importance of definition of a vector of development of the budgetary risks allows to concentrate at their assessment on narrower circle of factors that not only simplifies actually procedure of an assessment, but also approaches to possibility of addition of separate budgetary risks for the purpose of receiving the general resultant risk.

Keywords: budgetary risk; classification of risks; trajectories of risks.

JEL: H61, G32.

© Гамукин В. В., 2015

Постановка проблемы

Сегодня никто не сможет оспорить тот факт, что отечественная бюджетная система оказалась весьма уязвимой под воздействием комплекса разнообразных событий, происходящих в настоящее время. Торжествующий многие годы тезис о независимости бюджета от текущих экономических потрясений, о его стабильности и защищённости от влияния внешних сил оказался под сомнением. Одной из причин такого разочарования является стойкое нежелание участников бюджетного процесса признать и научиться прогнозировать бюджетные риски.

Стоит отметить, что исследование проблематики бюджетного риска недостаточно активно проводится в научных кругах. Большинство авторов публикаций единодушны в оценке высокой актуальности задач изучения бюджетного риска, низкой проработанности этой темы в современной ситуации и необходимости продолжения глубоких исследований в заявленной области знаний. Но поскольку рассматриваемая проблематика пока ещё слабо разработана в литературе, сложно проводить развёрнутую классификацию методологических подходов к формализации, измерению и практическому применению бюджетных рисков в бюджетном процессе. Значительная часть работ, опубликованных в период до 2012 г. включительно, проанализирована в статье (Гамукин, 2013). Далее приводится краткий анализ публикаций за период 2013-2014 гг.

В статье (Горохова, 2013) кратко рассмотрены принципы управления бюджетными рисками (6), классификация рискообразующих факторов (13), этапы управления рисками (5) и даже методы оценки (6). Сам риск предлагается определять по шкале (от минимального до катастрофического) пропорционально размеру потерь бюджета, измеряемого в процентах от суммы расходов.

Небольшая работа (Никулина, 2014) интересна тем, что в ней даётся сразу два определения бюджетного риска. Приведём их в авторской редакции. «Можно смоделировать несколько позиций рассмотрения бюджетных рисков: Бюджетные риски в узком значении представляют собой потенциально возможные отклонения бюджетного показателя от его запланированного значения под воздействием рискообразующих факторов. Бюджетные риски в широком представлении (в широкой трактовке) заключаются в вероятности невыполнения мероприятий бюджетного планирования и бюджетной политики в связи с нарушениями в движении бюджетных ресурсов и их пропорций» (Никулина, 2014. С. 412).

В статье (Юшкин, 2013. С. 192) наряду с описанием дефиниций цитируемых авторов приводится т.н. «алгоритм управленческих мероприятий по минимизации бюджетных рисков», включающий 6 этапов: идентификацию бюджетных рисков, выявление рискообразующих факторов, оценка уровня бюджетных рисков, прогнозирование величины бюджетных рисков, минимизация бюджетных рисков, оценка эффективности минимизации бюджетных рисков.

В качестве основного вывода в небольшой работе (Аюпова, 2013) сформулирована необходимость определения формальных методов выявления рисков с целью выбора дальнейшего направления действий. Это может быть: прекращение процесса анализа бюджетных рисков в виду их незначительного влияния на бюджетный процесс; проведение более глубокого анализа влияния бюджетного риска на бюджетные показатели; разработка превентивных мер по локализации либо оптимизации влияния бюджетных рисков на бюджетные показатели.

Описательный характер бюджетного риска имеет публикация (Галухин, 2014), в которой рассмотрены факторы риска при составлении проекта бюджета и выказано заслуживающее внимания предложение о нецелесообразности рассмотрения бюджетных рисков во времени из-за возрастания неопределённости будущего. «Текущее стремление органов государственной власти перейти на долгосрочное планирование и прогнозирование не будет являться эффективным при текущем уровне развития проблематики управления рисками» (Галухин, 2014).

С. 222).

В очередной публикации (Зотова, 2014) описывается исследование бюджетных рисков на примере Ростовской области. Помимо предложенного авторами набора из 35-ти рисков бюджетного процесса, в статье рассмотрены разнообразные организационные мероприятия по минимизации этих рисков.

В работе (Агеева, 2013) в основном рассматриваются различные подходы к анализу бюджетных показателей по доходам и расходам. При этом формулируется вывод о необходимости при планировании доходов учитывать финансовый риск, а при планировании расходов – рыночный риск из-за неопределённости налогооблагаемой базы и волатильности цен на товары, работы, услуги.

Примерно к таким же выводам умозаключениям приходит автор работы (Ермакова, 2013). Однако в ней, наряду с рассмотрением дефиниции бюджетного риска, рассматривается понятие финансового риска государства, который возникает в процессе управления финансовыми потоками хозяйствующего субъекта, каковым выступает и государство, и связан с вероятностью потерь финансовых ресурсов. Автор считает, что первая категория является частью второй.

Ещё одним примером является статья (Якупов, 2013), где проблематика бюджетных рисков рассмотрена в аспекте риска налогоплательщика на примере нефтяной отрасли. Делается закономерный вывод о том, что для бюджета риски, связанные с налоговыми поступлениями от нефтегазового сектора экономики, носят стратегический и общенациональный характер. Наряду с этим высказано ожидаемое пожелание о необходимости приложения максимально возможных усилий для того, чтобы Россия могла принимать ощутимое участие в формировании биржевых цен на нефть, обозначаемых автором в качестве «главного налогообrazующего фактора».

В следующей публикации (Истомина, 2014) бюджетный риск рассматривается в контексте бюджетирования, ориентированного на результат, как сложное явление, обусловленное внутренней логикой бюджетной деятельности, вследствие проявлений которого невозможно обеспечить достижение плановых результатов. Делается вывод о необходимости пересмотра первоначально установленных видов результатов и необходимость изменения количественных параметров плановых результатов.

В статье (Панюшкина, 2014) в основном отражена компиляция представлений отечественных исследователей проблематики бюджетного риска. При этом сформулированы смелые предложения о применении индикаторов, традиционно используемых для прогнозирования валютных кризисов.

В статье (Черкасова, 2014) предлагается оригинальный математический аппарат измерения риска, который построен на определении энтропии фактических и плановых расходов бюджета за ряд лет.

Продолжение такого подхода наблюдается в следующей работе (Яшина, 2014). Здесь предлагается математически измерять бюджетный риск при помощи стандартного отклонения показателя исполнения бюджета и коэффициента вариации.

Дополнительную информацию о взглядах отечественных и зарубежных исследователей на рассматриваемую проблему бюджетных рисков читатель может найти в работах (Ковалева, 2014; Паздникова, 2014; Ткачева, 2013; Янов, 2014; Pulay, 2013). Тем не менее, реалии свидетельствуют о том, что процесс осмысления самой категории «бюджетный риск» находится в начале исследовательского пути. В частности, одними из важных научных задач является классификация бюджетных рисков и определение вариантов траекторий их развития на перспективу.

Виды бюджетных рисков

Решение первой задачи предполагает неограниченную вариативность рисков, благодаря которой практически каждый автор может предложить своё

видение классификации.

Так, одним из вариантов, который рассматривается в статье (Гамукин, 2014), является группировка рисков на 3 группы по 5 рисков в каждой.

Группа 1 – бюджетные риски, возникающие, как правило, вне сферы бюджета. Это риски внешней среды. 1.1. *Риск, сопутствующий традиционным финансовым и хозяйственным операциям.* 1.2. *Риск инфляции.* 1.3. *Риск дискретности контроля.* 1.4. *Риск снижения платёжеспособности налогоплательщиков.* 1.5. *Риск политической конъюнктуры.*

Группа 2 представлена бюджетными рисками, которые бюджетная система генерирует сама по себе. Это риски бюджетной системы. 2.1. *Риск ритмичности поступлений и платежей.* 2.2. *Риск структуры доходов бюджета.* 2.3. *Риск структуры расходов бюджета.* 2.4. *Риск несбалансированности бюджета.* 2.5. *Риск зависимости от внешних источников.*

Группу 3 представляют бюджетные риски, появление которых носит вероятностный характер. Это риски случая. 3.1. *Риск ошибки.* 3.2. *Риск объективной непредсказуемости ситуации.* 3.3. *Риск экономического кризиса.* 3.4. *Риск коррупции.* 3.5. *Риск развития бюджета.*

Увеличение или снижение уровня каждого из рассмотренных рисков формирует его уникальную траекторию. Однако в отличие от первой научной задачи, здесь ограничен набор вариантов траекторий.

Бюджетный риск, равно, как и любой другой риск, формируется в пределах диапазона вероятностей свершения того или иного события в ожидаемый период времени. Мерой риска традиционно является расстояние от 0 до 1, где 0 — ситуация, при которой рисковое обстоятельство никогда не произойдёт и риска не будет, а 1 — ситуация, при которой рисковое обстоятельство произойдёт абсолютно точно и риск будет в полном объёме.

Такое линейное восприятие риска дополняется ещё одной координатой — временем, коль скоро речь идёт о прогнозировании риска на предстоящую перспективу. В данном случае чётко наблюдаются 3 периода времени.

Первый период — до момента оценки. Это исторический период, в который наблюдалось изменение риска. Например, прошедший бюджетный год. Если эти наблюдения были в прошлом, можно с высокой степенью определить траекторию риска.

Второй период — момент оценки. Это период, который по сравнению с периодами «до» и «после» настолько мал, что его можно определять и как момент. Например, период планирования бюджета и оценки бюджетного риска может занимать от нескольких дней до нескольких недель. Необходимо абстрагироваться от оценки риска в сам этот период для того, чтобы не сделать процесс оценки бесконечным. Однако это не умаляет значение этого периода, т.к. он является определяющим при определении направления траектории дальнейшего развития риска.

Третий период — собственно будущий период, на который определяется уровень риска. Определение величины бюджетного риска на этот период является основной целью бюджетного прогнозирования. Здесь мы попадаем в область неопределённости, т.к. речь идёт о прогнозе. Предположение о параметрах бюджета будет условным без более или менее точной оценки бюджетного риска. Проведение такой оценки требует нахождения ответов на несколько вопросов. Во-первых, необходимо определить траекторию риска на первом этапе. Во-вторых, зафиксировать уровень риска на втором этапе. В-третьих, сформулировать систему импульсов, которые будут определять траекторию риска на перспективу. В завершении можно определить результирующий вектор влияния основных импульсов на показатель риска. В завершении нужно перейти к оценке перспектив результирующего риска, т.е. риска, получаемого в итоге от сложения всех исследуемых рисков.

Виды траекторий развития рисков

Несколько упрощает такую задачу ограниченность вероятных траекторий развития риска, а именно «Рост», «Стабилизация» и «Снижение».

В первом случае величина риска будет возрастать, как и следует из названия. В данном случае пока не важно, насколько стремительным будет этот рост. Важно, что ожидаемый рост риска должна быть в пределах больше имеющегося и не более 1. Во втором случае риск сохраняется на уровне, имеющемся на момент оценки. В третьем случае риск снижается от имеющегося уровня до 0.

Важность определения вектора развития риска не ограничивается только простой формальностью. Такое ограничение позволяет сосредоточиться при оценке на более узком круге факторов, что не только упрощает собственно процедуру оценки, но и приближает к возможности сложения отдельных бюджетных рисков с целью получения общего результирующего риска.

Проведём краткую характеристику всех 9-ти возможных траекторий.

1 Вариант. «Рост – Рост». В этом случае ранее увеличивающиеся бюджетные риски по прогнозу продолжают свой рост и в предстоящем бюджетном периоде. Данная ситуация является стандартной при сохранении условий среды, системы и случая, позволивших обеспечить нарастание риска ранее.

Данный вариант траектории позволяет сформулировать отдельную самостоятельную проблему прогнозирования бюджетных рисков, а именно – проблему сохранения на определённом промежутке времени той или иной тенденции. Например, насколько продолжительным может быть рост риска при переходе из периода в период? Насколько велика вероятность перехода из одного вектора в другой? Каковы последовательности такого перехода? Рассмотрение этой проблемы предполагается провести далее, при анализе условий сложения рисков.

Примером рассматриваемого перехода может служить риск зависимости от внешних источников. Как правило, такой риск возникает в ситуации, когда тот или иной уровень бюджетной системы (нагляднее это видно на примере субфедеральных и муниципальных бюджетов) теряет возможность в полном объёме обеспечивать закреплённые за ним расходные обязательства за счёт закреплённых за ним доходных полномочий. При сохранении размеров и пропорций данных обязательств и полномочий конкретный бюджет становится уязвимым с точки зрения сбалансированности и вынужден рассчитывать на получение дополнительного финансирования из внешних источников, например, вышестоящего бюджета в виде дотаций, субсидий, субвенций или иных форм получения необходимых средств. Сложность такой ситуации усугубляется опасностью превращения такой зависимости в хроническую, что обеспечивает стабильный рост этого бюджетного риска.

2 Вариант. Траектория «Рост – Стабилизация». В данном случае прогнозируется относительное выравнивание уровня риска в предстоящем бюджетном году при том, что ранее этот риск нарастал. Как правило, такая картина может сформироваться в период завершения экономического кризиса, когда налогоплательщики возвращаются к стабильной работе, получив конкурентные преимущества после успешного выживания в сложный период. Выравнивание прогноза бюджетного риска, произошедшее в результате этого, обеспечивает стабильный прогноз его наличия на достигнутом уровне. В таком случае пока нет предпосылок для снижения риска, т.к. посткризисный период ещё только начался. Возможно, что в последующем бюджетном периоде сохранение такой тенденции позволит перейти к траектории «Стабилизация – Снижение», но пока стоит довольствоваться и этим вариантом.

Ещё одним любопытным примером такого случая можно считать риск дискретности контроля. Укрепление механизма финансового контроля, прежде всего связанное с сокращением временного разрыва между моментом совершения какого-либо бюджетного действия и моментом его проверки, способствует относительному снижению данного бюджетного риска. Например, если в предыдущем периоде

разрыв составлял 1 год, в предстоящем будет составлять 1 квартал, то можно говорить о стабилизации данного риска, т.к. дискретность контроля сократилась. Однако нельзя говорить о прямом сокращении данного риска, т.к. его реальное сокращение и стремление вероятности возникновения нарушений к 0 будут возможными только, если разрыв станет минимально допустимым при сложившемся порядке бюджетного администрирования.

3 Вариант. «Рост-Снижение». Этот вариант позволяет оценивать усилия органов власти и управления, участвующих в бюджетном процессе, как исключительные, т.к. для перелома ситуации с бюджетным риском с «Роста» на «Снижение» должны быть приложены очень значительные усилия. Как правило такая ситуация практически не реализуется по набору рисков. Однако по отдельному бюджетному риску она имеет право на существование.

В современной бюджетной системе практически не находится места для волатильности, т.к. рассмотренные выше условия бюджетного риска предполагают историзм и эвентуальность в качестве обязательных атрибутов. Поскольку бюджет перетекает из периода в период, ожидать резкого перепада вектора бюджетного риска практически не приходится. Это, кстати, относится и к ранее рассмотренному варианту «Снижение – Рост»

Не смотря на некоторую умозрительность такого варианта, он будет возможным в результате очень значительных преобразований, которые могут произойти в бюджетной системе.

4 Вариант. «Стабилизация — Рост». Здесь видно, как относительно стабильный риск может возрастать в бюджетном прогнозе. Происходит это в силу возникновения новых условий, которые порождают высокие оценки риска в перспективе. Примером такого рода ситуации является риск развития бюджета, проявляющийся в появлении такой новации, как долгосрочное бюджетное прогнозирование с отменой необходимости подготовки финансового баланса. Такое новшество предполагается с 2015 г. в качестве обязательного сопутствующего бюджету действия. Нужно принять во внимание, что ранее действовавший механизм среднесрочного планирования на 3 года стал более или менее привычным как в бюджетном процессе, так и в текущей работе финансовых органов страны на всех уровнях - от федерального до муниципального. Кроме этого, наличие ещё двух лет в бюджетном периоде никоим образом не влияло на возможность существенной корректировки показателей при планировании на очередной бюджетный год. Во многом благодаря условности показателей этих дополнительных двух лет, участники бюджетного процесса привыкли игнорировать их содержание, прекрасно понимая, что они не являются строгими параметрами бюджетного механизма. Следовательно, бюджетный риск, который может образоваться от этого среднесрочного порядка подготовки проекта бюджета, можно трактовать как стабильный.

Теперь же, когда речь идёт о 12-ти летнем периоде бюджетного прогноза и отсутствия практики его применения в бюджетном процессе, можно интуитивно ожидать увеличения риска развития бюджета в этой части, т.к. возникновение любой новации без доказанных практикой параметров всей системы, становится как минимум, фактором напряжения баланса рисков. Рассмотренное обстоятельство повлечёт за собой необходимость повышения квалификации специалистов, т.к. возрастает риск ошибки. Косвенно такой риск может стимулировать развитие риска политической конъюнктуры и т.д.

5 Вариант. «Стабилизация-Стабилизация». Стабилизация риска, наблюдаемая ранее, при сохранении её на перспективу является важным достижением рассматриваемой бюджетной системы. Строго говоря, поскольку оценка бюджетных рисков не вошла в практику работы финансовых властей страны, можно предполагать, что де-факто они воспринимают ситуацию с рисками именно в данной траектории. Зачем системно учитывать факторы рисков по отдельности и в совокупности, если достаточно предположить, что вся система

рисков стабильно перетекает из одного бюджетного периода в другой? Руководствуясь такими соображениями, следует продолжать планировать бюджет на предстоящий период в рамках устоявшейся технологии подготовки показателей и сложившихся согласительных процедур. Если ранее бюджетный план подвергался неким рискам, но был выполнен с достаточной для социально-экономической стабильности территории его юрисдикции, то это значит, что можно повторить эту технологию и эти процедуры ещё раз и на предстоящий период.

Траектория стабильного наличия рисков является наиболее «вредной» для бюджетной методологии, т.к. по своей сути замораживает её. Ситуация изменится, когда игнорировать бюджетные риски становится невозможным, а именно в периоды резких изменения рисков среды, как произошло летом 2014 г., что, впрочем, всё равно не повлекло пока действенных мер по активизации исследования бюджетных рисков с целью их использования для принятия реалистичных бюджетных решений на 2015 и последующие годы.

6 Вариант. «Стабилизация-Снижение». Эта ситуация могла бы стать характерной для бюджетного риска коррупции в случае, когда его сокращение оказывает ощутимое результирующее воздействие на бюджет.

Риск коррупции традиционно принято считать высоким риском для бюджетной системы любой страны. Однако, рассматривая этот риск предметно, следует согласиться, что в большей степени он является риском для самой системы государственного управления. В этом случае данный риск обеспечивает максимальное торможение позитивных сдвигов в развитии социально-экономической ситуации в стране. Любые уровни власти, допускающие возможность появления коррупции в своих недрах, в первую очередь, создают отрицательное напряжение во взаимоотношениях с сообществом. Последнее перестаёт реагировать на стимулы, погружается в атмосферу недоверия и отрицания своего участия в получаемом результате, что приводит к устойчивому всеобщему торможению. Поэтому придание динамизма развитию общества и его институтов в первую очередь зависят от снижения риска коррупции.

Особенно чётко это видно при рассмотрении расходной части бюджета. В этом случае коррупционная составляющая оказывает прямое воздействие на бюджетные показатели. Предпринимаемые в последние годы усилия по сокращению данного бюджетного риска позволяют надеяться на его движение по данной траектории.

7 Вариант. «Снижение – Рост». Такая ситуация возникает в случае, когда обстоятельства, ранее складывающиеся благоприятно для бюджета, перестают действовать на предстоящий период и им на смену ожидается приход новых изменившихся обстоятельств, создающих высокие угрозы для бюджетного плана.

Характерным примером такой ситуации является резкое изменение макроэкономических пропорций, способное оказать неконтролируемое воздействие на бюджетные риски. В частности, снижение платёжеспособности налогоплательщиков из-за возникшего напряжения в банковском секторе, которое, в свою очередь, оказалось возможным в силу ограничения на капитал на внешних рынках, спровоцировало рост неплатежей, создавая дополнительные бюджетные риски при исполнении бюджета 2014 г. Однако, по не до конца понятным причинам, такое обстоятельство оказалось практически не замеченным при подготовке бюджетных планов на 2015 год. Финансовые власти, прежде всего в регионах, проигнорировали тенденцию нарастания данного бюджетного риска, продолжая считать гарантированным прогнозные объёмы поступления налогов в предстоящем бюджетном периоде. В итоге получается дубликация риска. На риск экономического кризиса органично накладывается риск потери платёжеспособности налогоплательщиков, что мультиплицирует оба риска, о чём ещё пойдёт речь далее.

8 Вариант. «Снижение – Стабилизация». Это ситуация, при которой после снижения в предыдущем бюджетный риск стабилизируется на уровне,

имеющемся на момент планирования бюджета. В этом случае можно говорить о контролируемости бюджетного риска на перспективу. В общем случае такое представление о риске следует считать позитивным, т.к. стабилизация риска позволяет с самой высокой степенью точности учитывать рискованные факторы при исполнении бюджета. Примером снижающего ранее риска, переходящего в стадию стабильного присутствия можно считать риск политической конъюнктуры при наступлении электорального периода. В этом случае следует учесть, что в предстоящем бюджетном периоде, совпадающем с выборами различных органов власти, потенциальные кандидаты будут использовать бюджетный план для целей создания позитивного облика того или иного кандидата или политической партии. Сохранение риска на весь предвыборный и поствыборный период на стабильном уровне позволяет провести его точный учёт в виде дополнительных завышенных объёмов расходов, доступных пониманию электората. Речь идёт в первую очередь о расходах, т.к. в подавляющем большинстве именно расходы позволяют продемонстрировать избирателям очевидные преимущества выбора «правильного» кандидата.

Другим примером ситуации, когда снижение риска переходит в фазу его стабилизации, является изменение нормативной базы, затрагивающее бюджетный механизм или согласно введённой выше классификации — риск развития бюджета. В случае появления нового вида налогов или изменения бюджетных процедур, способных оказать влияние на получателей бюджетных средств, получается рискованная ситуация, которой ранее не было или она не была высоко рискованной, т.к. к ней уже привыкли все участники бюджетного процесса. Внедрение нового приводит к возникновению рискованной ситуации, которая может быть продумана до момента наступления бюджетного периода и поэтому риск сохранится на стабильном уровне.

Важным при прогнозировании бюджетного риска по рассматриваемой траектории будет являться возможность его учёта при суммировании с другими рисками. Если оценка его определяется на устойчивом уровне, он не будет оказывать существенного мультипликативного влияния при сложении.

9 Вариант. «Снижение – Снижение». Последний из рассматриваемых вариантов траектории изменения оценки бюджетного риска представляет собой один из самых желанных, т.к. предполагает, что после ранее достигнутого снижения риска, в предстоящем периоде будет наблюдаться продолжение этого снижения. Это позволяет финансовым властям снизить напряжённость бюджета по рассматриваемому риску. Для этого достаточно в будущем сохранять параметры условий, при которых происходило снижение ранее.

Примером бюджетного риска, который будет следовать по данной траектории, может быть риск инфляции в период её сокращения. Наблюдения за данным макроэкономическим показателем в период 2010-2013 гг. показывают, как регулярно происходило снижение размера инфляции, вызывая пропорциональное снижение бюджетного риска. Возможно, что по мере сохранения такой тенденции, можно вообще отказаться в дальнейшем от расчёта и учёта такого риска. При инфляции в 1-1,5% в год можно считать, что формирование доходов и расходов бюджета происходит практически в постоянных ценах, не требующих даже регулярной инфляционной индексации. Даже динамика роста доходов работников бюджетной сферы, как одного из важнейших показателей бюджета, зависящих от инфляции, в таком случае будет в большей степени зависеть от эффективности работы этой сферы, чем от необходимости увеличивать фонд оплаты труда в рамках инфляции. Аналогично можно говорить об иных расходах, включая стипендии, пособия, пенсии и т.д.

Рассмотрев все варианты траекторий бюджетного риска, необходимо идентифицировать их применительно к каждому конкретному риску из приведённой выше классификации. Только после этого можно сделать вывод об общей тенденции. Возможно, что некоторые риски с различными траекториями

смогут нивелировать действие друг друга, но также возможно, что их наложение создаст мультипликативное усиление. В целом пока нет оснований ожидать в 2015-2017 гг. возвращения траекторий бюджетных рисков на понижающийся тренд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеева В. Н. и Постников В. П. (2013). Об учёте рисков при формировании региональных бюджетов // *Финансы и кредит*, № 38(566), с. 52-56.
- Аюпова С. Г. (2013). Эффективность управления бюджетным риском в регионе в условиях Российского капитализма // *Новый университет*, № 12(34), с. 55-58.
- Галухин А. В. (2014). К вопросу о бюджетных рисках региона // *Проблемы развития территории*, № 2(70), с. 216-225.
- Гамукин В. В. (2013). Бюджетные риски: введение в общую аксиоматику // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 11, № 3, с. 52-61.
- Гамукин В. В. (2014). Бюджетный риск политической конъюнктуры // *Проблемы современной экономики*, № 2, с. 198-204.
- Горохова Д. В. (2013). Управление бюджетными рисками субъектов РФ: современный взгляд и перспективы развития // *Финансовый журнал*, № 3, с. 55-62.
- Ермакова Е. А. (2013). Проблемы управления региональными бюджетными рисками // *Региональная экономика. Юг России*, № 1(1), с. 35-41.
- Зотова А. И., Кириченко М. В. и Коробко С. А. (2014). Риск-ориентированный подход к организации бюджетного процесса на субфедеральном уровне // *Финансы и кредит*, № 39(615).
- Истомина Н. А. (2014). Результатный подход в бюджетной сфере в контексте бюджетных рисков // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*, № 42 (228), с. 56-67.
- Ковалева Т. М. (2014). Резервирование как метод бюджетного планирования // *Вестник СамГЭУ*, № 113, с. 112-117.
- Никулина Е. В. и Федюшина И. Г. (2014). Характеристика бюджетных рисков: экономическая сущность и мероприятия по их минимизации // *Молодой учёный*, № 1(60), с. 411-413.
- Паздникова Н. П. и Шипицина С. Е. (2014). Стресс-тестирование в управлении бюджетными рисками региона // *Экономика региона*, № 3, с. 208-217.
- Панюшкина Е. В. (2014). Концептуальные вопросы управления рисками в финансово-бюджетной сфере национальной экономики // *Инновационная экономика и общество*, № 2(4), с. 38-44.
- Ткачёва Т. Ю., Афанасьева Л. В. и Белоусова С. Н. (2014). Управление бюджетными рисками на региональном уровне с использованием экономико-математических методов оценки // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, № 20, с. 981-985.
- Черкасова Ю. И., Макарова С. Н. и Гордеева Г. П. (2014). Подходы к оценке и минимизации рисков региональных бюджетов // *Вестник КрасГАУ*, № 11, с. 46-53.
- Юшкин С. Н. (2013). Специфика бюджетных рисков территории и пути их минимизации // *Актуальные проблемы экономики и права*, № 1, с. 189-194.
- Якупов З. С. (2013). О бюджетных рисках при формировании налоговой политики России // *Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития*, Т. 10, с. 103-108.
- Янов В. В. (2014). Бюджетные риски муниципального образования в стратегии регионального развития // *Экономика и управление: проблемы и решения*, № 8, с. 138-141.
- Яшина Н. И. и Прончатова-Рубцова Н. Н. (2014). Определение бюджетных рисков Нижегородской области на основе исполнения доходной и расходной части бюджета // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, № 4(36), с. 16-24.

Pulay G., Máté J., Németh I. and Zelei A. (2013). Budgetary Risks of Monetary Policy with Special Regard to the Debt Rule // Public Finance Quarterly, vol. 58, no. 1, pp. 11-34.

REFERENCES

Ageeva V. N. and Postnikov V. P. (2013). On account of risks in formation of regional budgets. Finance and Credit, no. 38(566), pp. 52-56. (In Russian).

Ayupova S. G. (2013). Effective management of the budgetary risk in the region in the conditions of the Russian capitalism. New University, no. 12(34), pp. 55-58. (In Russian).

Cherkasova Yu. I., Makarova S. N. and Gordeeva G. P. (2014). Approaches to an assessment and minimization of risks of regional budgets. Bulletin of KRASGAU. no. 11, pp. 46-53. (In Russian).

Galukhin A. V. (2014). On a question of the budgetary risks of the region. Problems of Development of the Territory, no. 2(70), pp. 216-225. (In Russian).

Gamukin V. V. (2013). Budgetary risks: introduction to the general axiomatics. TERRA ECONOMICUS, vol. 11, no. 3, pp. 52-61. (In Russian).

Gamukin V. V. (2014). Budgetary risk of a political environment. Problems of modern economy, no. 2, pp. 198-204. (In Russian).

Gorokhova D. V. (2013). Management of the budgetary risks of territorial subjects of the Russian Federation: modern view and prospects of development. Financial Journal, no. 3, pp. 55-62. (In Russian).

Ermakova E. A. (2013). Problems of management of regional budgetary risks. Regional Economy. South of Russia, no. 1(1), pp. 35-41. (In Russian).

Istomina N. A. (2014). Productive approach in the budgetary sphere in the context of the budgetary risks. Financial Analytics: Science and Experience, no. 42(228), pp. 56-67. (In Russian).

Kovalyova T. M. (2014). Reservation as method of budget planning. Bulletin of SAMGEU, no. 113, pp. 112-117. (In Russian).

Nikulina E. V. and Fedyushina I. G. (2014). Characteristic of the budgetary risks: economic essence and actions for their minimization. Young Scientist, no. 1(60), pp. 411-413. (In Russian).

Panyushkina E. V. (2014) Conceptual questions of risk management in the financial and budgetary sphere of national economy. Innovative Economy and Society, no. 2(4), pp. 38-44. (In Russian).

Pazdnikova N. P. and Shipitsina S. E. (2014). Stress Analysis in Managing the Region's Budget Risks. Economy of Region, no. 3, pp. 208-217. (In Russian).

Pulay G., Máté J., Németh I. and Zelei A. (2013). Budgetary Risks of Monetary Policy with Special Regard to the Debt Rule. Public Finance Quarterly, vol. 58, no. 1, pp. 11-34.

Tkachyova T. Yu., Afanasyeva L. V. and Belousova S. N. (2014). Management of the budgetary risks at the regional level with use of economic-mathematical methods of an assessment. The Scientific and Methodical Electronic Journal "Kontsept", no. 20, pp. 981-985. (In Russian).

Yakupov Z. S. (2013). About the budgetary risks when forming a tax policy of Russia. Economy and Management in the XXI Century: Development Tendencies, vol. 10, pp. 103-108. (In Russian).

Yanov V. V. (2014). Fiscal risks of municipal education in the regional development strategy. Economics and Management: Problems and Solutions, no. 8, pp. 138-141. (In Russian).

Yashina N. I. and Pronchatova-Rubtsova N. N. (2014). Determination of budget risks of the Nizhni Novgorod region based on the performance of the revenue and expenditure sides of the budget. Herald of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences, no. 4(36), pp. 16-24. (In Russian).

Yushkin S. N. (2013). Features of territory budget risks and ways of their

- minimization. *Actual Problems of Economics and Law*. no. 1, pp. 189-194. (In Russian).
- Zotova A. I., Kirichenko M. V. and Korobko S. A. (2014). The risk-focused approach to the organization of the budgetary process at the subfederal level. *Finance and Credit*, no. 39(615). (In Russian).

МОНЕТАРНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

КАВИЦКАЯ ИРИНА ЛЕОНИДОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры макроэкономического анализа,
НИУ ВШЭ, г. Москва,
e-mail: kavitskaya@hse.ru

Статья представляет собой анализ монетарной политики Европейского Центрального Банка (ЕЦБ) в условиях современного кризиса. В статье проведена систематизация монетарной политики ЕЦБ в условиях современного кризиса, детально исследованы меры монетарной политики ЕЦБ на различных этапах кризиса. Проведенный анализ показал, что монетарная политика ЕЦБ существенно отличается от действий других ЦБ во время современного кризиса (например, ФРС). Так, ЕЦБ совмещал нетрадиционную монетарную политику с традиционными мерами, а не заменял их. ЕЦБ чаще всего использовал кредитное, а не количественное смягчения. ЕЦБ использовал монетарную политику не только для борьбы с финансовым кризисом, как, например, ФРС, но и для борьбы с долговым кризисом. Данные особенности монетарной политики ЕЦБ были обусловлены как институциональными характеристиками Евросоюза, так и особыми условиями протекания финансового кризиса в зоне евро.

Ключевые слова: монетарная политика ЕЦБ; нетрадиционная монетарная политика; институциональные факторы.

THE MONETARY POLICY OF THE EUROPEAN CENTRAL BANK IN MODERN CONDITIONS

KAVITSKAYA IRINA, L.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department «Macroeconomic Analysis»,
Higher School of Economics, Moscow,
e-mail: ikavitskaya@hse.ru

The paper presents the monetary policy analysis of the European Central Bank (ECB) under the present crisis conditions. The paper systematizes the ECB monetary policy in today's crisis and researches it at different stages of the crisis. A detailed analysis showed that the ECB's monetary policy is significantly different from the actions of other central banks during the current crisis (for example, the Federal Reserve). Thus, the ECB unconventional monetary policy combined with traditional measures, but does not replace them. Often ECB use credit easing instead of quantitative easing. The ECB's monetary policy used not only to combat the financial crisis, such as the Fed, but also to deal with the debt crisis. These features of the ECB's monetary policy were due to both the institutional characteristics of the European Union, as well as special conditions of flow of the financial crisis in the euro zone.

Keywords: the monetary policy of the ECB; unconventional monetary policy; institutional factors.

JEL: E58, E61, G01, G11.

© Кавицкая И. Л., 2015

В условиях разразившегося глобального финансового кризиса Европейский Центральный Банк, также как и многие Центральные Банки, был вынужден перейти к мерам нетрадиционной монетарной политики. Но его обращение к нетрадиционным мерам существенно отличалось от действий остальных Центральных Банков (например, ФРС или Банка Англии). Особенный характер действий Европейского Центрального Банка (ЕЦБ), отмечаемый многими исследователями (*Darracq-Paries and De Santis, 2013; Cour-Thimann and Winkler, 2012; Creel, Hubert and Viennot, 2013; Blot and Labondance, 2013; Al-Eyd and Berkmen, 2013*), был обусловлен как институциональными характеристиками Евросоюза, так и специфическими условиями протекания финансового кризиса в зоне евро. ЕЦБ не стремился заменить новыми мерами действие стандартной политики. Напротив, его нестандартные меры были направлены на поддержку эффективной работы трансмиссионных механизмов стандартной процентной политики, дополняя, а не отменяя ее, воздействуя на экономики стран-участниц Евросоюза, согласно сложившейся в зоне евро экономической ситуации.

Для более подробного анализа монетарной политики ЕЦБ в условиях современного финансового кризиса в работе выделено три периода ее реализации, принципиально различающиеся как целями политики, так и их реализацией:

I период: август 2007 года — май 2010 года.

II период: май 2010 года — май 2013 года.

III период: май 2013 года — по настоящее время.

Работа построена следующим образом. Первая часть работы посвящена месту и роли ЕЦБ в Евросоюзе, его целям, задачам, функциям, основным инструментам. Анализ политики ЕЦБ в условиях современного кризиса проведен во второй, третьей и четвертой частях работы. В заключении представлены выводы проведенного анализа.

Монетарная политика Евросоюза и ЕЦБ

На основе Договора о функционировании Европейского Союза (ТФЕУ) для проведения единой монетарной политики в странах-участницах Евросоюза была создана Единая система центральных банков (ЕСЦБ), включающая в себя наднациональное банковское учреждение – Европейский Центральный Банк (ЕЦБ), и Национальные банки стран – членов Европейского Экономического сообщества (НЦБ). В основу построения Единой системы центральных банков было заложено два основных принципа. Первый: ЕСЦБ должна быть независимой от политического вмешательства в ее деятельность государств – членов, а также различных европейских институтов системой, что подразумевает, в частности, ее отделение от фискальной политики. Второй: главной целью ЕСЦБ, согласно статье 127.1 Договора о функционировании Европейского союза (ТФЕУ), является поддержание ценовой стабильности¹, то есть удерживание уровня инфляции на уровне 2%.

Задачами ЕСЦБ, согласно статье 127.2 Договора о функционировании Европейского союза (ТФЕУ), являются определение и реализация монетарной политики Европейского Экономического сообщества, проведение операций с иностранной валютой, хранение и управление официальными валютными резервами государств – участниц Европейского Экономического сообщества, обеспечение бесперебойной работы платежных и расчетных систем. Кроме решения вышеперечисленных задач, ЕЦБ также выполняет следующие функции: эмиссия евро, участие в пруденциальном надзоре за деятельностью кредитных и других финансовых учреждений, проведение консультаций, сбор статистических данных.

Для реализации приведенных выше задач ЕЦБ использует операции на открытом рынке, дисконтную ставку и норму резервирования. Посредством этих инструментов ЕЦБ влияет на рыночные процентные ставки, предоставляя больше (или меньше) ликвидность банкам, если он хочет, чтобы процентные ставки уменьшились (увеличились). Он выделяет такое количество ликвидности, которое

¹ См.: (<https://www.ecb.europa.eu/mopo/strategy/pricestab/html/index.en.html>).

позволяет банкам удовлетворять свои потребности в ликвидности по цене, которая необходима ЕЦБ.

Наибольшую роль в операционном механизме монетарной политики ЕЦБ играют операции на открытом рынке, представляющие собой более сложные операции ЦБ на рынке ценных бумаг, чем это принято понимать. Среди разнообразных операций ЕЦБ на открытом рынке (ECB, 2011) наиболее важными являются операции основного рефинансирования (MRO) и долгосрочные операции по рефинансированию (LTRO). Кредитование через эти операции на открытом рынке обычно происходит в форме обратных сделок, в результате которых ЕЦБ покупает активы у банка под договор их обратного выкупа, или предоставляет кредит под залог активов в качестве обеспечения. Операции MRO это недельные операции, они являются краткосрочными операциями на открытом рынке, то есть обеспечивают воздействие на ставку процента в рамках ограниченного, предварительно заданного периода. Еженедельные операции MRO ЕЦБ дополняет регулярными ежемесячными операциями LTRO с различными сроками погашения (первоначально со сроками погашения шесть или двенадцать месяцев). Операции LTRO направлены на обеспечение долгосрочной ликвидности европейской банковской системы.

Политика ЕЦБ после начала финансового кризиса

В первые годы своего существования² ЕЦБ действовал достаточно активно, реализуя основную цель единой монетарной политики Евросоюза. В целом (см. рис. 1), можно говорить о том, что до июля 2007 года ему удавалось поддерживать целевой уровень инфляции на уровне 2%, хотя рост МЗ оставался на значительно большем уровне, чем ориентировочный целевой уровень в 4,5%, объявленный ЕЦБ.

Кризис, начавшийся в августе 2007 года в США, резко дестабилизировал европейские экономики. Произошло резкое сокращение предложения кредитов, что привело к увеличению рыночных ставок и к росту спреда между межбанковскими ставками и ставкой политики.

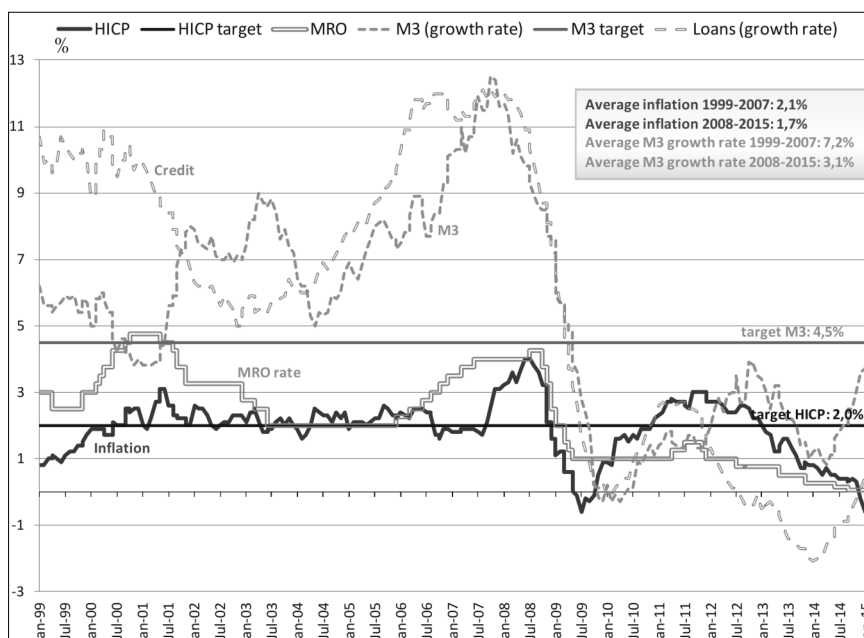

Рис. 1. Инфляция, ставка MRO, денежная масса (M3) и темп роста кредитов

Источник: (Micossi, 2015).

² Дата создания ЕЦБ - 1 июня 1998 года.

Меры, предпринятые ЕЦБ на начальном этапе кризиса, были направлены в основном на стабилизацию финансового рынка и, прежде всего, банковского сектора, как основы европейской банковской системы, посредством предоставления ей дополнительной ликвидности.

Так, в августе 2007 года ЕЦБ изменяет порядок распределения ликвидности банковскому сектору. Теперь ликвидность предоставляется в начале каждого отчетного периода с избытком, постепенно снижаясь до нуля к концу периода, а не равномерно в течение всего периода как раньше. Также ЕЦБ проводит дополнительно долгосрочные операции по рефинансированию (LTRO) со сроком погашения три, а затем и шесть месяцев. Доля долгосрочных операций в общем объеме операций рефинансирования достигла к середине 2008 г. 61% (*Micossi, 2015*). В декабре 2007 г. ЕЦБ проводит операции по предоставлению долларовой ликвидности в соответствии с программой льготного кредитования ФРС. ЕЦБ предоставляет долларовые кредиты европейской банковской системе посредством операций РЕПО, проводимых на аукционах с фиксированной ставкой.

После шока, спровоцированного банкротством банка Леман Бразерс, ЕЦБ действует более активно и изобретательнее, чутко реагируя на изменения, происходящие в европейской экономике, приспособливая свои меры конкретному состоянию европейской экономики.

После краха банка Леман Бразерс состояние европейской экономики характеризовалось острым банковским кризисом, сопровождавшимся нехваткой ликвидности, ростом процентных ставок, недоверием к банковской системе, оттоком из банков вкладов в евро.

Для увеличения ликвидности в период с октября 2008 года по май 2009 года ЕЦБ снижает ставку рефинансирования на 3,25 процентных пункта, опуская ее до 1%.

Вместе с тем, ЕЦБ применяет комплекс мер, ставших известными как "расширенная кредитная поддержка". Главная цель этих мер - поддержка коммерческих банков стран-участниц Евросоюза.

Основу "расширения кредитной поддержки" составили модифицированные операции MRO и LTRO, в результате которых де-факто банки получали неограниченный доступ к ликвидности центрального банка по фиксированной процентной ставке при предоставлении адекватного обеспечения.

Также в этот период ЕЦБ вводит программу выкупа облигаций с покрытием - Covered Bond Purchase Programmes (CBPP 1), призванную облегчить условия финансирования для кредитных учреждений и предприятий. Пик этой программы пришелся на период с 4 июля 2009 г. по 30 июня 2010 г., когда ЕЦБ в рамках прямого финансирования банковского сектора выкупил облигаций с покрытием на сумму 61 млрд. евро.

Сам ЕЦБ следующим образом классифицирует меры своей политики в этот период³: размещение запросов ликвидности банков по фиксированным процентным ставкам; расширение списка активов, имеющих право выступать в качестве залога; удлинение сроков погашения операций по рефинансированию до 1 года; обеспечение ликвидности в иностранной валюте, в частности доллара США; прямые закупки, номинированных в евро облигаций, выпущенных в еврозоне.

В этот период основной целью ЕЦБ была стабилизация финансового рынка и, прежде всего, банковского сектора, реализация этой цели происходила в основном через функцию кредитора последней инстанции для банковского сектора.

Политика ЕЦБ и долговой кризис

Несмотря на улучшение ситуации в европейских экономиках к 2010 году, во многом в результате мер ЕЦБ по поддержке банковской кредитоспособности и введению новых механизмов финансирования, в странах Евросоюза происходит стремительный рост бюджетных дефицитов. Это было обусловлено как применением

³ См.: (http://www.ecb.europa.eu/press/key/date/2009/html/sp091016_1.en.html).

странами-участницами антикризисной фискальной политики, так и снижением доходов бюджета в результате рецессии. Рост бюджетных дефицитов провоцирует наращивание объемов государственного долга во всех странах ЕС, что в конечном итоге и приводит Европу к крупномасштабному долговому кризису.

В начальный период долгового кризиса (май 2010 года - август 2011 года), несмотря на его стремительное развитие, ЕЦБ старается не вмешиваться, практически не используя свою функцию кредитора последней инстанции для суверенных долговых рынков стран-участниц Евросоюза. Единственной мерой, которую ЕЦБ применяет как кредитор последней инстанции для суверенных долговых рынков в этот период, стала программа покупки бондов у коммерческих банков на вторичном долговом рынке (SMP). Средства, вырученные от продажи бондов коммерческими банками, ЕЦБ в дальнейшем стерилизует в рамках еженедельных депозитных операций. Программа SMP предусматривала выкуп у коммерческих банков как государственных, так и корпоративных облигаций. Программа стартовала 9 мая 2010 года. Данная программа была призвана поддержать страны с высоким уровнем долга и обеспечить дополнительную ликвидность на рынке, но длительность ее реализации и количество выкупаемого долга не были четко определены, что вносило неопределенность на рынок гособлигаций.

Хотя, как показали дальнейшие события, меры, предпринятые ЕЦБ в этот период, оказались недостаточными, но поскольку ситуация в апреле - августе 2011 на финансовых рынках начала улучшаться, ЕЦБ решил отказаться от дальнейшего стимулирующего вмешательства. В апреле 2011 года ЕЦБ решил даже поднять процентные ставки с 1,00% до 1,25% и до 1,5% в июле 2011 из-за риска инфляции. Кроме того, программа выкупа долгосрочных государственных облигаций (SMP) была прекращена.

Следующий этап долгового кризиса (август 2011 года - январь 2013 года), получивший название "дьявольская ловушка" ("Diabolic Loop"), отличался ситуацией двойного кризиса (twin crisis), то есть развитием одновременно как долгового, так и банковского кризиса. Критическая ситуация, сложившаяся в результате двойного кризиса, заставила ЕЦБ вернуться к активному воздействию на экономику.

Первоначально ЕЦБ предпринимает попытку воздействия на европейскую экономику ставшими привычными для него мерами борьбы с современным финансовым кризисом: банкам предоставляются 3-х летние РЕПО под фиксированную ставку, процентная ставка MRO снижена до 0,75%.

Но эти меры, предоставляя по сути дела неограниченную ликвидность банковскому сектору, приводя к улучшению ситуации на межбанковском рынке, не способны решить долговые проблемы. Поэтому в июле 2011 года ЕЦБ возобновляет программу SMP, и уже в феврале 2012 по этой программе было куплено максимальное количество государственных облигаций на сумму 220 млрд. евро. Также была введена вторая программа выкупа облигаций с покрытием - Covered Bond Purchase Programmes (CBPP 2), максимум операций по этой программе составил 16 млрд евро.

ЕЦБ в этот период проводит также две сверхдолгосрочные операции по рефинансированию (VLTRO) с 36-месячным сроком погашения, первая из которых была проведена в декабре 2011 года, а вторая в феврале 2012 года.

Но двойной кризис продолжает набирать обороты. Дальнейшее его развитие провоцирует критическое состояние банковской системы Испании в начале 2012 года. Недоверие к финансовому состоянию Испании и остальных южноевропейских стран приводит к очередному стремительному росту доходности по государственным облигациям.

Для преодоления ситуации с долговыми обязательствами в сентябре 2012 года ЕЦБ начинает новую программу выкупа государственных облигаций - программа прямых денежных операций (OMP). Программа ОМТ отличалась от операций количественного смягчения QE ФРС США, поскольку при ОМТ не

происходило увеличения денежного предложения, так как ЕЦБ проводило полную стерилизацию операций ОМТ.

Программа ОМТ пришла на замену программе SMP, объем которой к тому моменту составил 219,5 млрд. евро. Несмотря на то, что целью обеих программ являлось снижение риск-премии по государственным облигациям и снижение стоимости привлечения новых долгов, программа ОМТ ограничивалась покупкой облигаций сроком погашения до 3-х лет, в то время как программа SMP была направлена на выкуп долгосрочных облигаций. Также были введены более жесткие критерии по участию государственных облигаций в программе: ЕЦБ выкупал облигации лишь в том случае, если страна-эмитент полностью соблюдала перечень фискальных правил и макроэкономических целей, введенных Европейским фондом финансовой стабильности и Европейским стабилизационным механизмом. Более того, в случае соблюдения данных правил объем интервенций ЕЦБ не был ограничен, что позволило решить, как и проблемы фискальной дисциплины южноевропейских стран, так и успокоить финансовые рынки и инвесторов, воспринимавших предыдущую программу как временную и ограниченную.

В последней части этого периода (с января 2013 года по май 2013 года) напряженность на денежных рынках и рынках облигаций несколько отступила, наблюдалась ситуация избыточной ликвидности, банки начали погашать кредиты, взятые у ЕЦБ, началось снижение размера баланса ЕЦБ.

Характеризуя в целом политику ЕЦБ в этот период, следует отметить, что главной целью ЕЦБ в этот период стала борьба с долговым кризисом, отличительной особенностью этого периода стала реализация ЕЦБ функции кредитора последней инстанции для суверенных долговых рынков стран-участниц Евросоюза.

Новая нетрадиционная политика ЕЦБ

Начало этого этапа характеризовалось резким уменьшением размера баланса ЕЦБ и избыточных резервов, что объясняется досрочным погашением 1 триллиона VLTRO. С одной стороны, это явилось благоприятным сигналом состояния банковского рынка, показывающим, что банки меньше нуждаются в помощи ЕЦБ. С другой стороны, поскольку количество кредитов в экономике уменьшилось (так как уменьшение избыточных резервов свидетельствовало о том, что банки не использовали избыточные резервы для предоставления кредитов, а использовали их для операций на фондовом рынке), это подтолкнуло рыночные процентные ставки к росту.

В ответ на резкое повышение рыночных процентных ставок ЕЦБ начал их снижение. В ноябре 2013 года ставка MRO была снижена до 0,25%, предельная кредитная ставка была сокращена до 0,75%, а ставка по депозитам была сокращена до 0,0%.

В середине 2013 года ЕЦБ перешел к новой для него нетрадиционной мере монетарной политики – политике объявлений (*forward guidance*), призванной дать четкое представление о долгосрочном развитии ключевых процентных ставок, уменьшая их волатильность и неопределенность (*Filardo and Hofmann, 2014*).

В июне 2014 года ЕЦБ опять сокращает процентные ставки: ставка MRO была сокращена до 0,15%, предельная ставка кредитования до 0,40%, а ставка по депозитам до -0.10% с симметричным коридором с 75 п.п. до 50 п.п. Кроме того, ЕЦБ объявил о приостановлении стерилизации операций SMP.

Также была введена программа целевого долгосрочного рефинансирования (*Targeted Long Term Refinancing Operation* или *TLTRO*). В рамках данной программы по предположению ЕЦБ в течение 2014 и 2015 годов банки смогли бы получить денег в объеме до 1 трлн. евро. Отличие *TLTRO* от *LTRO* в том, что ЕЦБ ввел для коммерческих банков ограничение на использование полученных средств, заставляя банки тратить полученные деньги на кредитование реального сектора экономики. При этом депозитная ставка была предварительно введена в отрицательную зону, чтобы полностью отбить у банков желание хранить деньги на

депозите в ЕЦБ сверх установленного нормативами значения.

В сентябре 2014 года ЕЦБ объявляет о начале программы покупки облигаций, обеспеченных активами (asset-backed securities программа или ABS), а также покупку облигаций с гарантированным покрытием. Эти программы получили название ABSPP и CBPP 3. Их срок действия должен быть не менее двух лет. Программы ABSPP и CBPP 3 были запущены с целью стимулирования кредитования реального сектора экономики (через воздействие на долгосрочные ставки процента), что должно было способствовать, преодолению дефляционных тенденций, наблюдаемые в 2014-2015 годах, и, в конечном итоге, возвращению инфляции к целевому значению на уровне 2%.

В январе 2015 ЕЦБ анонсирует начало программы количественного смягчения (QE)⁴. В дополнение к программам покупки облигаций, обеспеченных активами (ABSPP), а также программе покупки облигаций с гарантированным покрытием (CBPP 3), он объявляет о начале программы покупок в публичном секторе (public sector purchase programme или PSPP). Программа PSPP предполагает покупки на открытом рынке ЕЦБ суверенных облигаций правительств еврозоны и ценных бумаг европейских институтов и национальных агентства ежемесячно на сумму до 60 млрд. до конца сентября 2016 года или дольше в случае необходимости. Под действие PSPP попадают, согласно списку, представленному ЕЦБ⁵, следующие государственные и надгосударственные учреждения: Банк развития Совета Европы, Европейское сообщество по атомной энергии (ЕВРАТОМ), Европейский фонд финансовой стабильности (EFSF), Европейский механизм стабильности (ESM), Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), Европейский союз, Инвестиционный банк стран Северной Европы (ИБСЕ), а также долговые агентства и государственные банки Франции, Испании, Германии. Размер программы ЕЦБ будет основан на долях участия Центральные банки отдельных стран в капитале ЕЦБ, отражающих доли государств в населении и ВВП Европейского союза. Бумаги, выкупленные ЕЦБ в рамках более ранней программы Securities Markets Program (SMP), будут учитываться для определения лимитов по QE. Лимит выкупа по одному эмитенту составит 33% в рамках всех действующих программ ЕЦБ, по одному выпуску ценных бумаг 25%. Все ограничения рассчитываются с учетом номинала бумаг, а не их рыночной стоимости.

Программа стартовала 9 марта 2015 года. За прошедший период ЕЦБ ежемесячно покупает по программе PSPP активы в среднем на сумму 60 млрд евро⁶, так в сентябре ЕЦБ купил активы на 63.0 млрд.евро⁷. Согласно прогнозам PIMCO, до 2017 года ЕЦБ увеличит объем ежемесячной покупки активов в рамках количественного смягчения до 70 млрд евро в месяц или отодвинет сроки окончания QE⁸.

Характерной особенностью этого периода является расширение ЕЦБ применяемых мер нетрадиционной политики: дополнение кредитного смягчения политикой заявлений и количественным смягчением.

Заключение

До начала современного финансового кризиса ЕЦБ успешно с помощью имеющегося в его распоряжении традиционного операционного механизма поддерживал декларированный им уровень инфляции в 2%. Но после начала глобального финансового кризиса ЕЦБ, также как и многие Центральные Банки, был вынужден перейти к мерам нетрадиционной монетарной политики. Обращение ЕЦБ к нетрадиционным мерам монетарной политики носило отличный от действия других ЦБ характер. Специфика использования монетарной политики ЕЦБ была

⁴ См.: (<https://www.ecb.europa.eu/explainers/tell-me-more/html/asset-purchase.en.html>).

⁵ См.: (<https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/omt/html/pspp.en.html>).

⁶ См.: (<https://www.ecb.europa.eu/mopo/implement/omo/html/index.en.html>).

⁷ См.: (<http://www.reuters.com/article/2015/10/05/ecb-qe-idUSEONF9U0SI20151005>).

⁸ См.: (<http://ru.investing.com/news/новости-экономических-индикаторов/в-ецб-считают-преждевременным-обсуждение-расширения-qe-в-еврозоне-189219>).

обусловлена, с одной стороны, институциональными особенностями Евросоюза (такими как единая монетарная политика сообщества стран, основной целью которой является низкая инфляция, отсутствие у стран-участниц монетарного инструментария для воздействия на экономику своих стран, наличие финансовой системы, основой которой являются коммерческие банки), а с другой - особенностями протекания современного кризиса в Евросоюзе (такими как сочетание банковского и долгового кризисов).

На основе проведенного выше анализа можно выделить следующие отличительные особенности монетарной политики ЕЦБ в условиях современного кризиса:

- нетрадиционные меры монетарной политики не замещали традиционную монетарную политику, а действовали параллельно с ней, помогая традиционной процентной политике лучше воздействовать на экономику;

- ЕЦБ предпочитал (до недавнего времени) нетрадиционно воздействовать на экономику, используя инструменты кредитного смягчения с последующей стерилизацией последствий их воздействия на денежное предложение, в то время как в мировой практике наиболее распространенный инструмент нетрадиционной монетарной политики – количественное смягчение (QE);

- ЕЦБ использовал монетарную политику не только для борьбы с финансовым кризисом, как, например, ФРС, но и для борьбы с долговым кризисом.

Эти особенности говорят о том, что монетарная политика ЕЦБ в ходе кризиса может быть определена как политика «погони за двумя зайцами», что и является причиной неудач ЕЦБ. Поскольку, как известно, нельзя использовать один инструмент (монетарную политику) для достижения двух целей (например, для стабилизации финансового рынка и решения долговых проблем, как это делал ЕЦБ).

Последние события: переход к количественному смягчению, отказ от стерилизации воздействия нетрадиционных мер на экономику, - говорят о том, что ЕЦБ пытается изменить свой подход к использованию нетрадиционных мер. Удается ли ему это или нет – покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Al-Eyd A. and Berkmen S. P. (2013). Fragmentation and monetary policy in the euro area // IMF Working Paper, WP/13/208.

Bini Smaghi L. (2009). Conventional and unconventional monetary policy // Keynote lecture at the International Center for Monetary and Banking Studies (ICMB), Geneva, 28, April.

Blot C., Creel J., Hubert P. and Labondance F. (2014). Dealing with the ECB's triple mandate // In Reforming Europe, ed. Christophe Blot, Olivier Rozenberg, Francesco Saraceno and Imola Strehö, pp. 163-173. Paris, France: OFCE-SciencePo.

Blot C. and Labondance F. (2013). Business lending rate pass-through in the Eurozone: monetary policy transmission before and after the financial crisis // Economics Bulletin, no. 33(2), pp. 973-985.

Claeys G., Leandro A. and Mandra A. (2015). European Central Bank quantitative easing: the detailed manual // Bruegel Policy Contribution, ISSUE 2015/02, 11 March.

Cour-Thimann P. and Winkler B. (2012). The ECB's non-standard monetary policy measures: the role of institutional factors and financial structure // Oxford Review of Economic Policy, no. 28(4), pp. 765-803.

Creel J., Hubert P. and Vennot M. (2013). Assessing the interest rate and the bank lending channels of ECB monetary policies // Documents de Travail de l'OFCE, no. 2013-25, Observatoire Français des Conjonctures Économiques (OFCE).

Darracq-Paries M. and De Santis R. (2013). A non-standard monetary policy shock. The ECB's 3-years LTROs and the shift in credit supply // ECB Working Paper Series, no. 1508.

ECB (2010). The ECB's Responses to the Financial Crisis // *ECB Monthly Bulletin*, October, pp. 59-74.

ECB (2011). The ECB's Non-Standard Measures-Impact and Phasing-Out // *ECB Monthly Bulletin*, July, pp. 55-69.

ECB (2014). Monetary policy instruments. (http://www.ecb.europa.eu/ecb/educational/facts/monpol/html/mp_010.en.html - Access Date: 01.08.2015).

Filardo A. and Hofmann B. (2014). Forward guidance at the zero bound // *BIS, Quarterly Review*, March.

Harari D. (2014). Public debt, monetary policy and financial stability // *Financial Stability Review*.

Martin F. M. and Waller C. J. (2012). Sovereign Debt: A Modern Greek Tragedy // *Federal Reserve Bank of St Louis Review*, no. 94(5), pp. 321-39.

Matthijs M. (2013). The Eurozone Crisis. Growing Pains or Doomed from the Start? // *Routledge Handbook of Global Economic Governance*, pp. 202-218.

Micossi S. (2015). The monetary policy of European Central Bank (2002-2015) // *CEPS Special Report*, no. 109, May.

МЕТОДЫ СНИЖЕНИЯ РИСКОВ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК*

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

Доминирование в антикоррупционной политике РФ мер по борьбе с низовой коррупцией при фактическом саботаже войны с "верхушечной" обуславливает необходимость анализа мирового опыта их локализации. Высокая политизированность этой проблемы в системе закупок для удовлетворения потребностей общественного сектора обостряется триллионными объемами государственных расходов и параллельно растущими потерями от коррупции. В статье анализируется мировой опыт локализации коррупции в сфере бюджетных закупок, начиная с Конвенции ООН против коррупции и заканчивая современным, широко используемым в мировой практике методом дисквалификации. Проведен сравнительный анализ зарубежной и российской антикоррупционной политики в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Обоснованы методы тестирования коррупционных действий, способы противодействия коррупции, снижающие эти потери. Это позволило предложить комплексные меры локализации коррупции.

Ключевые слова: коррупция; чиновники; государственные закупки; рентоориентированное поведение; типы коррупции; дисквалификация; административные, нормативные и социальные методы; реестры; *lex imperfecta*; *lex simulata*.

REDUCTION METHODS OF THE CORRUPTION RISKS IN THE PUBLIC PROCUREMENT SPHERE

BELOKRYLOVA OLGA, S.,

Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department of Economics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

While the dominant place in the Russian state policy against corruption belongs to the struggle against low-level corruption, virtually, high-level corruption is tending to be ignored. In these conditions it is highly important to analyze international experience for the reduction of its risks. The fact that the issue is closely connected to politics in order to satisfy the needs of public sector, is exacerbated more by the huge sums of public expenditures and simultaneously growing losses because of the corruption. Author analyzes international experience of the corruption restriction in the public procurement system beginning with the UN Convention against corruption and ending

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00487213.01-24/2013-132 «Экономические и правовые риски российской системы государственных и муниципальных закупок: факторы, оценка, меры снижения (локализации)».

with the modern widely spread in international practice method of disqualification. The comparative analysis of international and Russian anti-corruption policies in the public procurement sphere was conducted. The author substantiated the methods of corruption revelation and the ways of resistance towards corruption which help to reduce the losses. In the final analysis complex arrangements for the corruption restriction were proposed.

Keywords: *corruption; officials; public procurement; rent-seeking; corruption types; disqualification; administrative, legal and social methods; registers; lex imperfecta; lex simulata.*

JEL: H57, B52, D44.

Принимаемые достаточно жесткие меры по борьбе с коррупцией в соответствии с Федеральным законом "О мерах по борьбе с коррупцией" принесли определенные результаты: по индексу восприятия коррупции в 2011-2012 гг. Россия переместилась на 25 пунктов вверх – на 129 место из 177 стран, в 2014 г. – на 127 место. Конечно, 28 баллов – это зона высокого коррупционного риска, поскольку лидеры - Дания и Н. Зеландия имеют по 91 баллу, даже Турция и Грузия – соответственно 50 и 49 баллов (*Индекс восприятия коррупции, 2015*). При этом система государственных и муниципальных закупок вместо того, чтобы обеспечить искоренение коррупции (*Указ Президента РФ № 305, 1997*), стала наиболее коррупциогенной сферой экономики России. На наш взгляд, разработка механизмов адекватной оценки и системы мер по локализации коррупции в сфере госзакупок базируется на анализе мирового опыта разработки и реализации эффективной антикоррупционной политики.

Если начинать с мирового уровня, то основным международным документом против коррупции является Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, которая вступила в силу в 2005 г. и охватывает четыре основные проблемы: предотвращение коррупции, криминализацию коррупции, международное сотрудничество и возвращение активов (*United Nations Convention against Corruption, 2004. Ch. V*). Согласно Конвенции, наиболее эффективными методами предупреждения коррупции являются разработка антикоррупционной политики и создание антикоррупционного ведомства. Конвенция рассматривает коррупцию во многих отраслях, включая государственный сектор, как уголовно наказуемое злоупотребление влиянием в корыстных целях и незаконное обогащение.

Применительно к системе госзакупок Конвенция по борьбе с коррупцией предусматривает такие меры, как повышение транспарентности, конкуренции и эффективности закупок. Это обусловлено тем, что государственные закупки как институт удовлетворения потребностей общественного сектора особенно подвержены бюрократической коррупции, что объясняется масштабными объемами государственных расходов (на 2016 г. расходы федерального бюджета РФ планируются в сумме 16098 млрд. руб. (*Кузьмин, 2015. С. 3*)), некоммерческим характеромкупающих организаций, характером отношений между лицами, принимающими решения, и государственным органом (*Measures to Prevent Corruption in EU Member States, 1998*), а также низкой заинтересованностью госслужащих, поскольку их зарплаты не соответствуют затраченным усилиям и дополнительно возлагаемым к их основным должностным обязанностям функциям. Асимметричность информации между чиновниками и государством также может являться причиной коррумпированности государственных закупок. Так, обладая большей осведомленностью о рынке и процессе закупок, чиновник может использовать эти знания в корыстных целях, чтобы манипулировать процессом закупок в своих интересах, о чем свидетельствует пораженность сферы государственных закупок коррупцией в странах Европы (*Hors, 2003. P. 101*), где не развита политика регулирования и прозрачности (*Nichols, Siedel and Kasdin, 2004*).

Зарубежные экономисты выделяют государственный и частный характер коррупции (Key, 1989. P. 46-48). В качестве государственного рассматривается такой тип коррупции, в котором участвуют должностные лица и участники торгов (поставщики), сотрудничающие с чиновниками, принимающими решения о закупках. Такой вид коррупционной деятельности принимает форму взятки, уплаченной поставщиком государственному чиновнику, чтобы повлиять на ход осуществления закупки в его интересах. Чиновник также может недобросовестно использовать свои полномочия в процессе принятия решения о том, какие фирмы пригласить к участию в конкурсе, благодаря определению таких критериев, которым будет соответствовать только аффилированная компания, либо присуждению выигрыша контракта предпочтительной компании, нарушая при этом правила конкурентных процедур закупок. Также чиновники недобросовестно применяют дискреционные полномочия для привлечения нужного им поставщика путем разделения большого контракта на несколько лотов, чтобы обойти требования к публикации информации о закупке в необходимых источниках (Bueb and Ehlermann-Cache, 2005).

Наконец, в международной практике государственных закупок выделяется так называемая «авто-коррупция», когда чиновник начинает умышленно помогать интересующей его компании (Priess, 2002. P. 153-155) или использует фиктивную фирму для сокрытия личных интересов. Таким образом, рентоориентированное поведение чиновников (государственная коррупция) является наиболее распространенным типом коррупции в области госзакупок (Measures to Prevent Corruption in EU Member States, 1998. Ch. 2).

Вторым типом коррупции в сфере государственных закупок является частная коррупция, т.е. оппортунистическое поведение со стороны бизнес-структур, участников торгов, которая проявляется в сговоре, фиксации цен, поддержании картелей или других неконкурентоспособных практик, реализуемых участниками торгов (поставщиками). В результате в процессе торгов выявляется недостоверная информация о соотношении цены и качества товаров и услуг.

Меры по локализации коррупции в сфере государственных закупок разделяются на административные, нормативные и социальные. Конечно, не все меры, отраженные в законодательстве разных стран по борьбе с коррупцией в области закупок, прямо касаются коррупции. Так, требования к прозрачности (Arrowsmith, 2005. Ch. 7.12), открытой конкуренции и повышению подотчетности государственных контрактов (Hansen, 2003. P. 2465) целеориентированы на создание институциональной среды и объективно обуславливают невозможность коррупционного взаимодействия чиновников и участников торгов. Административные инструменты по борьбе с коррупцией включают дискреционные меры по отношению к чиновникам - запрет (временный или постоянный) к допуску коррумпированных лиц к государственным контрактам, а по отношению к поставщикам - использование «пактов честности», обязательств по невступлению в сговор с конкурентами. В отношении государственных чиновников административные меры предусматривают также периодическую смену чиновников для предотвращения устойчивости коррупционных отношений, а также декларирование активов на начало и окончание государственной службы (Priess, 2002. P. 141, 156). В РФ пока только декларируются ежегодные доходы и активы чиновников, причем, российский реестр владельцев собираются сделать закрытой информацией. В своем ежегодном, 12-м послании Законодательному собранию 2015 г. В. В. Путин предложил также раскрывать «информацию о контрактах, подрядах, которые государственные и муниципальные служащие планируют заключать с фирмами своих родственников, друзей и близких лиц» (Путин, 2015. С. 2). Это мера, на наш взгляд, хотя и требует определенных затрат на администрирование, но обладает высоким антикоррупционным эффектом, тем более, что отслеживается эта информация чаще всего общественными контролерами (Белокрылов и Цыганков, 2013. С. 100-105).

Нормативные меры по борьбе с коррупцией в госзакупках вводятся законодательством, например, санкции за взятки, включая лишения свободы. Следует отметить, что в РФ сформирована достаточно полная и качественная институционально-правовая база противодействия коррупции, даже учитывая тот факт, что РФ так и не ратифицировала 20-ю статью Конвенции ООН против коррупции.

Конфликты интересов субъектов рынка госзакупок с рентоориентированным поведением обычно разрешаются с помощью административных мер наказания, однако для их предотвращения применяются законодательные методы (*Priess, 2002. P. 141*), которые позволяют выявить чиновника с рентоориентированными интересами и отстранить его от участия в выборе победителя закупки.

Недобросовестных поставщиков, согласно законодательным мерам, вносят в черный список или исключают из участия в государственных закупках. Следует отметить, что такой метод предотвращения коррупции, хотя и практически единственный из двустороннего механизма дисквалификации, эффективно используемого за рубежом (и в отношении поставщика, и в отношении заказчика) применяется и в РФ по отношению к недобросовестным поставщикам, реестр которых ведет ФАС. Аналогичным образом в мировой практике составляются и «белые списки» поставщиков, соответствующих минимальным этическим нормам, необходимым для участия в госзакупках. В РФ реестр добросовестных поставщиков не ведется, но предложения по его созданию высказываются исследователями (*Белокрылова и Воропаева, 2011. С. 165*).

Меры по созданию антикоррупционной институциональной среды, включают повышение прозрачности закупок, открытости и беспристрастности, доступности информации о конкретных закупках (*Arrowsmith, 2005. P. 144*). Согласно С. Эроусмит, прозрачность предполагает принятие решений, основанных на четких правилах, для ограничения излишней свободы в целях предотвращения дискриминации (*Arrowsmith, 1998. P. 793, 797*) как основного фактора коррупции. Достижение максимальной эффективности закупки рассматривается в мировой практике как важнейшая антикоррупционная мера. Максимальная эффективность или наилучшая сделка за деньги государства не означает экономию на качестве товаров, а достигается через поощрение конкуренции, формирование конкурентной среды, широкий выбор поставщиков, из которых государство выбирает лучшего и платит конкурентоспособную, а не монопольную цену (*Beviglia-Zampetti, 1997. Ch. 15*). В некоторых случаях может наблюдаться конфликт между максимальной эффективностью и антикоррупционными мерами. Это происходит, когда механизмы по борьбе с коррупцией являются слишком дорогими, повышая транзакционные издержки.

Социальные меры редко используются в качестве основных инструментов борьбы с коррупцией, чаще они дополняют административные и нормативные меры. Например, если поставщик был осужден за коррупционную деятельность, то результаты по его делу, опубликованные в средствах массовой информации, ведут к потере репутации и клиентуры, а значит, к потере бизнеса. Аналогично воздействие дисквалификации фирмы за коррупционный акт в борьбе за государственный контракт, поскольку ее репутация запятнана и ей сложно вести дела в дальнейшем.

В целом анализ мирового опыта по локализации коррупции в системе госзакупок показывает, что для РФ в настоящее время, прежде всего, необходимо усиление авторитета официальных институтов в системе госзакупок, повышение уровня доверия к ним, снижение транзакционных издержек доступа к государственным контрактам, которые в условиях развивающейся рецессии выступают важнейшим институтом поддержки бизнеса. В. П. Воротников подчеркивает, что институциональная среда коррупции «не лечится частными мерами. Речь идет ни больше, ни меньше как об изменении контракта с государством» (*Воротников, 2004. С. 47*). Зачастую неэффективность контролирующих и правоохранительных мер по локализации коррупции связывают

с ресурсными ограничениями и безнаказанностью, которая детерминируется либо как *lex imperfecta* (несовершенство закона, беззубое право), либо как *lex simulata* - имитационное, мнимое право, норм которого не намерены придерживаться ни исполнители, ни потенциальные объекты воздействия (*Рейсмен, 1988. С. 70*). Например, в послании Законодательному собранию 2015 г. В. В. Путин привел данные о делах, заведенных на предпринимателей, 85% которых развалились в суде (*Путин, 2015. С. 3*), что свидетельствует об имитации законодательных норм или их несовершенстве, но, тем не менее, позволяет отобрать бизнес у подследственных.

Это показывает, что в системе мер по локализации коррупции, наряду с формальной составляющей (соответствие законодательству, прозрачность, открытость государства), существенную роль играют неформальные, морально-этические нормы. Достаточно часто тестируется ситуация преобладания неформальных отношений над должностными и служебными, когда чиновник руководствуется не профессиональными задачами и государственными целями, а ориентируется на получение коррупционной ренты.

Таким образом, хотя в Федеральном законе №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусмотрены такие методы борьбы с коррупцией, как антидемпинговые меры, необходимость обоснования начальной цены контракта, общественное обсуждение крупных и дорогостоящих контрактов, повышение профессиональной квалификации заказчиков, усиление ответственности чиновников, но анализ мирового опыта локализации коррупции в сфере бюджетных закупок свидетельствует о необходимости разработки системы комплексных методов как по тестированию сложно поддающихся наблюдению коррупционных действий, так и способов им противодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белокрылов К. А. и Цыганков С. С. (2013). Институциональная модернизация механизма публичных закупок в контексте перехода к контрактной системе (на примере ЮФУ) // *Terra Economicus*, Т. 11, № 4, Ч. 2.

Белокрылова О. С. и Воропаева С. В. (2011). Институциональная модернизация рынка бюджетных заказов: принципы, инструменты, направления. Ростов н/Д: Содействие - XXI век.

Воротников В. П. (2004). Преодоление теневизации российского общества. Проблемы и решения. М.: РИЦ ИСПИ РАН.

Индекс восприятия коррупции, 2015. (<http://www.transparency.org/cpi2014> - Дата обращения: 20.11.2015).

Кузьмин В. (2015). Бюджет и точка // *Российская газета*, 22 октября.

Путин В. В. (2015). Мы не имеем права быть уязвимыми // *Российская газета*, 4 декабря.

Рейсмен В. М. (1988). Скрытая ложь. Взятки: "Крестовые походы" и реформы. М.: Прогресс.

Указ Президента РФ от 08.04.1997 № 305 «О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращению бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд» // *Российская газета*, 1997, 15 апреля.

Arrowsmith S. (1998). Towards a Multilateral Agreement on Transparency in Government Procurement // *International and Comparative Law Quarterly*.

Arrowsmith S. (2005). The Law of Public and Utilities Procurement. 2nd ed. London: Sweet & Maxwell.

Beviglia-Zampetti A. (1997). The UNCITRAL Model Law on Procurement of Goods, Construction, Services // Hoekman B., Mavrodís P. (eds). Law and Policy in Public Purchasing: The WTO Agreement on Government Procurement. Michigan: University of Michigan Press.

Bueb J. P. and Ehlermann-Cache N. (2005). Inventory of Mechanisms to

Disguise Corruption in the Bidding Process and Some Tools for Prevention and Detection // *Fighting Corruption and Promoting Integrity in Public Procurement*. Paris: OECD.

Hansen J. (2003). Limits of Competition: Accountability in Government Contracting // *Yale Law Journal*, no. 112.

Hors I. (2003). Shedding Light on Corrupt Practices in Public Procurement // *Public Procurement Law Review*, no. 5.

Measures to Prevent Corruption in EU Member States // European Parliament Directorate General for Research Working Paper. Legal Affairs Series JURI. 101 EN 03-1998.

Nichols P., Siedel G. and Kasdin M. (2004). Corruption as a Pan-Cultural Phenomenon: An Empirical Study in Countries at Opposite Ends of the Former Soviet Empire // *Texas International Law Journal*, no. 39.

Key V. (1989). Techniques of Political Graft // Heidenheimer A., Johnston M., LeVine V. (eds). *Political Corruption: A Handbook*. New Jersey: Transaction Publishers.

Priess H. J. (2002). Distortions of Competition in Tender Proceedings: How to deal with Conflicts of Interest (Family Ties, Business Links and Cross-Representation of Contracting Authority Officials and Bidders) and the Involvement of Project Consultants // *Public Procurement Law Review*, no. 11.

United Nations Convention against Corruption. New York: UNITED NATIONS, 2004. (<http://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/index.html#UNCACfulltext> – Дата обращения: 20.11.2015).

REFERENCES

Arrowsmith S. (1998). Towards a Multilateral Agreement on Transparency in Government Procurement. *International and Comparative Law Quarterly*.

Arrowsmith S. (2005). *The Law of Public and Utilities Procurement*. 2nd ed. London, Sweet & Maxwell.

Belokrylov K. A. and Tsygankov S. S. (2013). Institutional Modernization of the Public Procurement Mechanism in the context the Transformation to Contractual System (the Example of the Southern Federal University). *Terra Economicus*, vol. 11, no. 4, part 2. (In Russian).

Belokrylova O. S. and Voropaeva S. V. (2011). Institutional Modernization of the Public Procurement Market: Principles, Methods, Directions. Rostov-on-Don, Publ. House "Assistance – XXI Century". (In Russian).

Beviglia-Zampetti A. (1997). The UNCITRAL Model Law on Procurement of Goods, Construction, Services // Hoekman B., Mavrodís P. (eds). *Law and Policy in Public Purchasing: The WTO Agreement on Government Procurement*. Michigan, University of Michigan Press.

Bueb J. P. and Ehlermann-Cache N. (2005). Inventory of Mechanisms to Disguise Corruption in the Bidding Process and Some Tools for Prevention and Detection // *Fighting Corruption and Promoting Integrity in Public Procurement*. Paris, OECD.

Hansen J. (2003). Limits of Competition: Accountability in Government Contracting. *Yale Law Journal*, no. 112.

Hors I. (2003). Shedding Light on Corrupt Practices in Public Procurement. *Public Procurement Law Review*, no. 5.

Key V. (1989). Techniques of Political Graft // Heidenheimer A., Johnston M., LeVine V. (eds). *Political Corruption: A Handbook*. New Jersey, Transaction Publishers.

Kuz'min V. (2015). The Budget and that's all. *The Russian Newspaper*, October 22. (In Russian).

Measures to Prevent Corruption in EU Member States // European Parliament Directorate General for Research Working Paper. Legal Affairs Series JURI. 101 EN 03-1998.

Nichols P., Siedel G. and Kasdin M. (2004). Corruption as a Pan-Cultural Phenomenon: An Empirical Study in Countries at Opposite Ends of the Former Soviet

Empire. *Texas International Law Journal*, no. 39.

Presidential Decree of 08.04.1997 № 305 "On Priority Measures for Preventing Corruption and Reducing Budget Expenditures in the Establishment of the Procurement for State Needs". *The Russian Newspaper*, 1997, April 15th. (In Russian).

Priess H. J. (2002). Distortions of Competition in Tender Proceedings: How to deal with Conflicts of Interest (Family Ties, Business Links and Cross-Representation of Contracting Authority Officials and Bidders) and the Involvement of Project Consultants. *Public Procurement Law Review*, no. 11.

Putin V. V. (2015). We have no right to be exposed. *The Russian Newspaper*, December 4. (In Russian).

Rasemen V. M. (1988). The Hidden Lie. Briberies: "the Crusades" and the Reforms. Moscow, Progress Publ. (In Russian).

The Index of the Corruption Perception, 2015. (<http://www.transparency.org/cpi2014> – Access Date: 20.11.2015). (In Russian).

United Nations Convention against Corruption. New York, UNITED NATIONS, 2004. (<http://www.unodc.org/unodc/en/treaties/CAC/index.html#UNCACfulltext> – Access Date: 20.11.2015).

Vorotnikov V. P. (2004). Preventing the Shadow State Transformation of Russian Society. The Issues and Solutions. Moscow, RITS ISPI the RAS. (in Russian).

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ КОРРУПЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ*

БЕЛОКРЫЛОВ КИРИЛЛ АНАТОЛЬЕВИЧ,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: k.belokrylov@yandex.ru

Повышение степени риска коррупции в системе госзакупок обуславливает необходимость углубления экономико-теоретического анализа сложившихся моделей экономики коррупции, оценки мирового опыта их практического применения. Рассмотрены две модели экономики коррупции - статическая модель захвата ренты, динамическая модель коррупции С. Роуз-Аккерман и динамическая модель Ф. Т. Луи. На этой основе оценен институт дисквалификации, применяемый в развитых странах, институт реестра недобросовестных поставщиков РФ. Сделан вывод о высокой эффективности института общественного контроля как превентивной и корректирующей меры по локализации коррупции.

Ключевые слова: коррупция; риск коррупции; модель захвата ренты; динамическая модель коррупции; институт дисквалификации; реестр недобросовестных поставщиков; общественный контроль.

THE MODELING OF CORRUPTION ECONOMICS: THEORETICAL APPROACHES

BELOKRYLOV KIRILL, A.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department "Economic Theory",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: k.belokrylov@yandex.ru

The increasing scale of corruption risk in public procurement system requires the intensification of theoretical analyses of existing models in the sphere of corruption economics and estimation of international experience in their practical applications. Two models of the economics of corruption were analyzed: static model of rent acquisition, C. Rose-Ackerman's dynamic model of corruption and F. T. Lui dynamic model. Thereupon, the disqualification institution applied in developed countries and Russian institution of unfair suppliers list were estimated. The author made conclusion of high efficiency of public control institution as preventing and correctional measure for reducing corruption.

Keywords: corruption; corruption risk; model of rent acquisition; dynamic model of corruption; disqualification institution; unfair suppliers list; public control.

JEL: H57, B52, D44.

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00487213.01-24/2013-132 «Экономические и правовые риски российской системы государственных и муниципальных закупок: факторы, оценка, меры снижения (локализации)».

Системная коррупция, пронизывающая все сферы общественной жизни России, является важнейшим риском, угрожающим экономической безопасности государства. Риск традиционно определяется как возможность отклонения от цели, ради достижения которой принималось решение (*Бечкаш, Мессен и Мико, 1979*), а также как выбор альтернатив в ситуации неопределенности. Поэтому риск коррупции характеризует поведение экономических субъектов в условиях высоких институциональных барьеров по выбору оптимального решения из двух альтернатив – следовать установленным (легитимным) правилам игры или обойти институциональный барьер путем коррупционного взаимодействия с непосредственным контрагентом на основе оценки вероятности достижения желаемого результата и степени отклонения от него (положительного или отрицательного).

Институционализация риска коррупции ограничивает свободу действий экономических субъектов, поскольку в условиях бытового характера коррупции в РФ заблокированы социальные нормы, направляющие их поведение в легитимное русло. Выбор рискованного коррупционного поведения может вынуждаться такими факторами, как личностные диспозиции экономических субъектов и чиновников, массовые институциональные практики в обществе, параметры конкретной ситуации (наличие угрозы, отсутствие средств, времени). Поэтому риск коррупции, по нашему мнению, относится к рискам ординарного типа и характерен для каждодневных, рутинных ситуаций. К числу главных факторов, определяющих уровень коррупционной рискованности хозяйственной деятельности в России, следует отнести нестабильность и противоречивость законодательства, непредвиденные действия государственных органов, неопределенность экономической политики, непрогнозируемые изменения конъюнктуры внутреннего и внешнего рынка, оппортунистические действия конкурентов и хозяйственных партнеров, конъюнктура на внутреннем и внешнем рынке и т.д.

Активизация борьбы с коррупцией, например, ужесточение санкций (*White, 2000; Jacobs, Friel and Radick, 1999*) применительно к коррумпированным фирмам и государственным служащим (*Kofele-Kale, 2006*), как и расширение участия гражданского общества в противодействии коррупции в сфере госзакупок требует углубления теоретического анализа экономики коррупции. В настоящее время в научной литературе разработано несколько таких моделей. Прежде всего это модель, предложенная С. Роуз-Аккерманом (*Rose-Ackerman, 2009*), где смоделировано поведение "внешних" по отношению к государственной организации фирм-поставщиков в процессе конкурентной борьбы за получение госконтракта в ситуации, когда он приобретает с помощью взятки, которую вручают конкурирующие между собой поставщики или один из них государственному чиновнику-бюрократу. Следует отметить, что моделируя экономику коррупции, автор присоединяется к оценке коррупции как фактора подрыва основ демократического строя, принципа верховенства закона, консолидации рыночных экономик в других исследованиях (*Nichols, 1997. P. 305, 337; Nichols, 1999. P. 257; Noonan, 1987; Soreide, 2002*).

Исходным положением модели С. Роуз-Аккермана является предпочтение каждого участника торгов вместо следования закону подкупа чиновника с целью получения государственного контракта. В соответствии с законодательством чиновник подлежит наказанию как в административном порядке, так и в судебном, за получение взятки, поэтому он несет материальный и моральный риск. Аналогичные факторы определяют поведение фирмы-взяткодателя и ее риски. Возникающая в этой ситуации модель является типичной моделью рентоориентированного поведения (модель захвата ренты), поскольку, как правило, за предоставление взятки конкурируют участники торгов, а чиновник выступает в роли монополиста. С. Роуз-Аккерман рассматривает три ситуации, в двух из которых предполагается, что предпочтения госзакупщика сформулированы нечетко, но мы остановимся на первом случае, исходя из предположения о четкости описания

предмета закупки в документации и конкуренции фирм между собой с целью получения контракта.

Целью автора является анализ условий заключения незаконной сделки, когда госконтракт будет получен "за взятку", и оценка величины этой взятки. Предполагается, что чиновник организует рынок взяток, правдиво сообщая каждой фирме о наибольшей из уже предложенных.

Если G — прибыль чиновника, p^i — прибыль поставщика i , то:

$$G(X^i) = X^i - J(X^i) - R(X^i)$$

$$\pi_i(X^i) = P^i(X^i) - T^i(X^i) - D^i(X^i) - N^i(X^i)$$

где X^i — размер взятки, заплаченной поставщиком i , P^i — цена единицы его продукта; q — количество продукта, необходимое государству; $J(X^i)$ — средний штраф для чиновника, $J' > 0$; $R(X^i)$ — моральные издержки для чиновника при принятии взятки X^i , $R' \geq 0$; T^i — издержки на производство q единиц для поставщика i ; $D^i(X^i)$ — средний штраф для поставщика, $D' > 0$; $N^i(X^i)$ — моральные издержки для поставщика при дачи взятки X^i , $N' > 0$.

Далее рассматривается случай, при котором принимаются все взятки, большие или равные некоторому уровню X_{min} . Допустимая область поставщика i определяется соотношением $X^i \leq P^i q - T^i - D^i(X^i) - N^i(X^i)$. Чтобы взятка была возможна, необходимо выполнение условия $P^i q - T^i > 0$. Это означает, что потенциально коррумпированная фирма должна зарабатывать избыточную прибыль — либо потому, что она работает более эффективно, чем предельно эффективная фирма, либо из-за "барьера входа" на рынок, приносящего выгоду всем фирмам-продавцам. Для каждого продавца i можно найти максимально возможную взятку X^i_0 , которую он способен дать. Если $\max[X^i_0] = X^m_0$, то фирма m получает контракт.

Если предположить, что ожидаемые штрафы для всех фирм одинаковы, то фирмой-победителем будет та, у которой будет наибольшей разница между доходами и суммой производственных и моральных издержек при взятке X^i_0 .

Далее в модели рассматриваются институциональные условия влияния штрафов как для фирм, так и для бюрократа, на существование и масштабы коррупции. Поскольку фирмы, не выигравшие контракт, могут сообщить властям о взятке, в интересах фирмы-победителя поделиться с конкурентами-неудачниками прибылью от заключения контракта и, возможно, разделить с ними материальные затраты на поддержание коррупции. Это приводит к замене конкурентной борьбы сговором — образованием картеля из прежних конкурентов, а конкуренция заменяется двойственной монополией.

Модель позволяет сделать ряд качественных выводов. Прежде всего, коррупция является не просто функцией суммы ресурсов, потраченных на надзор и санкции, она зависит от структуры отношений между государством и частным сектором. Эти отношения могут поощрять коррупционное поведение или ограничивать его. Когда товары заказываются государством специально для общественного использования, должны быть разработаны меры для уменьшения нечеткостей в требованиях к этим товарам, что позволит снизить стоимость эффективного надзора за правильным выбором исполнителя заказа и повысить вероятность выявления случаев коррупционного поведения.

Динамическая модель коррупции предложена Ф. Т. Луи. Она представляет собой простую модель с перекрывающимися поколениями и позволяет объяснить, почему уровень коррупции может существенно возрасти по сравнению с прошлым периодом, даже если меры наказания не изменились (Lui, 2011). С другой стороны, она объясняет, почему в коррумпированном обществе обычные меры по борьбе с коррупцией, например усиление надзора за бюрократами, являются дорогостоящим "удовольствием" для общества, несопоставимым с эффектом от них.

В модели предполагается, что в экономике в каждый период существуют два перекрывающихся поколения бюрократов — молодое и старое. В каждый период каждому бюрократу предлагается взятка, и он решает, принимать ее или нет. Если молодой чиновник принимает взятку, и если его впоследствии проверяют, то с вероятностью 1 он должен заплатить денежный штраф C . Он может продолжить свою работу в следующий период. Однако если он снова возьмет взятку и будет пойман, то новый штраф будет уже C' — настолько велик, что бюрократ, наказанный молодым, не будет принимать другой взятки, пока вероятность проверки $p(t)$ — положительная величина. Чиновники в одном поколении различаются только по степеням их честности h . Если бюрократ с честностью h принимает взятку, то он оценивает ее в $1 - h$, где h — случайная величина. Во время t старый бюрократ, который раньше не был наказан, примет взятку тогда, когда его ожидаемая прибыль составит:

$$1 - h - p(t)C \geq 0$$

Пусть $W_0(t) = 1 - p(t)C$. Старый бюрократ с честностью h принадлежит к группе, которая будет коррумпирована тогда и только тогда, когда $W_0(t) \geq h$.

Во время t молодой бюрократ должен принимать во внимание ожидаемую прибыль, когда он станет старым в период $t + 1$. Пусть вероятность проверки в момент $t + 1$, ожидаемая в t , есть $p^e(t + 1)$. Поскольку наказанный молодой бюрократ потеряет возможность принять взятку в будущем, то молодой бюрократ с честностью h во время t примет взятку когда:

$$1 - h - p(t)[c + \max[1 - h - p^e(t + 1)c, 0]] \geq 0$$

Когда общество становится более снисходительным к коррумпированным бюрократам, то возможно резкое повышение уровня коррупции. В то же время в ряде случаев введение высоких штрафов C может вызвать обратный эффект, переводя экономику, находящуюся на низком уровне коррупции, на высокий уровень.

В ЕС важнейшей составляющей экономики коррупции, средством борьбы с коррупцией выступает институт дисквалификации (*Fighting Corruption in Public Procurement, 2012. P. 113*), узаконенный в соответствующих процедурах национальным законодательством (*Williams, 2006. P. 711, 732*). Поставщик может избежать дисквалификации, используя восстановительные меры, которые состоят из профилактических и процессуальных элементов и показывают, что причины дисквалификации больше не существует, или же она была устранена.

Восстановительные меры относят к «самоочищающим» мерам, а также к мерам «корпоративного соблюдения», включающим соблюдение кодексов этики, выявления коррупции и мошенничества, а также механизмы предотвращения (в т.ч. процедуры осведомителей), создание подразделений соблюдения этики и реализации антикоррупционной политики.

Корректирующие меры включают следственные меры, связанные, например, с сотрудничеством с государственными органами в расследовании, создание результатов независимых расследований, доступных для соответствующих государственных агентств; возмещающие меры, такие как возмещение убытков правительству, включая расходы, понесенные при расследованиях; дисциплинарные меры против лиц, ответственных за коррупционную деятельность, в т.ч. увольнение и добровольные меры самоотчета (*Fighting Corruption in Public Procurement, 2012. P. 270*).

В законодательстве о закупках РФ отсутствует институт дисквалификации, во всяком случае для заказчика, а для поставщика он представлен реестром недобросовестных поставщиков (РНП). Этот реестр в соответствии с Федеральным законом 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» ведет Федеральная антимонопольная служба. Заказчик включает участника торгов в РНП, если он

уклоняется от заключения контракта или не исполняет свои обязательства в случаях, если:

- победитель уклонился от заключения контракта, но контракт может быть заключен со следующим участником;
- единственный участник закупки уклонился от заключения контракта;
- заказчик расторгает действующий контракт.

Информация о недобросовестном поставщике, подрядчике и исполнителе исключается из реестра по истечении 2 лет с даты ее включения в реестр. Однако это уже корректирующая мера, а в качестве профилактических все шире применяется централизация закупок. Так, И. В. Розмаинский выделяет в числе специфических способов снижения неопределенности, проявившихся именно в условиях российской экономики (Розмаинский, 2004. С. 60-61), централизацию принятия большинства экономических решений, огосударствление экономики. Конечно централизацию можно рассматривать как мощное средство снижения неопределенности будущего (Пикфорд, 2004. С. 13), но именно огосударствление выступает важнейшим фактором расширения рисков коррупции. Следует отметить, что принцип централизации постепенно распространяется и на систему госзакупок. Так, на наш взгляд, в целях усиления контроля по основным этапам закупок целесообразно централизовать функции контроля на базе создания, например, новой структуры в Администрации г. Ростова-на-Дону – департамента конкурентной политики (см. рис. 1).

Рис. 1. Модель централизации контроля за размещением муниципального заказа
Источник: составлено автором.

Конечно, в соответствии с моделью, представленной на рис. 1, численность

чиновников увеличивается - к имеющимся в Отделе контроля за размещением муниципального заказа 11 сотрудникам добавляется еще 12 чел., и это выступает определенным риском расширения коррупции. Но такая централизация контроля способствует повышению качества закупочных процессов.

Вторым превентивным институтом локализации коррупции в системе госзакупок выступает общественный контроль, который как институт противодействия коррупции в рамках контрактной системы в соответствии со статьей 102 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» включает:

- подготовку предложений по совершенствованию законодательства РФ о контрактной системе в сфере закупок;
- запросы заказчиков о предоставлении информации об осуществлении закупок и о ходе исполнения контрактов;
- осуществление независимого мониторинга закупок и оценки эффективности закупок, в т.ч. оценку осуществления закупок и результатов исполнения контрактов;
- заявления в государственные и муниципальные органы о проведении мероприятий по контролю;
- обращение в правоохранительные органы в случаях выявления в действиях (бездействии) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссий по осуществлению закупок и их членов, должностных лиц контрактной службы, контрактных управляющих признаков состава преступления;
- обращение в суд в защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов группы лиц в соответствии с законодательством РФ.

Однако на практике тестируются лишь жалобы в антимонопольный орган на действия заказчика, комиссии заказчика от общественных организаций, сначала через сайт А. Навального, сейчас добавились еще несколько таких организаций: "Безопасное отечество" (<http://www.nikakixno.ru/home/>), "Народный фронт" (За честные закупки: <http://zachestnyezakupki.onf.ru/>). Используются, помимо общественного контроля, и другие виды участия гражданского общества в контроле закупок, прежде всего, общественное обсуждение закупок с начальной максимальной ценой контракта свыше 1 млрд. руб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бачкаш Т., Мессен Д. и Мико Д. (1979). Хозяйственный риск и методы его измерения. М.: Экономика.

Пикфорд Дж. (2004). Управление рисками. М.: Вершина.

Розмаинский И. В. (2004). Основные характеристики семейно-кланового капитализма // *Экономический вестник РГУ*, Т. 2, № 1.

Fighting Corruption in Public Procurement: A Comparative Analysis of Disqualification or Debarment Measures. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2012.

Jacobs J., Friel C. and Radick R. (1999). *Gotham Unbound: How New York City was Liberated from the Grip of Organised Crime.* New York: New York University Press.

Kofele-Kale N. (2006). *The International Law of Responsibility for Economic Crimes: Holding State Officials Individually Liable for Acts of Fraudulent Enrichment.* 2nd edn. Aldershot, Ashgate, Publishing.

Lui F. T. (2011). A Dynamic Model of Corruption Deterrence // *Journal of Political Economy*, no. 61.

Nichols P. (1997). Outlawing Transnational Bribery through the World Trade Organisation // *Law and Policy in International Business.*

Nichols P. (1999). Regulating Transnational Bribery in times of Globalization

and Fragmentation // *Journal of International Law*, 24 Yale.

Noonan J. (1987). Bribes. California: University of California Press.

Rose-Ackerman S. (1999). Corruption and Government: Causes, Consequences, Reform. Cambridge: Cambridge University Press.

Rose-Ackerman S. (2009). Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. Washington, D.C.

Soreide T. (2002). Corruption in Public Procurement: Causes, Consequences, Cures. Bergen, CMI.

White S. (ed). (2000). Procurement and Organised Crime // EU Wide Study. London: Institute of Advanced Legal Studies.

Williams S. (2006). The Mandatory Exclusions for Corruption in the New EC Procurement Directives // *European Law Review*, no. 31.

REFERENCES

Bachkai T., Messen D. and Miko D. (1979). Economical risk and methods of its estimation. Moscow, Economics [Ekonomika] Publ. (In Russian).

Fighting Corruption in Public Procurement: A Comparative Analysis of Disqualification or Debarment Measures. Oxford and Portland, Oregon, Hart Publishing, 2012.

Jacobs J., Friel C. and Radick R. (1999). Gotham Unbound: How New York City was Liberated from the Grip of Organised Crime. New York, New York University Press.

Kofele-Kale N. (2006). The International Law of Responsibility for Economic Crimes: Holding State Officials Individually Liable for Acts of Fraudulent Enrichment. 2nd edn. Aldershot, Ashgate, Publishing.

Lui F. T. (2011). A Dynamic Model of Corruption Deterrence. *Journal of Political Economy*, no. 61.

Nichols P. (1997). Outlawing Transnational Bribery through the World Trade Organisation. *Law and Policy in International Business*.

Nichols P. (1999). Regulating Transnational Bribery in times of Globalization and Fragmentation. *Journal of International Law*, 24 Yale.

Noonan J. (1987). Bribes. California, University of California Press.

Pickford J. (2004). Risk management. Moscow, Vershina Publ. (In Russian).

Rose-Ackerman S. (1999). Corruption and Government: Causes, Consequences, Reform. Cambridge, Cambridge University Press.

Rose-Ackerman S. (2009). Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. Washington, D.C.

Rozmainsky I. V. (2004). Basic features of family-clannish capitalism. *Economic Bulletin of RSU*, vol. 2, no. 1. (In Russian).

Soreide T. (2002). Corruption in Public Procurement: Causes, Consequences, Cures. Bergen, CMI.

White S. (ed). (2000). Procurement and Organised Crime // EU Wide Study. London, Institute of Advanced Legal Studies.

Williams S. (2006). The Mandatory Exclusions for Corruption in the New EC Procurement Directives. *European Law Review*, no. 31.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РИСКИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК*

БЕЛОКРЫЛОВА ОЛЬГА СПИРИДОНОВНА,

доктор экономических наук,
профессор кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

ГУЦЕЛЮК ЕЛЕНА ФЕДОРОВНА,

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: efgutseluk@sfedu.ru

В статье на основе реализации комплексного подхода проведен аудит экономических рисков, возникающих на всех этапах закупок для государственных и муниципальных нужд как со стороны заказчиков, так и со стороны участников торгов. Выделены этапы закупок в рамках единой контрактной системы, которые характеризуются наиболее высокими экономическими рисками: планирование, определение поставщика, заключение и исполнение контракта. Предложен ряд мер по локализации экономических рисков, в частности внедрение комплаенс-программ, институционализирующих соблюдение организацией антикоррупционного законодательства; повышение квалификации специалистов по госзакупкам и усиление контроля через централизацию закупок.

Ключевые слова: контрактная система; экономические риски; определение поставщика; коррупционные риски; этапы цикла госзакупки; план-график; объект закупки; транспарентность информента контракта; комплаенс-программы.

ECONOMIC RISKS OF THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

BELOKRYLOVA OLGA, S.,

Doctor of Economics (DSc),
Professor of the Department of Economics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: obelokrylova@sfedu.ru

GUTSELUK ELENA, F.,

Candidate of Economic Sciences (PhD),
Associate Professor of the Department "Economic Theory",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: efgutseluk@sfedu.ru

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-02-00487213.01-24/2013-132 «Экономические и правовые риски российской системы государственных и муниципальных закупок: факторы, оценка, меры снижения (локализации)».

In the paper the audit of economic risks at all stages of procurement for state and municipal needs from both customers and bidders is carried out on the basis of the implementation of the integrated approach. Stages in the procurement under a single contract system, which is characterized by the high economic risks are planning, supplier selection, conclusion and execution of the contract. A number of the measures according to the localization of economic risks are offered, in particular the implementation of compliance programs, which institutionalize the compliance by the organization, anti-corruption legislation; increasing qualification of specialists in public procurement and increased control through centralization of procurement.

Keywords: *the contract system; economic risks; supplier selection; risks of corruption; stages of procurement; the schedule; the subject matter of the procurement; the transparency of enforcement the contract; compliance program.*

JEL: H57, B52, D44.

Экономические риски как атрибут рыночной экономики

Экономические риски являются объективно необходимым атрибутом, присущим любой предпринимательской деятельности, поскольку она характеризуется высокой степенью неопределенности вследствие информационной асимметрии (Меркулова, 2014). Более того, по Ф. Найту, само существование предпринимательских структур в рыночной экономике «является прямым следствием фактора неопределенности» (Найт, 2003. С. 259). Экономические риски предпринимательской деятельности обусловлены также негативными изменениями как внешних факторов, например, конъюнктуры рынка, которые не зависят от эффективности функционирования хозяйствующего субъекта, так и внутренних, в частности, оппортунистическое поведение контрагента. Система государственных и муниципальных закупок как рыночный, точнее, квазирыночный (Корытцев, 2009) механизм удовлетворения потребностей общественного сектора также сопряжена с высокими экономическими рисками.

Большинство экономистов, анализируя природу, причины и виды риска, принимают во внимание лишь предпринимательские риски, а потребительские практически не рассматриваются. Между тем анализ взаимодействий субъектов рынка государственных и муниципальных закупок показывает высокую степень риска неудовлетворения потребностей общественного сектора, поскольку основным потребителем, от лица которого действует чиновник, осуществляющий закупку, является общество. Конечно, степень удовлетворения государственных и муниципальных нужд зависит от многих факторов: политики государства в экономической и законодательной областях, качества планирования потребностей, обоснованности закупок и их финансового обеспечения, рациональности или нерациональности действий заказчиков, деятельности предпринимателей по выполнению государственного контракта, качества исполнения его условий, каждый из которых характеризуется определенной степенью риска.

Несмотря на негативное воздействие рисков событий на экономику, риск является неотъемлемым компонентом рыночного предпринимательства и в этом контексте выступает фактором движения экономической системы. Современная рыночная экономика функционирует в постоянно изменяющихся условиях хозяйственной деятельности, рыночной конъюнктуры, поведения субъектов рынка. Хаотичность экономической жизни позволила П. Друкеру назвать время постиндустриального общества «эпохой без закономерностей» (Друкер, 1992). Нестабильность рыночной экономики обуславливает рост неопределенности экономической динамики, а следовательно, и риска как показателя, характеризующего неопределенность. Следовательно, анализ экономического содержания неопределенности и риска продиктован необходимостью учета этих факторов при принятии решений в условиях рынка на всех уровнях экономики, в

том числе и при организации закупочной деятельности.

Коррупционный риск в общественном секторе

В отличие от других отраслей экономики, где доминирует частно-хозяйственная форма организации, в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд важнейшим типом риска, угрожающим экономической безопасности государства, выступает коррупционный риск. Данные международных организаций показывают на то, что в процессе рыночно-трансформационных преобразований масштабы коррупционных практик не сократились (см. табл. 1). На наш взгляд, в значительной мере это обусловлено растущими с расширением государственных расходов масштабами коррупции в сфере госзакупок как значимой составляющей государственного сектора. При этом проблема сохраняется, несмотря на интенсивные реформы и трансформации в этой сфере на протяжении последнего десятилетия.

Таблица 1

Рейтинг России по Индексу восприятия коррупции (ИВК)

Годы	Количество обследованных стран	Место в списке обследованных стран	ИВК
1996	54	48	2,6
1997	52	49	2,3
1998	85	76	2,4
1999	99	82	2,4
2000	90	89	2,6
2001	91	79	2,3
2002	102	71	2,7
2003	133	86	2,7
2004	146	90	2,8
2005	159	126	2,4
2006	163	127	2,5
2007	180	143	2,3
2008	180	147	2,1
2009	180	146	2,2
2010	180	154	2,1
2011	183	143	2,4
2012	174	133	28
2013	177	127	28
2014	174	136	27

Источник: *Corruption perception index 1995-2014 (Transparency International. (<http://www.transparency.org>).*

Контрактная система как институт локализации рисков

С целью минимизации экономических и коррупционных рисков с 2014 г. идет активное становление контрактной системы в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, которая представляет собой совокупность участников закупок, осуществляемых ими действий, в том числе с использованием общероссийского сайта закупок в соответствии с законодательством РФ (Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», 2013. Ст. 3). Ключевым фактором снижения экономических рисков в контрактной системе является, на наш взгляд, добросовестное поведение всех ее участников на всех ее этапах. В качестве участников контрактной системы выступают заказчики - государственные и муниципальные, а также участники закупок, т.е. юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала, за исключением зарегистрированных в офшорных зонах, или любое физическое лицо, в том числе

зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя (*Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», 2013. Ст. 3, п. 4).*

Риски оппортунистического поведения участников рынка госзакупок

Зона экономических рисков в системе госзакупок существенно расширяется вследствие оппортунистического поведения участников рынка госзакупок, тестируемого на всех этапах контрактной системы (см. рис. 1).

Рис. 1. Составляющие контрактной системы с высокими рисками

Первым этапом единого цикла закупки для удовлетворения потребности в товарах, работах, услугах выступает формирование самой этой потребности. В контрактной системе для этого используются план закупок и план-график закупок. До 1 января 2016 г. заказчики формируют только план-график закупок, а в 2016 г. на 2017 г. будут впервые сформированы планы закупок. На наш взгляд, уже этот начальный этап цикла закупки характеризуется таким экономическим риском, как снижение эффективности удовлетворения государственных и муниципальных нужд, поскольку цели формирования плана-графика закупок достаточно многообразны и включают:

- планирование объемов и номенклатуры закупок, обеспечивающих удовлетворение соответствующих потребностей общественного сектора,
- информирование потенциальных поставщиков,
- повышение открытости и прозрачности закупочной деятельности,
- обеспечение конкуренции,
- снижение уровня коррупции в сфере закупок.

Но заказчики с рентоориентированным поведением достаточно часто необоснованно завышают объемы закупок через увеличение начальной (максимальной) цены контракта. С другой стороны, определенные в плане-графике общественные потребности выступают в качестве сигнала предпринимателям о величине и ассортименте государственного и муниципального спроса. При этом важнейшей составляющей экономического риска на данном этапе закупки является некачественное формирование заказчиками планов-графиков, которое обуславливает их неоднократное изменение, дезориентирующее потенциальных поставщиков. Так, число изменений планов-графиков федеральными органами власти колеблется от 2 до 160 версий в год (*Ежегодный доклад "О системе закупок в Российской Федерации", 2014. С.18).* Частое внесение изменений в план-график

повышает степень неопределенности информации относительно потребностей заказчика и увеличивает экономические риски поставщика. Низкое качество его составления проявляется также в некорректности заполнения формы плана-графика заказчиками, когда в столбце «Минимальные требования, предъявляемые к товарам, работам, услугам» указывается ссылка на документы, которые станут доступны участникам закупок только после размещения извещения о закупке: "согласно документации", "согласно спецификации, техническому заданию" и т.п. (см. рис. 2). Такой план-график не обеспечивает участников торгов информацией о реальных потребностях заказчика.

Сведения о плане-графике №44201603293000102001 Опубликовано 02.11.2015 18:40 (MSK (UTC+3) Москва, Волгоград) (по местному времени заказчика)																			
Общие сведения		Позиции плана-графика		Итоговые позиции		Общие сведения		Товары, работы, услуги		Условия закупки									
Цена контракта 100,00000 (в тыс. российских рублей), введено 100,00000																			
Наименование товара, работ, услуг		Международное непатентованное наименование (химическое, группировочное наименование лекарственного средства)		Минимально необходимые требования, предъявляемые к товару, работе, услуге		Наименование товаров, работ, услуг по ОКПД2		ОКПД2		Единица измерения		Количество (объем)		Количество(объем) поставки в текущем году исполнения контракта		Цена за единицу измерения, тыс. рублей		Стоимость позиции, тыс. рублей	
Повышение квалификации				согласно техническому заданию		Услуги в области среднего профессионального образования прочие		85.21.12.000		Условная единица		1,00		1,0		100,00000		100,00000	

Сведения о плане-графике №44201601731000023001 Опубликовано 11.12.2015 21:30 (MSK (UTC+3) Москва, Волгоград) (по местному времени заказчика)																			
Общие сведения		Позиции плана-графика		Итоговые позиции		Общие сведения		Товары, работы, услуги		Условия закупки									
Цена контракта 399,16800 (в тыс. российских рублей), введено 399,16800																			
Наименование товара, работ, услуг		Международное непатентованное наименование (химическое, группировочное наименование лекарственного средства)		Минимально необходимые требования, предъявляемые к товару, работе, услуге		Наименование товаров, работ, услуг по ОКПД2		ОКПД2		Единица измерения		Количество (объем)		Количество(объем) поставки в текущем году исполнения контракта		Цена за единицу измерения, тыс. рублей		Стоимость позиции, тыс. рублей	
Повышение квалификации				В соответствии с тз		Услуги по подготовке кадров высшей квалификации		85.23.11.000		Условная единица		1,00		1,0		399,16800		399,16800	

Рис. 2. Некорректное оформление плана-графика как фактор риска неэффективности исполнения госконтракта.

Источник: Сведения о плане-графике №44201603293000102001 ([http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?](http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=157774920&planGraphRevisionId=5783548)

[source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=157774920&planGraphRevisionId=5783548](http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=157774920&planGraphRevisionId=5783548));

Сведения о плане-графике №44201601731000023001 ([http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?](http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=261068538&planGraphRevisionId=7221830)

[source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=261068538&planGraphRevisionId=7221830](http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=261068538&planGraphRevisionId=7221830)).

Для локализации экономического риска такого типа при планировании закупок заказчик должен указать в плане-графике, в извещении о закупке, в документации о закупке обоснованную начальную (максимальную) цену контракта. Ее обоснование для большинства закупок заказчик проводит с помощью анализа рынка, где основным источником информации являются ответы поставщиков на запросы заказчика. Достоверность полученной информации, а значит, и степень экономического риска зависят от следующих факторов:

- качество направленного запроса заказчиком: содержит ли запрос всю необходимую информацию об объекте закупок, его объеме, финансовых условиях контракта, наличия обеспечения заявки и контракта при проведении и заключении контракта, сроках и способе определения поставщика;

- добросовестность поставщика при подготовке ответа на запрос: поскольку многие поставщики в своих ответах на такие запросы преднамеренно завышают цену, то для минимизации экономического риска, связанного с недобросовестным поведением поставщиков при предоставлении заказчику коммерческих предложений, на наш взгляд, целесообразно при анализе рынка использовать несколько источников информации, прежде всего, информацию об исполненных контрактах из реестра контрактов;

- скорость получения ответов о цене объекта закупки: в условиях характерной для рецессионного этапа развития российской экономики,

отличающегося высокой степенью макронестабильности, чем раньше будут получены коммерческие предложения от поставщиков, тем выше риск неактуальности используемой для оценки контракта цены на момент проведения закупок.

Таким образом, для снижения экономических рисков на этапе планирования закупок заказчикам необходимо более ответственно подходить к формированию плана-графика закупок, использовать несколько источников информации при обосновании начальной (максимальной) цены контракта.

Риски снижения качества удовлетворения общественных потребностей на этапе определения поставщика

Наибольшей степенью экономических рисков как для заказчиков, так и для поставщиков, характеризуется этап определения поставщика. На наш взгляд, они классифицируются по критериям документирования процесса закупки следующим образом:

- **описание объекта закупки**, когда прописываемые требования к закупаемому объекту намеренно не соответствуют имеющимся ресурсам (финансовым, кадровым) потенциальных поставщиков, поскольку "затачиваются" под аффилированную фирму; предъявляются избыточные требования; указанное в техническом задании качество товаров, работ, услуг не соответствует начальной (максимальной) цене, заложенной в проект контракта; отсутствуют достаточные для формирования заявки технические характеристики; включаются в документацию требования, ограничивающие участие других поставщиков, т.е. документация разрабатывается под определенного поставщика; описываются характеристики объекта закупки, ведущие к ограничению конкуренции через включение требований, характерных только для одного производителя;

- **формирование извещения и документации, проекта контракта**, т.е. наличие в документации об осуществлении закупки обязательных требований к участнику закупки, не предусмотренных законодательством, неопределенность и противоречивость условий определения поставщика, условий контракта, его исполнения, приемки, гарантийных обязательств (возникновение риска выбора определенного поставщика), несоответствие наименования объекта закупки наименованию, указанному в спецификации, техническом задании и предмету проекта контракта, необоснованное расширение (ограничение), упрощение (усложнение) необходимых условий контракта, непоследовательное изложение требований к товарам, работам, услугам (когда такие требования разрознены, включены в различные части документации о закупке), отсутствие инструкции о порядке заполнения заявки, объединение в одном лоте товаров, работ, услуг, функционально и технологически не связанных между собой, включение в проект контракта условий, заведомо предполагающих заключение договоров субподряда с определенными организациями, установление сроков исполнения обязательств по контракту, не позволяющих их исполнить, отсутствие в проекте контракта условий об ответственности заказчика за неисполнение, ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом (Гуцелюк, 2015. С. 48-50);

- **размещение извещения о закупке в единой информационной системе**, когда заказчики прибегают к различным инструментам сокрытия информации о проводимых ими закупках от потенциальных поставщиков путем замены букв, написанных на кириллице, на латинские буквы, которые визуально выглядят одинаково, например «а, с, е, о»; намеренно допускают орфографические ошибки в предмете закупок; ставят знак тире в середине слова, а также пробелы между буквами внутри слова, - все это приводит к снижению степени информированности о проводимых закупках и, как следствие, понижает уровень конкуренции на торгах;

- **оценка заявок и выбор победителя** - риски как необоснованного отклонения участников, так и необоснованного допуска, риски оценки заявок по

критериям и основаниям, не предусмотренным законодательством, что при осуществлении государственного контроля в последующем ведет к административной ответственности заказчика (Нечаев, Дюжигов и Тищенко, 2015).

Экономические риски неисполнения госконтракта

На этапе заключения и исполнения государственных и муниципальных контрактов экономические риски возникают в следующих ситуациях:

- при заключении контракта по результатам конкурса и аукциона победитель должен предоставить обеспечение контракта в форме банковской гарантии и залога денежных средств, но по результатам проведенного исследования в Южном федеральном округе распространен способ обеспечения исполнения контракта в виде внесения денежных средств преимущественно при небольших заказах, а значит, необходимо развивать институт банковской гарантии в сторону снижения издержек и увеличения эффективности, в том числе через повышение уровня транспарентности механизма информента контракта (Белокрылов, Цыганков и Наливайко, 2015. С. 91);

- одним из самых существенных для заказчика рисков является неисполнение или некачественное исполнение заключенных контрактов, поскольку потребителем результатов исполнения большинства таких контрактов является население, зачастую социально незащищенное – дети, люди пожилого возраста, инвалиды, больные, что требует ужесточения степени ответственности со стороны поставщиков.

Таким образом, для потенциальных поставщиков важнейшим фактором локализации экономических рисков, прежде всего риска коррупции, выступает внедрение комплаенс-программ¹, институционализирующих соблюдение организацией антикоррупционного законодательства и обеспечивающих защиту бизнеса от коррупционных проявлений. В целях локализации экономических рисков для заказчиков необходимо повышение квалификации специалистов по госзакупкам и усиление контроля, например, через централизацию закупок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Белокрылов К. А., Цыганков С. С. и Наливайко С. В. (2015). Обеспечение контракта как механизм снижения рисков его неисполнения // *Вопросы регулирования экономики*, Т. 6, № 3, с. 82-94.

Друкер П. Ф. (1992). Рынок: как выйти в лидеры: Практика и принципы. М., СПб.: Бук Чембер Интернешнл.

Гуцелюк Е. Ф. (2015). Определение признаков наличия коррупционных рисков в извещении и документации о закупке // *Современные тенденции экономического развития*. Ростов н/Д: Изд. ЮФУ.

Ежегодный доклад "О системе закупок в Российской Федерации" - 2014. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2015.

Корытцев М. А. (2009). Институциональная структура и механизмы функционирования квазирынков в общественном секторе. Ростов н/Д: Содействие - XXI век.

Меркулова Е. П. (2014). Информационная асимметрия на рынке образовательных услуг. Иркутск: Изд. ИГУ.

Найт Ф. Х. (2003). Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело.

Нечаев А. Д., Дюжигов С. А. и Тищенко Е. В. (2015). Административно-правовые риски системы государственных и муниципальных закупок // *Вопросы регулирования экономики*, Т. 6, № 3.

Сведения о плане графике №44201601731000023001. (<http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=261068538&planGraphRevisionId=7221830> — Дата обращения: 14.12.2015).

¹ «Комплаенс» в переводе с английского означает соответствие каким-либо внутренним или внешним требованиям или нормам.

Сведения о плане графике №44201603293000102001. (<http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=157774920&planGraphRevisionId=5783548> — Дата обращения: 14.12.2015).

Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=148532;req=doc>. - Дата обращения: 11.09.2015).

Corruption Perception Index 1995-2014. Transparency International. (<http://www.transparency.org> - Дата обращения: 13.09.2015).

REFERENCES

Annual Report "On the Procurement System in the Russian Federation" in 2014. The National Research University "Higher School of Economics", 2015. (In Russian).

Belokrylov K. A., Tsygankov S. S. and Nalivayko S. V. (2015). Enforcement of the contract as a mechanism reducing the risk of non- performance. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 3, pp. 82-94. (In Russian).

Corruption Perception Index 1995-2014. Transparency International. (<http://www.transparency.org> – Access Date: 13.09.2015).

Drucker P. F. (1992). The market: how to become a leader: Practice and principles. Moscow, SP "Book Chamber International". (In Russian).

Federal Law of April 5, 2013 № 44-FZ "On the Contract System in the Procurement of Goods, Works and Services for Governmental and Municipal needs". Legal Reference System "Consultant Plus". (<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=148532;req=doc> – Access Date: 11.09.2015). (In Russian).

Gutseluk E. F. (2015) Definition of signs of corruption risks in the notice and documentation about purchase. // Modern Trends in Economic Development: Proceedings of Scientific-Practical Conference of Young Scientists of Federal Universities "Long-Term Trends in Development of Economic Education in Modern Russia" / Ed. by E. V. Mikhalkina, E. F. Shchipanov. Rostov-on-Don, Publ. House of Southern Federal University. (In Russian).

Information of the Schedule no. 44201601731000023001. (<http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=261068538&planGraphRevisionId=7221830> – Access Date: 14.12.2015). (In Russian).

Information of the Schedule no. 44201603293000102001. (<http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/planview/main?source=epz&activeTab=PTG&planPositionId=157774920&planGraphRevisionId=5783548> – Access Date 14.12.2015). (In Russian).

Knight F. H. (2003). Risk, uncertainty and profit. Moscow, Case [Delo] Publ. (In Russian).

Korytcev M. A. (2009). Institutional structure and mechanisms of functioning of quasi-market in the public sector. Rostov-on-Don, Publ. House "Assistance - XXI Century". (In Russian).

Merkulova E. P. (2014). Information asymmetry in the market of educational services. Irkutsk, Publ. House of IGU. (In Russian).

Nechaev D. A., Dyuzhikov S. A. and Tishchenko E. V. (2015). Administrative and legal risks of the system of public procurement. *Journal of Economic Regulation*, vol. 6, no. 3. (In Russian).

ИННОВАЦИОННЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАКУПКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

КОРЫТЦЕВ МАКСИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор,
Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: mkorytcev@sfnedu.ru

В статье анализируются особенности организации государственных закупок инновационной и сложной продукции. Исследуется специфика институционализации процессов инновационных закупок в России, связанная с необходимостью разработки стратегии стимулирования инноваций посредством механизма государственных закупок в контексте существующих стратегий подобного развития.

Ключевые слова: контрактная система; инновационные закупки; инновации; публичный прокьюремент; экономические институты; стратегия развития.

INNOVATION PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA: PROBLEMS OF INSTITUTIONAL ARRANGEMENTS

KORYTCEV MAXIM, A.,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: mkorytcev@sfnedu.ru

The paper explores the problems of public procurement in innovation sphere in Russia, its institutional organization. In international practice, some strategies of innovation stimulation (by public procurement) are developing. There is necessity to use more elements of these strategies in Russian National Procurement System. The active National Public Procurement System has no enough effective methods and instruments for stimulating innovation development now.

Keywords: contract system; innovation purchases; innovations; public procurement; economic institutions; development strategy.

JEL: H57, K39, O38, P35.

Современное экономическое развитие предполагает ускоренное развитие инновационной составляющей. Это определяется особенностями современного экономического роста, основанного на доминировании конкурентных отношений в самих национальных экономиках и в мире в целом. Одним из значимых факторов, обеспечивающих успех в конкурентной борьбе, является способность фирм и корпораций предлагать продукцию и услуги с новыми свойствами и особыми техническими характеристиками, а также возможность снизить производственные и транзакционные издержки, что позволит как предлагать более конкурентные цены на собственную продукцию, так и претендовать на более высокие показатели собственной прибыли, что облегчает доступ на рынки капитала и этим расширяет

перспективы для дальнейшего развития коммерческих организаций (*Иноземцев, 1998*). Государство заинтересовано, таким образом, в том, чтобы стимулировать рост инновационной активности в собственной экономике. Это связано также не только с развитием инновационной составляющей национальной экономики в целом (*Быков и Философова, 2008*), но и с улучшением качественных и стоимостных характеристик общественных и смешанных благ, предоставляемых государственными или квазигосударственными институтами. И механизм государственных закупок превращается в этих условиях в один из значимых инструментов подобной политики стимулирования. В то же время особенности институциональной организации национальных систем государственных закупок придают одновременно свою специфику и процессам организации инновационных закупок, связанной с проблемами развития собственно инновационной экономики в современной России (*Фрумкин, 2015*).

Как известно, современная реформа в системе национальных государственных закупок в России связана со вступлением в силу с начала 2014 года Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе...». При этом стратегически данная реформа вполне может восприниматься в качестве попытки институционального импорта системы национальных государственных закупок США – Федеральной контрактной системы (ФКС), - реализующей контур управления государственными контрактами, как набор взаимосвязанных функций (планирование – размещение заказа – исполнение контракта – мониторинг – контроль и т.д) (*Анчишкина, 2010*). Конечно, вряд ли можно воспринимать в качестве адекватной попытку рассматривать данную реформу как чистый пример институционального импорта, поскольку ФКС США является продуктом почти вековой эволюции институтов государственных закупок этой страны. Не говоря уже о том, что перенос институциональных образцов в рамки иной хозяйственной системы, имеющей собственную историю и эволюционный тренд развития, предполагает неизбежную их адаптацию, масштабы которой могут быть весьма различны и предполагают необходимость их органичного встраивания в новую институциональную среду, их «выращивание» (*Кузьминов и др., 2005*), важен и иной аспект, связанный с особенностями функционирования данного конкретного института. Правовое регулирование ФКС США основано на множестве подзаконных нормативных актов (Federal Acquisition Regulations (FAR)), определяющих особенности правил проведения федеральных закупок и реализации заключаемых сделок – федеральных контрактов (*Федорович, 2005*). В России, как известно, действующий Федеральный закон № 44-ФЗ «О контрактной системе...» играет центральную роль в системе формальных институтов, регулирующих сферу государственных закупок. Конечно, при этом его действие дополняется перечнем значительного числа подзаконных нормативных актов (на данный момент – более 50 документов), детализирующих правовые положения, в том числе в связи с организацией и проведением инновационных закупок.

Значимой проблемой здесь является собственно характеристика предмета инновационных закупок. Необходимо указать, как минимум, на два понимания того, что именно следует понимать под закупкой инновационной продукции. С одной стороны, традиционно на протяжении многих десятилетий международные стандарты реализации закупочных процедур в рамках публичного прокьюремента, а также правовые нормы, получившие распространение в развитых странах, учитывают специфику так называемых сложных закупок. Предлагаются разные классификации подобного рода закупок, но в целом к ним традиционно относят закупку НИОКР, комплексов сложных услуг, консультационные услуги, подрядные работы в рамках уникальных и сложных проектов, закупку новых продуктов, не имеющих аналогов на рынке и др.

К особенностям, присущим объектам подобных «сложных» закупок, следует отнести:

- уникальность приобретаемого продукта, связанного с его нестандартными

- свойствами и характеристиками, что создаёт сложности с их стандартным описанием в рамках спецификаций тендерных документаций;
- отсутствие стандартных калькуляций затрат по причине возможности различных технологических решений для создания такого продукта (услуги) при условии различного качества создаваемого продукта и различия содержания услуг, связанного с различным уровнем удовлетворённости от потребления такого рода услуг;
- исходя из вышесказанного, возникают проблемы при сопоставлении альтернативных вариантов удовлетворения потребности бюджетного заказчика при сравнении параметров поставляемого продукта (предоставляемой услуги) и их стоимостных параметров.

С другой стороны, существует иной, более узкий подход, который демонстрируют многие эксперты и который также представлен в отдельных официальных документах ЕС и других развитых стран, реализующих политику поощрения развития инноваций посредством государственных закупок (Гладков, 2010). Согласно этому подходу, под инновационной продукцией понимается именно принципиально новый продукт, создаваемый на основе новых технологических решений. Соответственно, государство стимулирует его создание посредством организации закупочной деятельности.

Очевидно, что содержание понятий «сложные закупки» и «инновационные закупки» может существенным образом дублироваться и имеет ряд общих характеристик, связанных с институциональной организацией собственно процесса проведения государственных закупок.

В России институционализированы два способа отнесения продукции к инновационной и высокотехнологичной. Первый реализован в рамках Закона 44-ФЗ о контрактной системе и предполагает проведение специальных закупочных процедур – конкурса с ограниченным участием и 2-х этапного конкурса в случаях, установленных подзаконными нормативными актами, в частности Постановлением Правительства РФ № 99, принятым в феврале 2015 года.

Второй подход связан с действием другого закона о государственных закупках, принятого в 2011 г. - № 223-ФЗ. Его действие распространяется на закупки продукции государственными корпорациями, автономными учреждениями, предприятиями и акционерными обществами, контрольный пакет акций которых находится в государственной (муниципальной) собственности. В данном случае отраслевые ведомства принимают нормативные документы, устанавливающие для подведомственных им организаций перечень критериев отнесения продукции к инновационной и высокотехнологичной продукции. Например, Минздрав РФ к таким критериям отнесения продукции к инновационной относит (Приказ №: 514-н).

- научно-техническую новизну;
- внедрение;
- экономический эффект;
- наукоёмкость.

Соответственно, расшифровка содержания данных критериев приводится в указанном документе.

Для высокотехнологичной продукции приводится иной набор критериев. В частности, к таковым относится соответствие продукции перечню приоритетных направлений развития науки, технологии и техники, определённых соответствующим президентским указом (Указ № 899 от 07.07.2011 г.):

- безопасность и противодействие терроризму;
- индустрия наносистем;
- информационно-телекоммуникационные системы;
- науки о жизни;
- перспективные виды вооружений, военной и специальной техники;
- рациональное природопользование;

- транспортные и космические системы;
- энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика.

Содержательный список детализируется в рамках списка критических технологий РФ, приводимых в том же президентском Указе (общее число – 27 позиций).

В целом мировой опыт публичного прокьюрмента позволяет указать на ряд специфических особенностей, присущих закупкам сложной (инновационной) продукции, к которым относятся следующие:

- применение специальных предварительных процедур отбора – квалификационного отбора;
- возможность проведения переговоров в ходе проведения тендерных процедур;
- применение специфических систем оценки, учитывающих приоритет квалификации и качества приобретаемой продукции;
- применение широкого спектра различных форм контрактных соглашений.

Ниже приведём краткую характеристику реализации указанных особенностей в рамках формирующейся национальной контрактной системы в РФ.

В рамках закупочных процедур, определяемых Законом 44-ФЗ, установлены, как было уже сказано выше, такие специальные процедуры, как 2-х этапный конкурс и конкурс с ограниченным участием. Первая из них предполагает возможность проведения на первом этапе конкурса переговоров относительно содержания спецификации закупаемой в том числе инновационной или высокотехнологичной продукции. При проведении конкурса с ограниченным участием предусмотрено проведение специального предквалификационного отбора. Его особенностью в отечественной практике по сравнению с мировым опытом является то, что данная процедура не предваряет конкурсную процедуру в целом, а проводится вместо этапа рассмотрения заявок, непосредственно до их оценки.

Особенностями проведения процедуры оценки конкурсных заявок на закупку различных видов «сложных» услуг является возможность для заказчиков отдавать приоритет критериям качества и квалификации. В соответствии с действующими подзаконными нормативными актами (Постановление № 1085 от 28.11.2013 г.), по этим параметрам заказчики имеют возможность присваивать более высокие значения весовых коэффициентов, чем при закупке товаров и работ.

Относительно возможности применения различных форм контрактных соглашений отметим, что стандартные государственные (муниципальные) контракты не различаются, например, по способам установления цен. В рамках национальной контрактной системы действует один вид контракта – с фиксированной ценой, которая может меняться лишь при строго ограниченном перечне случаев. В рамках той же ФКС США широко распространены формы федеральных контрактов с возмещением издержек, когда рост издержек на производство поставляемой продукции предполагает повышение цены контракта (Галанов, 2010). Конечно, этот механизм эффективно функционирует только при наличии действенного государственного контроля и аудита производственных процессов. В России возможность реализации подобного рода контрактов предусмотрена только в рамках государственного оборонного заказа.

В отдельных случаях указанные меры предполагают более комплексное использование, как, например, при установлении регламентов закупок для нужд Российской Академии Наук (Постановление Правительства РФ № 510 от 28.05.2015 г.).

Представим результаты нашего анализа в более наглядной форме (см. табл. 1).

Несмотря на наличие указанных правил, учитывающих особенности закупок сложной продукции, на наш взгляд, масштабы их применения не адекватны существующим потребностям сложных закупок в нашей стране, поскольку в зарубежной практике развитых стран данные особенности получили в том числе

большее распространение. Наконец, государственная политика стимулирования инноваций в целом там носит более системный и последовательный характер. В качестве значимой составляющей она включает набор инструментов в области инновационных государственных закупок и закупок компаний с государственным участием, на долю которых приходится сравнительно высокая доля ВВП в крупных странах со смешанной экономикой. Исследователи констатируют в этой связи существование двух видов базовых стратегий развития инноваций, используемых этими странами (*Зарубежные практики стимулирования спроса на инновации ...*, 2015):

- Политики поддержки инновационно ориентированного предложения (Supply Side Innovation Policy - SSIP);
- Политики поддержки спроса на инновации (Demand-driven Innovation Policy - DDIP).

Таблица 1

Отечественная практика применения специальных институциональных регламентов при государственной закупке сложной продукции

Особенности закупки сложной продукции	Российская практика	Нормативно-законодательная база
Применение специальных предварительных процедур отбора – квалификационного отбора	Проведение конкурса с ограниченным участием	ФЗ РФ «О контрактной системе...»
Возможность проведения переговоров, в ходе проведения тендерных процедур	Проведение 2-х этапного конкурса	ФЗ РФ «О контрактной системе...»
Применение специфических систем оценки, учитывающих приоритет квалификации и качества приобретаемой продукции	Предусмотрена возможность приоритета учёта качества и квалификации при закупке отдельных видов услуг	Постановление Правительства РФ № 1085 от 28.11.2013 г.
Применение широкого спектра различных форм контрактных соглашений	Преобладает использование контрактов с фиксированной ценой	Различные формы контрактов предусмотрены только ФЗ РФ «О государственном оборонном заказе»

Стратегия SSIP предполагает развитие институциональной среды в рамках национальной экономики, стимулирующей появление инновационных решений, на основе возможностей, связанных с фундаментальными и прикладными разработками, вне прямой связи с существованием сформированного спроса на них в конкретной стране. Такая стратегия включает в себя широкий спектр мероприятий, начиная с прямого финансирования инновационных разработок и заканчивая стимулированием развития множества составляющих, способствующих росту производства инновационной продукции. К ним относятся институты венчурного финансирования, прозрачная система регулирования патентования, снижение административных барьеров в сферах, сопряжённых с развитием производства и сбыта инновационной продукции и др. Отдельные элементы данной стратегии получают развитие и в России (*Иванов, 2015*).

Альтернативная стратегия – по поддержке спроса (DDIP) – предполагает ориентацию инновационных разработок на спрос, который создаётся и стимулируется как со стороны государства, так и конечными потребителями инновационных решений и продукции. Государственный спрос выражается, прежде всего, в форме государственных закупок. Государственные компании и бюджетные

организации, стимулируемые правилами, устанавливаемыми правительственными органами, определяют величину и параметры спроса на инновации, а конкурентные тендерные процедуры должны при этом стимулировать конкуренцию потенциальных поставщиков инновационной продукции, что также способствует росту эффективности. Государство может также создавать специальные координационные и закупочные центры, связанные, в частности, с реализацией конкретных программ финансирования и поддержки инновационных производств. Понятно, что отличительной особенностью реализации указанной стратегии является её ориентация именно на требуемый готовый инновационный продукт, без жёсткой привязки к конкретному производителю, способному такой продукт выпускать.

Наверное, максимально возможный положительный эффект для развития инновационной экономики даёт оптимальное сочетание обоих видов стратегий.

В то же время следует отметить, что именно второй тип политики стимулирования развития инноваций (DDIP) напрямую связан с современной системой государственных закупок (национальной контрактной системой), т.к. предполагает широкое применение тендерных конкурентных механизмов закупок инновационной продукции, в отличие от получающего широкой распространение прямого финансирования и размещения заказа на конкретных предприятиях в рамках политики инновационного развития, связанного со стимулированием предложения (SSIP). Во многих современных развитых странах создаются специальные тендерные комитеты, специализирующиеся на мониторинге информации, проведении тендерных процедур и консультативном сопровождении инновационных компаний, а также иными формами взаимодействия, обеспечивающими поддержку при одновременном соблюдении принципов транспарентности и прозрачности с тем, чтобы отдельные фирмы – потенциальные конкуренты в сфере размещения государственного заказа не получали необоснованных преимуществ.

К сожалению, следует признать, что в России на данный момент фактически остаются не разработанными системные институциональные механизмы стимулирования развития инноваций посредством конкурентных государственных закупок также, как и отсутствует собственно проработанная стратегия их комплексного использования, подобно описанным выше типам стратегий (DDIP, SSIP). Действующие правовые нормы указывают лишь на присутствие отдельных элементов институционального механизма стимулирования инноваций посредством госзакупок, что требует дальнейшего реформирования в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анчишкина О. (2010). Национальные контрактные системы: российское переупутье // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*, № 2, с. 4-33.
- Быков В. и Философова Т. (2008). Конкуренция, инновации. 2-е изд., пераб. М.: Юнити.
- Галанов В. и др. (2010). Зарубежный опыт закупочной деятельности государства. М.: ИНФРА-М.
- Гладков А. А. (2010). Стимулируют ли ООИ инновации через госзакупку? (обзор зарубежного опыта госстимулирования инноваций). / Государственные и муниципальные закупки-2009. Сборник докладов IV Всероссийской практической конференции-семинара. М.: ИД «Юриспруденция».
- Зарубежные практики стимулирования спроса на инновации в рамках государственных закупок и закупок в компаниях с государственным участием. (2015). / Проект «Развитие механизмов стимулирования спроса на инновации в рамках закупок в компаниях с государственным участием» («Инновационные закупки»). – М.: РБК.
- Иванов Д. (2015). «Теплица» для бизнеса: чем технопарки полезны для своих резидентов // *Профиль*, № 10, с. 40-41.

Иноземцев В. (1998). За пределами экономического общества. М.: «Academia» - Наука.

Кузьминов Я., Радаев В., Яковлев А. и Ясин Е. (2005). Институты: от заимствования к выращиванию // *Вопросы экономики*, № 5, с. 5-27.

Положения о закупке товаров, работ, услуг федеральным государственным бюджетным учреждением «Российская академия наук». (<http://www.cosultant.ru>).

Постановление Правительства РФ № 510 от 28.05.2015 г. «Об утверждении Положения о закупке товаров, работ, услуг федеральным государственным бюджетным учреждением "Российская академия наук". (<http://www.cosultant.ru>).

Постановление Правительства РФ № 1085 от 28.11.2013 г. «Об утверждении Правил оценки заявок, окончательных предложений участников закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». (<http://www.cosultant.ru>).

Приказ Министерства здравоохранения РФ № 514-н от 31.07.2013 г. «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ, услуг к инновационной и высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупок такой продукции». (<http://www.cosultant.ru>).

Указ Президента РФ № 899 от 07.07.2011 г. «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации». (<http://www.cosultant.ru>).

Федеральный Закон Российской Федерации № 44-ФЗ от 05.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». (<http://www.cosultant.ru>).

Федеральный Закон Российской Федерации № 127-ФЗ от 23.08.1996 г. «О науке и государственно-технической политике». (<http://www.cosultant.ru>).

Федеральный Закон Российской Федерации № 223-ФЗ от 18.07.2011 г. «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». (<http://www.cosultant.ru>).

Федеральный Закон Российской Федерации № 275-ФЗ от 29.12.2012 г. «О государственном оборонном заказе». (<http://www.cosultant.ru>).

Федорович В. и Патрон А. (2005). США: государство и экономика. М.: Международные отношения.

Фрумкин К. (2015). Почётное последнее место: почему в России нет инновационной экономики // *Профиль*, № 10, с. 36-39.

REFERENCES

Anchishkina O. (2010). National Contract Systems: Russian Crossroads. *ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice*, no. 2, pp. 4-33. (In Russian).

Bykov V. and Filosofova T. (2008). Competition, innovations. 2-nd ed. Moscow, Juniti Publ. (In Russian).

Decree of the President of Russian Federation no. 899 (07.07.2011) "On Approval of Priority Directions of Science, Technologies and Technics in Russian Federation and List of Critical Technologies of Russian Federation". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Federal Law no. 44-FZ (05.04.2013). "About Contract System in Public Procurement Goods and Services". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Federal Law no. 127-FZ (23.08.1996). "About Science and State Technic Policy". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Federal Law no. 223-FZ (18.07.2011). "About Public Procurement for Separate Legal Entities". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Federal Law no. 275-FZ (29.12.2012). "About State Defense Order". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Fedorovich V. and Patron A. (2005). USA: Government and Economy. Moscow, Mezhdunarodnye Otnoshenia Publ. (In Russian).

Foreign Practices for Innovation Demand Stimulation in Public Procurement

sphere. (2015). / Project "Development Innovation Demand Stimulation in Public Procurement for State Companies". Moscow, RBK Publ. (In Russian).

Frumkin K. (2015). Honest last position: why the innovation economy is not present in Russia? *Profile*, no. 10, pp. 36-39. (In Russian).

Galanov V. et al. (2010). Foreign experience of public purchase activity. Moscow, Publ. House INFRA-M. (In Russian).

Gladkov A. A. (2010). "Are innovations stimulated by public procurement in the United Nations" (the Overview of international experience of state innovation stimulation) /Public and municipal procurement 2009. IV-All-Russian Practical Conference-Seminar. Collection of Reports. (In Russian).

Inozemcev V. (1998). The Constitution of Post-Economic State. Moscow, "Academia – Nauka" Publ. (In Russian).

Ivanov D. (2015). "Hothouse" for business: how technoparks are useful for their residents. *Profile*, no. 10, pp. 40-41. (In Russian).

Kuzminov Y., Radaev V., Yakovlev A. and Yasin E. (2005). Institutions: from import to "cultivation". *Voprosy Ekonomiki*, no. 5, pp. 5-27. (In Russian).

Order of the Ministry of health of Russian Federation no. 514-N (31.07.2013) "On Approval of Criteria of Attribution of Goods, Works and Services to the Innovative Noah and Hi-Tech Products for the Purpose of Forming the Plan of Procurement of Such Products". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Regulations on Procurement of Goods, Works and Services by Federal State Budgetary Institution "Russian Academy of Sciences". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Resolution of the Government of Russian Federation no. 510 (28.05.2015). "About Public Procurement Rules for "Russian Academy of Sciences". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

Resolution of the Government of Russian Federation no. 1085 (28.11.2013). "About Estimation Rules in Public (Municipal) Procurement". (<http://www.cosultant.ru>). (In Russian).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ФОРМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ЦЫГАНЕНКО СЕРГЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ,

доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: zeross@rambler.ru

В статье рассматриваются основные вопросы современной концепции дифференциации уголовного процесса с точки зрения новых методолого-теоретических подходов – моделей уголовного судопроизводства и теории уголовно-процессуальной стратегии. При этом обращается внимание на сформировавшуюся тенденцию к расширению сферы применения в уголовном судопроизводстве наряду с процессуальными производствами и формами правосудия также и юридических технологий. В связи с чем рассматривается их место в структуре современного уголовного процесса, условия применения и перспективы развития.

Длительное время в системологии теории уголовного процесса ключевым элементом выступала процессуальная форма как нормативно-функциональный комплекс стадий и этапов деятельности в досудебной и судебной частях уголовного судопроизводства. Ее предназначение было сфокусировано на достижении крупных промежуточных целей в осуществлении правосудия, которые, в конечном счете, выражались в установлении истины по делу. Таким образом, сложился двухэлементный механизм, состоящий из досудебного производства, обусловленного необходимостью раскрытия преступления и выдвижения обвинения, и судебного производства, состоящего, прежде всего, из судебного разбирательства, основанного на принципах правосудия.

Такой порядок, закрепленный нормативно, являлся унифицированным – он одинаково применялся по всем категориям уголовных дел и всеми процессуальными органами.

Современный уголовный процесс представляет собой дифференцированную форму, в которой наряду с процессуальными стадиями созданы и процессуальные производства, а в последнее время активно применяются юридические процессуальные технологии.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальная форма; дифференциация; процессуальный порядок.

ISSUES OF REMEDIAL DEVELOPMENT OF FORMS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

TSYGANENKO SERGEY, S.,

Doctor of Law, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: zeross@rambler.ru

The paper deals with the main issues of the modern concept of the criminal proceedings differentiation in terms of new methodological and theoretical approaches - models of criminal justice and the theory of criminal procedural strategy. This draws attention to a trend to expand the scope of

application in criminal proceedings, along with production and procedural forms of justice and law and technology. In connection with what is considered their place in the structure of modern criminal procedure, the application conditions and development prospects.

For a long time in the theory of criminal systemology a key element in the process acted as a procedural form of normative-functional complex stages and phases of activity in the pre-trial and judicial parts of the criminal justice system. Its mission has been focused on the achievement of major milestones in the implementation of justice, which, ultimately, are expressed in establishing the truth in the case. Thus, there was a two-element mechanism consisting of pre-trial proceedings, due to the need to solve the crime and bringing charges and proceedings, consisting primarily of the trial based on the principles of justice.

This order, established regulations, is unified - it is equally applied to all categories of criminal cases and with all the procedural authorities.

Modern criminal procedure is a differentiated form in which, along with established procedural steps and process of production, and has been actively used legal procedural technology.

Keywords: *criminal legal proceedings; the remedial form; differentiation; the remedial order.*

JEL: K10, K14, K42.

Необходимость установления виновности лица в совершении преступления обуславливает выработку определенного процессуального порядка деятельности органов уголовной юстиции. Вне зависимости от исторических, национальных, психологических, социальных и других обстоятельств уголовный процесс развивался в качестве средства, определяющего отношение личности к уголовно-наказуемому деянию как основанию ее ответственности.

Его основу представляла деятельность участников *res judicata* - потерпевшего (субъект требования о восстановлении нарушенного права) и обвиняемого (субъекта защиты от выдвинутого требования), а также суда - арбитра, решающего их спор. Подробное регулирование предъявления уголовного иска, его обоснования и разрешения обусловило формирование порядка этих действий и связанных с ними отношений, определение круга их участников, смысла и средств доказывания, ставших этапами уголовного судопроизводства.

Если рассматривать развитие правосудия в историческом плане и за длительный период, то можно с определенной долей уверенности говорить, что ступенями его становления применительно к форме и содержанию были в основном три: 1) технологии; 2) судопроизводство; 3) правосудие. Известно также, что далеко не всегда в теории они различались, как таковые. Вершиной этого процесса является по сути судебно-правовая реформа и суд присяжных XIX века.

Ведь именно в суде присяжных происходит наиболее рельефно разделение судебного процесса на установление факта виновности по делу, связанное с вынесением присяжными своего вердикта, и последующего постановления приговора судьей как окончательного судебного (юридического) решения по его существу.

До сих пор малооцененной остается роль суда присяжных в становлении ключевого принципа правосудия - свободы оценки доказательств.

Состязательность и презумпция невиновности – неотъемлемые условия справедливого судебного разбирательства дел судом присяжных.

Переход к процессу с единой общей судебной коллегией, соединенным решением вопросов материального и процессуального права, в которой ведущим началом является руководящая роль профессионального судьи, а в дальнейшем - вообще к единолично проводимому судебному разбирательству, уже означает применение модели судопроизводства, т.е. процессуального производства, осуществляемого, как правило, судьей единолично. То, что в советский период

упростили механизм правосудия, исключив суд присяжных и объединив апелляцию и кассацию - яркий пример изменений на основе концепции судопроизводства. Новое изменение стадийно-процессуального соотношения между кассацией и апелляцией в УПК РФ вновь подтвердило это положение.

Концепция судебной реформы в Российской Федерации стремилась восстановить идеи правосудия через суд присяжных, состязательность и т.д. (*Пашин и др., 1991*). В значительной мере этому способствует и Конституция РФ.

Однако в настоящее время необходимо обратить внимание на то, что в современных условиях наметился обратный процесс: «правосудие – судопроизводство – технология». По сути, в главе 40 УПК «Особый порядок судебного разбирательства» можно уже наблюдать даже не черты судопроизводства, а судебную технологию. К технологиям тяготеет и форма судебных приказов.

Актуальность заключается в том, что уже более половины уголовных дел рассматриваются с применением и в условиях юридических технологий. Попытки объяснить их природу через категорию правосудие наталкиваются на серьезные логические проблемы, т.к. сразу бросается в глаза многочисленные изъятия из принципов и других фундаментальных начал.

Возможно, что данный процесс является объективным. Ведь уже и в XIX в. наряду с судом присяжных существовал и так называемый суммарный процесс (*Стойко, 2007*).

С общих позиций представляется, что здесь существуют две системные модели уголовного судопроизводства. Первая - прагматическая (дуалистическая), допускающая широкое применение начал целесообразности и приоритет юридических технологий.

Так, уголовный процесс США в его реальной, а не декларативном виде представляет собой широкое доминирование различных юридических технологий (*Hatchrd, Huber and Vogler, 1996*). При этом продолжает подчеркиваться значение основной формы судебного разбирательства – суда присяжных как в обычном виде (*Appleman, 2008*), и так и в расширенном составе - большое жюри (*Fagan and Harcourt, 2014*). Распоряжение процессуальными правами со стороны участников с точки зрения их индивидуальной целесообразности, ведущий характер начала дискреционности в области материального и процессуального права, отказ от ретрибутивности в пользу конвергентности публичных и частных начал допускают, таким образом, действительно возможность широкого применения юридических технологий. Декларируется, что это выгодно, прежде всего, обвиняемому. Однако кроме обвиняемых в судопроизводстве есть и другие участники со своими процессуальными интересами. Кроме того, процесс приобретает, несомненно, обвинительный уклон, т.е. сокращение процессуальной формы направлено на ускорение привлечения к уголовной ответственности по делу обвиняемых (подозреваемых) и применения институтов наказания.

Другая модель - дифференцированная, т.е. построенная на основе идеи дифференциации.

Основы этой модели закладывались в УПК РФ. Что ее характеризует. Во-первых, реформа уголовной юстиции, изменение содержания правовых задач, развернувшиеся на рубеже 80-90-х гг. в России, оказавшие существенное влияние на уголовное судопроизводство.

Ведь сложившаяся в результате кодификации уголовно-процессуального права 1950-1960 годов в России система и форма уголовного процесса представляла собой подчиненный общей цели назначения наказания преступнику порядок деятельности органов предварительного расследования и суда, отличающийся широкой степенью унифицированности процессуальной формы.

В концептуальном плане данное положение выражалось в утверждении и развитии представления об уголовном процессе как общем и едином для всех государственных органов и лиц порядке расследования и рассмотрения уголовных дел, обладающих определенным кругом особенностей (*Строгович, 1974*). Данное

положение широко транслировалось в научных произведениях – в монографиях 70-х годов (*Добровольская и Элькинд, 1976*) и даже в трудах юристов, опубликованных в более позднее время – уже во второй половине 80-х годов (*Стецовский и Ларин, 1988*), научных статьях (*Арсеньев, 1970*), теоретических курсах (*Строгович, 1963-1970*) и других произведениях (*Алексеев, Даев и Кокорев, 1980*).

Однако все большее проникновение реститутивных механизмов и начал в область государственного принуждения не могло не затронуть и уголовный процесс (*Якуб, 1981; Пашкевич, 1984*).

Вопросам дифференциации уголовного процесса в настоящее время уделяется больше внимания, чем прежде. В принципе, проблемы, составляющие ее основу, рассматривались уже в классических трудах юристов. Так, следует выделить идеи проф. И. Я. Фойницкого, который одним из первых обосновал идею в классической российской науке о дифференциации уголовного судопроизводства – конструирования модели уголовного производства, которая изменялась бы в соответствии с тяжестью преступления, а также включала бы применение в отношении преступлений небольшой тяжести так называемого суммарного процесса, т.е. сокращенного производства (*Фойницкий, 1910*). Это направление развивалось в трудах судебного деятеля В. К. Случевского (*Случевский, 1913*). Теоретическое обоснование этот подход нашел и в различных произведениях ученых-юристов, например, в курсах лекций по уголовному судопроизводству (*Фельдштейна, 1915*), в учебниках по уголовному процессу (*Розин, 1916*), других произведениях (*Викторский, 1997*) и статьях (*Михайловский, 1903*).

Способом преобразования процессуальных отношений и соответствующих им форм, приведения их в соответствие с новыми условиями деятельности судов и правоохранительных органов стала дифференциация – метод правового воздействия на общественные отношения, складывающиеся в уголовном судопроизводстве, ведущего к использованию в уголовном процессе различных по своему характеру и назначению, но общих – по обязательным условиям применения и природе процессуальных производств и форм. Это обеспечивает разнородную по механизмам и средствам, целям и задачам, но единую по процессуально-правовым категориям структуру уголовного процесса, обеспечивающую в конечном счете участникам производства по уголовному делу защиту их прав и свобод в соответствии с характером и тяжестью мер уголовной ответственности. Таким образом, представление о сущности дифференциации в уголовном судопроизводстве как о формальной автономизации и дроблении (множественности) процессуальных порядков и соответствующих им правовых институтов и отношений не может быть правильным.

Во-вторых, поскольку способом изменения процессуальной формы, приведения ее в соответствие с новыми условиями выступила уже не специализация, а дифференциация, то это было непосредственно подчеркнуто в концепции судебной реформы в Российской Федерации. В уголовно-процессуальное право были включены новые институты – единоличное рассмотрение судьей уголовных дел, производство в суде присяжных, производство у мирового судьи, ускоренное судопроизводство по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Анализ норм принятого 22 ноября 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ, в первую очередь ст. 1, показывает, что в нем отсутствует формулировка о единстве уголовного судопроизводства, ранее закрепленная в уголовно-процессуальном законодательстве.

Кроме того, им предусмотрен также особый порядок судебного разбирательства (ст. 314-317). В дальнейшем особый порядок стал расширяться и с появлением гл. 40-1 (ст. 317-1 – 317-9) соотношение между структурными формами изменилось. Он стал скорее смешанным, появился и дуализм уголовного судопроизводства.

В то же время ведущую роль в уголовном судопроизводстве, согласно

положениям, составляющим часть вторую и третью УПК РФ, выполняет общий порядок.

Именно общий порядок уголовного судопроизводства выступает как основной вид уголовно-процессуальной деятельности. Во-первых, он распространяется в отношении наиболее широкого круга уголовных дел и подлежит обязательному применению процессуальными органами, кроме случаев, предусматривающих иной порядок их возбуждения и расследования, а также рассмотрения и разрешения уголовных дел судом. Во-вторых, несомненно то, что общий порядок уголовного судопроизводства как вид производства по уголовному делу воплощает главные институты уголовно-процессуального права, обеспечивая, тем самым, единство уголовного процесса.

В то же время нельзя ставить знак равенства между особыми формами и юридическими технологиями.

Ведь речь идет не только о разделе X «Особый порядок судебного разбирательства», включающем гл. 40 (ст. 314-317) «Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением» и гл. 40-1 (ст. 317-1 – 317-9) «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», но и о части четвертой УПК РФ «Особый порядок уголовного судопроизводства», включающей раздел XVI «Особенности производства по отдельным категориям уголовных дел и раздел XVII «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». Первое охватывает производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 ст. 420-432) и производство о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51, ст. 433-446), второе — особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (гл. 51 ст. 447-452).

Выделение особых порядков — достаточно известный в уголовно-процессуальном праве способ урегулирования некоторых видов процессуальной деятельности (например, использовался в УПК РСФСР 1922 г.). Следует отметить, что в рассматриваемом случае основаниями отнесения процессуальных производств в эту группу послужили разнообразные отступления — дополнения или, наоборот, изъятия от общего порядка уголовного судопроизводства.

Особым порядком в полном смысле этого понятия (прежде всего, по своему содержанию) является производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних также обладает отличиями от общего порядка в части усиленных гарантий несовершеннолетнего обвиняемого и возможности применения к нему мер, не связанных с уголовной ответственностью. Что же касается раздела XVII УПК РФ, то в нем сосредоточены правила, предусматривающие ряд правовых гарантий некоторых категорий должностных лиц, относительно условий их уголовного преследования и применения мер процессуального принуждения, существенно не изменяющих порядка установления виновности личности и назначения наказания.

В 2013 году в УПК РФ была предусмотрена глава 32-1 «Дознание в сокращенной форме», что является новым этапом развития упрощенных и сокращенных форм в уголовном процессе.

Следовательно, доктрина современного уголовного процесса уже немыслима без вопросов дифференциации.

Для формирования модели дифференцированного уголовного судопроизводства следует рассматривать дифференциацию как способ воздействия на процессуальную форму, ведущий к формированию отдельных видов уголовного судопроизводства (производств), со своей материально-правовой основой, специальными задачами и соответствующим порядком.

Для этого в материальном и процессуальном законодательстве уже имеются необходимые предпосылки, которые необходимо развивать в дальнейшем

(Цыганенко, 2004; 2012).

Так, в уголовном процессе на основе УПК РФ 2001 года существуют не просто различающиеся своими чертами процессуальные производства, а производства двух типов, имеющих специфическое предназначение:

1. Производства по уголовным делам, обусловленные материальным характером правового отношения в качестве своего предмета.

2. Специальные уголовно-процессуальные производства.

Производства по уголовным делам (уголовно-процессуальные производства материального характера) предусмотрены для реализации содержащихся в законодательстве норм материального уголовного права. Порядки указанного типа образуют основу видов уголовного судопроизводства.

Специальные уголовно-процессуальные производства обусловлены потребностью обеспечения различных процессуальных задач по охране прав и законных интересов участников уголовно-процессуальной деятельности, а также реализации предоставленных процессуальным органам в этой связи полномочий. Их формирование и применение обусловлено иными, чем у материальных производств, потребностями. Они не обладают и полностью предметно-функциональными тождественными формами, присущими производству по уголовному делу.

С точки зрения первой группы производств, структуру действующего уголовного процесса составляют:

1. Общий порядок уголовного судопроизводства - основной вид уголовно-процессуальной деятельности, урегулированный наибольшим кругом правовых норм, содержащихся в уголовно-процессуальном законодательстве. По своим задачам и содержанию – это публичный порядок, состоящий из досудебного и судебного производства по уголовному делу.

2. Дифференцированные порядки уголовного судопроизводства – нормативно выраженные, как обычные по своим правоприменительным задачам и предмету, так и особые, обладающие индивидуально-специфическими признаками, виды уголовно-процессуальной деятельности:

а) сокращенный порядок - вид судопроизводства, специфическими чертами которого является измененная структура частей (этапов) уголовного производства, быстрота, использование меньшего круга процессуальных действий и применение по делам о преступлениях, не представляющих значительной опасности.

б) судопроизводство с усиленными гарантиями прав обвиняемого – порядок, применяемый в отношении дел о преступлениях особой и исключительной тяжести, дифференцированный за счет модели суда «с разграниченными полномочиями» для судебного состава.

в) судопроизводство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

г) особый порядок – производство о применении принудительных мер медицинского характера.

д) судопроизводство по делам частного обвинения - процессуальный порядок, в котором уголовное преследование, включая обвинение в суде, осуществляется в частном порядке, а уголовные дела с частным обвинением рассматриваются, как правило, мировыми судьями. Представляется, что именно с позиций уголовно-процессуальных производств как видов уголовно-процессуальной деятельности, имеющих свой материальный предмет (выраженный в категории уголовных дел) и соответствующую ему форму деятельности субъектов правоприменения (порядок), будет возможным уяснение сущности дифференциации и ее воплощения в уголовно-процессуальном праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев Н. С., Даев В. Г. и Кокорев Л. Д. (1980). Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 250 с.

Арсеньев В. (1975). О единстве и дифференциации уголовного

судопроизводства // *Соц. законность*, № 3, с. 63-64.

Викторский С. И. (1997). Русский уголовный процесс. Учебное пособие (переизд.), 447 с.

Добровольская Т. Н. и Элькгинд П. С. (1976). Уголовно-процессуальная форма, процессуальные нормы и производства. Теория и практика. М., с. 266-276.

Михайловский В. (1903). К вопросу об упрощении суммарного уголовного процесса // *Вестник права*, № 2, 3, с. 1-19.

Пашкевич П. Ф. (1984). Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М.

Розин Н. Н. (1916). Уголовное судопроизводство. Петроград, 597 с.

Случевский В. К. (1913). Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство-судопроизводство. Вып. 1. Санкт-Петербург, 664 с.

Стецовский Ю. И. и Ларин А. М. (1988) Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 317 с.

Стойко Н. Г. (2007). Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: Автореф. дисс... доктора юрид. наук. СПб.

Строгович М. С. (1963). Курс советского уголовного процесса. Е.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., с. 61.

Строгович М. С. (1974). О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // *Соц. Законность*, № 9, с. 50-53.

Фельдштейн Г. С. (1915). Лекции по уголовному судопроизводству. М., 412 с.

Фойницкий И. Я. (1910). Курс уголовного судопроизводства. Т. 1-2, 572 с.

Цыганенко С. С. (2004). Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства. Автореф. дисс...доктора юрид. наук. СПб., с. 16-17.

Цыганенко С. С. (2012). Вопросы системно-структурной организации уголовного процесса // *TERRA ECONOMICUS*, Т. 10, № 3, с. 109-114.

Якуб М. Л. (1981). Процессуальная форма в советском уголовном судопроизводстве. М., с. 80-81.

Appleman I. L. (2008). The Lost Meaning of the Jury Trial Right. (http://ilj.law.indiana.edu/articles/84/84_2_Appleman.pdf - Access Date: 20.08.2015).

Fagan J. and Harcourt E. B. (2014). Provide Facts on Grand Jury Practice In Light of Ferguson Decision. (https://www.law.columbia.edu/media_inquiries/news_events/2014/november2014/Facts-on-Ferguson-Grand-Jury - Access Date: 09.09.2015).

Hatchard J., Huber B. and Vogler R. (1996). Comparative Criminal Procedure. London, 256 p.

REFERENCES

Alexeev N. S., Daev V. G. and Kokorev L. D. (1980). Outline of the development of science of the Soviet criminal trial. Voronezh, 250 p. (In Russian).

Appleman I. L. (2008). The Lost Meaning of the Jury Trial Right. (http://ilj.law.indiana.edu/articles/84/84_2_Appleman.pdf - Access Date: 20.08.2015).

Arsen'yev V. (1975). On the unity and differentiation of the criminal justice. *Social Legality*, no. 3, pp. 63-64. (In Russian).

Dobrovol'skaya T. N. and Elktind P. S. (1976). Criminal procedural form, the procedural rules and production. Theory and Practice. Moscow, pp. 266-276. (In Russian).

Fagan J. and Harcourt E. B. (2014). Provide Facts on Grand Jury Practice In Light of Ferguson Decision. (https://www.law.columbia.edu/media_inquiries/news_events/2014/november2014/Facts-on-Ferguson-Grand-Jury - Access Date: 09.09.2015).

Feldstein G. S. (1915). Lectures on Criminal Justice. Moscow, 412 p. (In Russian).

Foinitsky I. J. (1910). The course of criminal proceedings, vol. 1-2, 572 p. (In

Russian).

Hatchard J., Huber B. and Vogler R. (1996). *Comparative Criminal Procedure*. London, 256 p.

Jakub M. L. (1981). Procedural forms in the Soviet criminal trial. Moscow, pp. 80-81. (In Russian).

Michaylovsky B. (1903). On the issue of simplification of the total criminal process. *Bulletin of the Law*, no. 2, 3, pp. 1-19. (In Russian).

Pashkevich P. F. (1984). *Procedural Law and efficiency of criminal justice*. Moscow. (In Russian).

Rosin N. N. (1916). *Criminal proceedings*. Petrograd, 597 p. (In Russian).

Sluchevsky V. K. (1913). *Textbook of the Russian criminal trial. The Judicial System, Court Proceedings*, vol. 1. St. Petersburg, 664 p. (In Russian).

Stetsovsky Y. I. and Larin A. M. (1988). The Constitutional principle of the accused the right to defense. Moscow, 317 p. (In Russian).

Stoyko N. G. (2007). *Criminal proceedings Western nations and Russia: a comparative study of the theoretical and legal Anglo-American and Roman-Germanic legal systems: Abstract of the Diss. ... Doctor of Law*. St. Petersburg. (In Russian).

Strogovich M. S. (1963). Rate of the Soviet penal process. E.1 Basics of Science of the Soviet criminal trial. Moscow, p. 61. (In Russian).

Strogovich M. S. (1974). About a uniform manner within the criminal justice and its differentiation. *Social Legality*, no. 9, pp. 50-53. (In Russian).

Tsyganenko S. S. (2004). The total and differential criminal proceedings. Author. Abstract of the Diss ... Doctor of Law. St. Petersburg, pp. 16-17. (In Russian).

Tsyganenko S. S. (2012). The issues of system and structural arrangement of the criminal procedure. *TERRA ECONOMICUS*, vol. 10, no. 3, pp. 109-114. (In Russian).

Victorsky S. I. (1997). *Russian criminal trial. Textbook (reprint)*, 447 p. (In Russian).

ПОДПИСКА-2016

НА ЯНВАРЬ–ИЮНЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Institutional Studies

Журнал институциональных исследований

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2016»,
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ*

Подписной индекс 82295

*Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.*

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

ПОДПИСКА-2016

НА ЯНВАРЬ–ИЮНЬ

по Объединенному каталогу «Пресса России»

Journal of Economic Regulation

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

*по Объединенному каталогу «Пресса России. Подписка-2016»,
ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ*

Подписной индекс 42503

*Условия оформления подписки (аннотация, индекс(ы), стоимость)
вы найдете в I томе каталога, на страницах, указанных
в Тематическом и Алфавитном указателях каталога.*

ТРЕБУЙТЕ ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ НА ПОЧТЕ!

Journal of Economic Regulation
ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ

Том 6, № 4. 2015

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Учредитель и издатель: ООО «Гуманитарные перспективы».
Адрес редакции и издателя: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 10.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-13. **E-mail:** hp@donpac.ru; info@hjournal.ru.
Сайт: <http://www.hjournal.ru>

Индекс журнала: в Объединенном каталоге «Пресса России» 42503.
Свободная цена.

Сдано в набор 14.12.2015.
Подписано в печать 21.12.2015.
Тираж: 500 экз. **Заказ №** 169.
Выход в свет: 25.12.2015.

Формат 60x84 1/8. **Гарнитура** CenturySch.
Печать цифровая. 11,68 п. л.

Отпечатано в Издательстве Фонда «Содействие—XXI век».
Адрес типографии: 344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 43, оф. 9.
Тел./факс: +7 (863) 269-88-14. **Сайт:** <http://www.fund21.ru>
